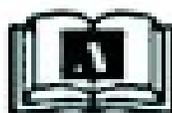

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ирина Пивоварова
**О ЧЁМ
ДУМАЕТ МОЯ
ГОЛОВА**

Annotation

Аннотация издательства:

Весёлые рассказы и маленькие повести о двух подругах, ученицах третьего класса.

- [О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА](#)
 -
 - [РАССКАЗЫ](#)
 -
 - [ПРО МОЮ ПОДРУГУ И НЕМНОЖКО ПРО МЕНЯ](#)
 - [«СЕКРЕТИКИ»](#)
 - [СОЧИНЕНИЕ](#)
 - [СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК](#)
 - [КРОВЕЛЬЩИК](#)
 - [КАК МЕНЯ УЧИЛИ МУЗЫКЕ](#)
 - [СЕЛИВЕРСТОВ НЕ ПАРЕНЬ, А ЗОЛОТО!](#)
 - [ПЛОХИЕ СНЫ](#)
 - [КАК КОЛЯ ЛЫКОВ СТАЛ ЗВЕНЬЕВЫМ](#)
 - [О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА](#)
 - [«СМЕЯЛИСЬ МЫ — ХИ-ХИ»](#)
 - [ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ МАМ](#)
 - [ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ](#)
 - [МЫ ПОШЛИ В ТЕАТР](#)
 - [ИНТЕРЕСНЫЙ КОНЦЕРТ](#)
 - [«КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ...»](#)
 - [БЕДНАЯ ДАРЬЯ СЕМЁНОВНА!](#)
 - [«ПРИВЕТ С ДАЛЁКОГО СЕВЕРА!»](#)
 - [САМОЕ ДРУЖНОЕ ЗВЕНО](#)
 - [КАК МЫ С ЛЮСЬКОЙ СПОРИЛИ](#)
 - [КИЛИК-МИЛИК](#)
 - [ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ](#)
 - [МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ](#)
 -
 - [ВЕРНАЯ СОБАКА УРАН](#)
 - [КРАСНЫЙ САМОКАТ](#)
 - [«ДАВАЙ КУПИМ ТЕБЕ БЕГЕМОТА»](#)

- [ЧТО Я ПРИДУМАЛА](#)
- [СОН](#)
- [ЧТО ПРИДУМАЛА ЛЮСЬКА](#)
- [ОБЪЯВЛЕНИЯ](#)
- [МЫ ИЩЕМ УРАНА](#)
- [ЗАМЕЧАНИЕ В ДНЕВНИКЕ](#)
- [ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ](#)
- [ПРОИСШЕСТВИЕ В СКВЕРЕ](#)
- [ИСТОРИЯ С ТРУБОЙ](#)
- [ЧТО БЫЛО ПОТОМ](#)
- [МАМА СЕРДИТСЯ](#)
- [МАМА УЖАСНО СЕРДИТСЯ](#)
- [МЕНЯ ЗАПЕРЛИ](#)
- [Я НАХОЖУ ВЫХОД](#)
- [РАЗБИТАЯ КОЛЕНКА И ДОБРАЯ ГАЗИРОВЩИЦА](#)
- [ЗАПИСКА НА ДВЕРИ](#)
- [МЫ ЕДЕМ НА ПЕЧОРСКУЮ](#)
- [ДВА УРАНА](#)
- [В ГОСТЯХ У ВЕРЫ ЕВСТИГНЕЕВНЫ](#)
- [ХУЛИГАНЫ](#)
- [Я ДОМА](#)
- [КОНЕЦ ИСТОРИИ](#)
- [ПРЕВРАЩЕНИЕ ФАРФОРОВОЙ СВИНКИ](#)
 - [ПОДАРОК](#)
 - [Я ДУМАЮ О ДЕЛЕ](#)
 - [«УРАН, КО МНЕ!»](#)
 - [«ПИОНЕР С ГРИБАМИ»](#)
 - [ОДНА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ](#)
 - [ЗА ЧАЕМ](#)
 - [«СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МАМОЧКА!»](#)
 - [СОН](#)
 - [МЫ ИДЁМ В ШКОЛУ](#)
 - [ОБЪЯВЛЕНИЕ](#)
 - [ЗА СЕМЬ МИНУТ ДО ЗВОНКА](#)
 - [«СИНИЦЫНА, КУДА ТЫ СМОТРИШЬ?»](#)
 - [ПЕРЕМЕНА](#)
 - [ПОСЛЕДНИЙ УРОК](#)
 - [«РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!»](#)
 - [ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА](#)

- [НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ](#)
 - [НЯНЕЧКА ТЁТЯ МАРУСЯ](#)
 - [ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ](#)
 - [ИНТЕРВЬЮ](#)
 - [ДЕЛЕГАЦИЯ ПЕРВОКЛАССНИКОВ](#)
 - [«ЛЮСЯ, ОЧНИСЬ!»](#)
 - [ВЕРА ЕВСТИГНЕЕВНА ВЫЗЫВАЕТ МАМУ](#)
 - [РАЗГОВОР С МАМОЙ](#)
 - [ЗАЧЕМ ОН ТАК СКАЗАЛ?](#)
 - [НОВОСТЬ](#)
 - [Я ПЛАЧУ...](#)
 - [...И ПРИЗНАЮСЬ ВО ВСЁМ КОЛЕ](#)
 - [В ШКОЛЕ](#)
 - [КОНЕЦ ЗЕЛЁНОЙ СВИНЬИ](#)
 - [КОНЕЦ ВСЕЙ ИСТОРИИ](#)
 - [БАРЬШНИ ЛЮСИ](#)
 - [«ЧТО ЖЕ ВЫ СИДИТЕ?»](#)
 - [«ВРЕДНЫЙ ПЕНСИОНЕР»](#)
 - [БУМАЖНЫЕ ЛЯГУШКИ](#)
 - [ГВОЗДЬ С ПОЛОТЕНЦЕМ](#)
 - [ДВЕРЬ НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ](#)
 - [МЫ ПЕЧЁМ ПИРОГ](#)
 - [МЫ ИДЁМ В БОЛЬНИЦУ](#)
 - [У БОЛЬНИЧНЫХ ВОРОТ](#)
 - [ЛЕЗЕМ ЧЕРЕЗ ЗАБОР](#)
 - [В ПЯТОЙ ПАЛАТЕ](#)
 - [ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА ТАЛАНТА1](#)
-

У. Пубобяз

1939 — 1986

О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА
*Рассказы Люси Сеницыной,
ученицы третьего класса*

Рисунки Е. Попковой

Предисловие Л. Яхнина

РАССКАЗЫ

РАССКАЗЫ

ПРО МОЮ ПОДРУГУ И НЕМНОЖКО ПРО МЕНЯ

Двор у нас был большой. В нашем дворе гуляло много всяких детей — и мальчишек и девчонок. Но больше всех я любила Люську. Она была моей подругой. Мы с ней жили в соседних квартирах, а в школе сидели за одной партой.

У моей подруги Люськи были прямые жёлтые волосы. А глаза у неё были!.. Вы, наверное, не поверите, какие у неё были глаза. Один глаз зелёный, как трава. А другой — совсем жёлтый, с коричневыми пятнышками!

А у меня глаза были какие-то серые. Ну, просто серые, и всё. Совсем неинтересные глаза! И волосы у меня были дурацкие — кудрявые и короткие. И огромные веснушки на носу. И вообще всё у Люськи было лучше, чем у меня. Вот только ростом я была выше.

Я ужасно этим гордилась. Мне очень нравилось, когда нас во дворе звали «Люська большая» и «Люська маленькая».

И вдруг Люська выросла. И стало непонятно, кто из нас большая, а кто маленькая.

А потом она выросла ещё на полголовы.

Ну, это было уже слишком! Я на неё обиделась, и мы перестали гулять вместе во дворе. В школе я не смотрела в её сторону, а она не смотрела в мою, и все очень удивлялись и говорили: «Между Люськами чёрная кошка пробежала», и приставали к нам, почему мы поссорились.

После школы я теперь не выходила во двор. Мне там нечего было делать.

Я слонялась по дому и не находила себе места. Чтобы не было так скучно, я украдкой, из-за занавески, смотрела, как Люська играет в лапту с Павликом, Петькой и братьями Кармановыми.

За обедом и за ужином я теперь просила добавки. Давилась, а всё съедала... Каждый день я прижималась затылком к стене и отмечала на ней красным карандашом свой рост. Но странное дело! Выходило, что я не только не расту, но даже, наоборот, уменьшилась почти на два миллиметра!

А потом настало лето, и я поехала в пионерский лагерь.

В лагере я всё время вспоминала Люську и скучала по ней.

И я написала ей письмо.

Здравствуй, Люся!

Как ты поживаешь? Я поживаю хорошо. У нас в лагере очень

весело. У нас рядом течёт речка Воря. В ней вода голубая-голубая! А на берегу есть ракушки. Я нашла для тебя очень красивую ракушку. Она кругленькая и с полосками. Наверное, она тебе пригодится. Люсь, если хочешь, давай дружить снова. Пусть тебя теперь называют большой, а меня маленькой. Я всё равно согласна. Напиши мне, пожалуйста, ответ.

С пионерским приветом!

Люся Синицына

Я целую неделю ждала ответа. Я всё думала: а вдруг она мне не напишет! Вдруг она больше никогда не захочет со мной дружить!.. И когда от Люськи наконец пришло письмо, я так обрадовалась, что у меня даже руки немножечко дрожали.

В письме было написано вот что:

Здравствуй, Люся!

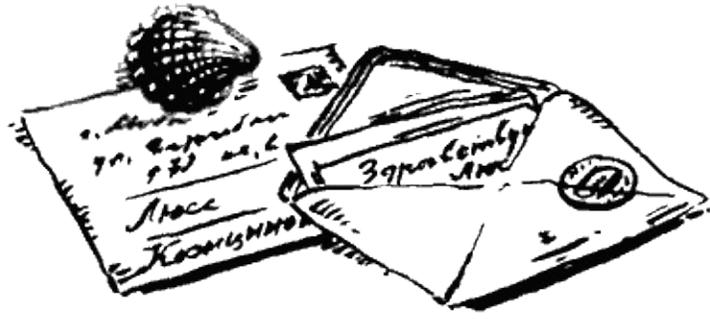
Спасибо, я поживаю хорошо. Вчера мне мама купила замечательные тапочки с белым кантиком. Ещё у меня есть новый большой мяч, прямо закачаешься! Скорее приезжай, а то Павлик с Петькой такие дураки, с ними неинтересно! Ракушку ты смотри не потеряй.

С пионерским салютом!

Люся Косицына

В этот день я до вечера таскала с собой голубой Люськин конвертик. Я всем рассказывала, какая у меня есть в Москве замечательная подруга Люська.

А когда я возвращалась из лагеря, Люська вместе с моими родителями встречала меня на вокзале. Мы с ней бросились обниматься... И тут оказалось, что я переросла Люську на целую голову.

«СЕКРЕТИКИ»

Вы умеете делать «секретики»?

Если не умеете, я вас научу.

Возьмите чистое стёклышко и выroyте в земле ямку. Положите в ямку фантик, а на фантик — всё, что у вас есть красивого.

Можно класть камень,

осколок тарелки,

бусину,

птичье пёрышко,

шарик (можно стеклянный, можно металлический).

Можно жёлудь или шапочку от жёлудя.

Можно разноцветный лоскуток.

Можно цветок, листик, а можно даже просто траву.

Можно настоящую конфету.

Можно бузину, сухого жука.

Можно даже ластик, если он красивый.

Да, можно ещё пуговицу, если она блестящая.

Ну вот. Положили?

А теперь прикройте всё это стёклышком и засыпьте землёй. А потом потихоньку пальцем расчищайте от земли и смотрите в дырочку... Знаете, как красиво будет! Я сделала «секретик», запомнила место и ушла.

Назавтра моего «секретика» не стало. Кто-то его вырыл. Какой-то хулиган.

Я сделала «секретик» в другом месте. И опять его вырыли!

Тогда я решила выследить, кто этим делом занимается... И конечно же этим человеком оказался Павлик Иванов, кто же ещё?!

Тогда я снова сделала «секретик» и положила в него записку:

«Павлик Иванов, ты дурак и хулиган».

Через час записки не стало. Павлик не смотрел мне в глаза.

— Ну как, прочёл? — спросила я у Павлика.

— Ничего я не читал, — сказал Павлик. — Сама ты дура.

СОЧИНЕНИЕ

Однажды нам велели написать в классе сочинение на тему «Я помогаю маме».

Я взяла ручку и стала писать:

«Я всегда помогаю маме. Я подметаю пол и мою посуду.
Иногда я стираю носовые платки».

Больше я не знала, что писать. Я посмотрела на Люську. Она так и строчила в тетрадке.

Тут я вспомнила, что один раз постирала свои чулки, и написала:

«Ещё я стираю чулки и носки».

Больше я уж совсем не знала, что писать. Но нельзя же сдавать такое короткое сочинение!

Тогда я написала:

«Ещё я стираю майки, рубашки и трусы».

Я посмотрела вокруг. Все писали и писали. Интересно, о чём они пишут? Можно подумать, что они с утра до ночи помогают маме!

А урок всё не кончался. И мне пришлось продолжать:

«Ещё я стираю платья, своё и мамино, салфетки и покрывало».

А урок всё не кончался и не кончался. И я написала:

«А ещё я люблю стирать занавески и скатерти».

И тут наконец зазвенел звонок!

...Мне поставили «пять». Учительница читала моё сочинение вслух. Она сказала, что моё сочинение ей понравилось больше всех. И что она прочтёт его на родительском собрании.

Я очень просила маму не ходить на родительское собрание. Я сказала, что у меня болит горло. Но мама велела папе дать мне горячего молока с мёдом и ушла в школу.

Наутро за завтраком состоялся такой разговор.

Мама. А ты знаешь, Сёма, оказывается, наша дочь замечательно пишет сочинения!

Папа. Меня это не удивляет. Сочинять она всегда умела здорово.

Мама. Нет, в самом деле! Я не шучу! Вера Евстигнеевна её хвалит. Её очень порадовало, что наша дочь любит стирать занавески и скатерти.

Папа. Что-о?!

Мама. Правда, Сёма, это прекрасно? — Обращаясь ко мне: — Почему же ты мне раньше никогда в этом не признавалась?

— А я стеснялась, — сказала я. — Я думала, ты мне не разрешишь.

— Ну что ты! — сказала мама. — Не стесняйся, пожалуйста! Сегодня же постирай наши занавески. Вот хорошо, что мне не придётся тащить их в

прачечную!

Я вытаращила глаза. Занавески были огромные. Десять раз я могла в них завернуться! Но отступить было поздно.

Я мылила занавески по кусочкам. Пока я намыливала один кусочек, другой совсем размыливался. Я просто измучилась с этими кусочками! Потом я по кусочкам полоскала занавески в ванной. Когда я кончала выжимать один кусочек, в него снова заливалась вода из соседних кусочков.

Потом я залезла на табуретку и стала вешать занавески на верёвку.

Ну, это было хуже всего! Пока я натягивала на верёвку один кусок занавески, другой сваливался на пол. И в конце концов вся занавеска упала на пол, а я упала на неё с табуретки.

Я стала совсем мокрая — хоть выжимай!

Занавеску пришлось снова тащить в ванную. Зато пол на кухне заблестел как новенький.

Целый день из занавесок лилась вода.

Я поставила под занавески все кастрюли и сковородки, какие у нас были. Потом поставила на пол чайник, три бутылки и все чашки с блюдами. Но вода всё равно заливала кухню.

Как ни странно, мама осталась довольна.

— Ты замечательно выстирала занавески! — сказала мама, расхаживая по кухне в галошах. — Я и не знала, что ты такая способная! Завтра ты будешь стирать скатерть...

СТРАННЫЙ МАЛЬЧИК

Павлик с Петькой всегда спорят. Прямо смех на них смотреть!

Вчера Павлик спрашивает у Петьки:

— Смотрел «Кавказскую пленницу»?

— Смотрел, — отвечает Петька, а сам уже насторожился.

— А правда, — говорит тогда Павлик, — Никулин самый лучший в мире киноактёр?

— Ничего подобного! — говорит Петька. — Не Никулин, а Моргунов!

— Ещё чего! — начал злиться Павлик. — Твой Моргунов толстый, как бочка!

— Ну и что?! — закричал Петька. — А зато твой Никулин тощий, как скелет!

— Это Никулин скелет?! — заорал Павлик. — Я тебе покажу сейчас, какой Никулин скелет!

И он уже полез с кулаками на Петьку, но тут произошло одно странное событие.

Из шестого подъезда выскочил какой-то длинный белобрысый мальчишка и направился к нам. Подошёл, посмотрел на нас и вдруг ни с того ни с сего говорит:

— Здравствуйте.

Мы, конечно, удивились. Подумаешь, вежливый нашёлся!

Павлик с Петькой даже спорить перестали.

— Ходят тут всякие, — сказал Павлик. — Пошли, Петь, в стукалочку сыгранём.

И они ушли. А этот мальчик говорит:

— Я теперь у вас во дворе буду жить. Вот в этом доме.

Подумаешь, пускай живёт, нам не жалко!

— Будешь в пряталки играть? — спрашиваю у него.

— Буду.

— А кто водить будет? Чур, не я!

И Люська сразу:

— Чур, не я!

И мы ему сразу:

— Тебе водить.

— Вот и хорошо. Я люблю водить.

И уже глаза руками закрывает.

Я кричу:

— Нет, так неинтересно! Чего это вдруг ты водить будешь? Водить каждый дурак любит! Давай лучше считаться.

И мы стали считаться:

Шла кукушка мимо сети,
А за нею малы дети,
Все кричали: «Куку-мак,
Выбирай, какой кулак!»

И опять ему выпало водить. Он говорит:

— Вот видите, всё равно мне водить.

— Ну нет, — говорю. — Я так играть не буду. Только появился — и сразу ему водить!

— Ну, води ты.

А Люська сразу:

— Ничего подобного! Я уже давно хотела водить!

И тут мы с ней стали на весь двор спорить, кому водить. А он стоит и улыбается.

— Знаете что? Давайте вы обе будете водить, а я один буду прятаться.

Так мы и сделали.

Вернулись Павлик и Петька.

— Чего это вы? — удивились они.

— Водим.

— Сразу обе?! Да вас и поодиночке водить не заставишь. Что это с вами?

— Да вот, — говорим, — это всё тот новенький придумал.

Павлик с Петькой разозлились:

— Ах так! Это он в чужом дворе свои порядки устанавливает?! Сейчас мы ему покажем, где раки зимуют.

Искали его, искали, а новенький так спрятался, что и найти его никто не может.

— Вылезай, — кричим мы с Люськой, — так неинтересно! Мы тебя найти не можем!

Он откуда-то выскочил. Павлик с Петькой — руки в карманы — к нему подходят.

— Эй, ты! Ты где прятался? Небось дома сидел?

— Ничего подобного, — улыбается новенький. — На крыше. — И

показывает рукой на крышу сарая. А сарай высокий, метра два от земли.

— А как же ты... слез?

— Я спрыгнул. Вон в песке след остался.

— Ну, если врёшь, мы тебе дадим жару!

Пошли посмотрели. Возвращаются. Павлик вдруг хмуро новенького спрашивает:

— А ты марки собираешь?

— Нет, — говорит новенький, — я бабочек собираю, — и улыбается.

И мне почему-то тоже сразу захотелось бабочек собирать. И с сарая научиться прыгать.

— Как тебя зовут? — спросила я у этого мальчика.

— Коля Лыков, — сказал он.

КРОВЕЛЬЩИК

Кровельщик чинил крышу. Он ходил по самому краю и ничего не боялся. Мы с Люськой, задрвав головы, глядели на кровельщика.

И тут он нас увидел. Он помахал нам рукой, приложил руку ко рту и крикнул:

— Э-эй! Чего рты раскры-ы-ли-и? Идите помога-а-ать!

Мы бросились к подъезду. Мигом взлетели по лестнице и оказались на чердаке. Чердачная дверь была открыта. За нею в ярких солнечных лучах плясала пыль. Мы прошли по балкам и вылезли на крышу.

Ух, как здесь было жарко! Железо блестело под солнцем так, что резало глаза. Кровельщика на месте не было. Он, видно, ушёл на другую сторону крыши.

— Надо добраться до кровельщика, — сказала я. — Лезем?

— Лезем, — сказала Люська.

И мы полезли наверх.

Мы держались за большую трубу, и лезть было не страшно. Главное, не оборачиваться назад, и всё.

Но вот труба осталась позади. Дальше было только белое гладкое железо. Мы встали на четвереньки и поползли. Руками и коленками мы цеплялись за выступы железа.

Так мы проползли, наверно, целых три метра.

— Давай отдохнём, — сказала Люська и села прямо на горячее железо. — Посидим немножко, а потом...

Люська не договорила. Она большущими глазами смотрела вниз перед собой, и её губы продолжали неслышно шевелиться. Кажется, она сказала «мама» и ещё что-то.

Я обернулась.

Там, внизу, стояли дома.

Какая-то река блестела за домами. Что за река? Откуда она взялась?.. Машины, похожие на быстрых козляков, бежали по набережной. Из труб валил серый дым. С балкона соседнего дома худой человек в майке вытряхивал розовую скатерть.

А надо всем этим висело небо.

Небо было большое. Страшно большое. Огромное. И мне показалось, что мы с Люськой стали маленькие-маленькие! Совсем маленькие и жалкие на этой крыше, под этим большим небом!

И мне стало страшно. Ноги у меня одеревенели, голова закружилась, и я поняла, что ни за что на свете не сдвинусь с этого места.

Рядом сидела совершенно белая Люська.

...А солнце жарило всё сильнее. Железо под нами раскалилось, как утюг. А кровельщика всё не было. Куда он делся, этот проклятый кровельщик?

Слева от меня валялся молоток. Я дотянулась до молотка, подняла его и изо всех сил ударила по железу.

Крыша загудела, как колокол.

И тут мы увидели кровельщика.

Он бежал к нам сверху, как будто спрыгнул на крышу прямо с синего неба. Он был молодой и рыжий.

— А ну, вставайте! — крикнул он.

Он дернул нас рывком за шиворот и потащил вниз.

Ручищи у него были как лопаты — большие и широкие. Ох и здорово было с ним спускаться! Я даже подпрыгнула два раза по дороге. Ура! Мы снова были на чердаке!

Но не успели мы с Люськой перевести дыхание, как этот рыжий кровельщик вцепился в наши плечи и стал нас трясти как бешеный.

— С ума посходили! — орал он. — Моду завели — по крышам шляться! Распустились! Пороть вас некому!

Мы заревели.

— Не трясите нас, пожалуйста! — размазывая по лицу слёзы, сказала Люська. — Мы на вас в милицию пожалуемся!

— Чего вы дерётесь? — сказала я. — Сами нас звали, а теперь дерётесь!

Он перестал орать, выпустил наши плечи и покрутил пальцем возле лба.

— Вы что? Того? — сказал он. — Куда это я вас звал?!

Глаза у него были жёлтые. От него пахло табаком и железом.

— А кто нас помогать звал? — закричали мы в один голос.

— Помогать? — переспросил он, как будто не расслышал. — Что-о?! Помога-а-ать!

И вдруг он захохотал.

На весь чердак.

У нас чуть барабанные перепонки не лопнули — так он хохотал! Он хлопал себя по коленкам. У него слёзы текли по лицу. Он раскачивался, сгибался, он прямо падал от смеха... Ненормальный какой-то! Ну что он тут смешного нашёл?! Не поймёшь этих взрослых — то ругаются, то смеются.

А он всё хохотал и хохотал. Мы, глядя на него, тоже стали потихоньку хихикать. Он всё-таки был хороший. Уж очень он здорово смеялся!

Насмеявшись, он вынул мятый клетчатый платок и протянул его нам.

— Ну и дурёхи! — сказал он. — И где только такие водятся? Шутки надо понимать! Да какая от вас помощь, мелюзга вы этакая? Вот подрастёте — приходите. С такими помощниками не пропадёшь — дело ясное! Ну, до встречи!

И он помахал нам рукой и пошёл обратно. А сам всю дорогу смеялся. И он ушёл.

А мы стояли и смотрели ему вслед. Не знаю, что думала Люська, а я думала вот что:

«Ну ладно, вот мы подрастём. Пройдёт пять лет или десять... И этот рыжий кровельщик давным-давно починит нашу крышу. И где мы тогда его найдём? Ну где? Ведь крыш в Москве так много, так много!..»

КАК МЕНЯ УЧИЛИ МУЗЫКЕ

Однажды мама пришла из гостей взволнованная. Она рассказала нам с папой, что дочка её подруги весь вечер играла на пианино. Замечательно играла! И польку играла, и песни со словами и без слов, и даже полонез Огинского.

— А полонез Огинского, — сказала мама, — это моя любимая вещь! И теперь я мечтаю, чтобы наша Люська тоже играла полонез Огинского!

У меня похолодело внутри. Я совсем не мечтала играть полонез Огинского!

Я о многом мечтала.

Я мечтала никогда в жизни не делать уроков.

Я мечтала научиться петь все песни на свете.

Я мечтала целыми днями есть мороженое.

Я мечтала лучше всех рисовать и стать художником.

Я мечтала быть красивой.

Я мечтала, чтобы у нас было пианино, как у Люськи. Но я совсем не мечтала на нём играть.

Ну, ещё на гитаре или на балалайке — туда-сюда, но только не на пианино.

Но я знала, что маму не переспоришь.

Мама привела к нам какую-то старушку. Это оказалась учительница музыки. Она велела мне что-нибудь спеть. Я спела «Ах вы, сени, мои сени». Старушка сказала, что у меня исключительный слух.

Так начались мои мучения.

Только я выйду во двор, только мы начнём играть в лапту или в «штандр», как меня зовут: «Люся! Домой!» И я с нотной папкой тащусь к Марии Карловне.

Мария Карловна учила меня играть «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок».

Дома я занималась у соседки. Соседка была добрая. У неё был рояль.

Когда я первый раз села за рояль разучивать «Как на тоненький ледок...», соседка села на стул и целый час слушала, как я разучиваю. Она сказала, что очень любит музыку.

В следующий раз она уже не сидела рядом на стуле, а то входила в комнату, то выходила. Ну, а потом, когда я приходила, она сразу брала сумку и уходила на рынок или в магазин.

А потом мне купили пианино.

Однажды к нам пришли гости. Мы пили чай. И вдруг мама сказала:

— А сейчас нам Люсенька что-нибудь сыграет на пианино.

Я поперхнулась чаем.

— Я ещё не научилась, — сказала я.

— Не хитри, Люська, — сказала мама. — Ты уже целых три месяца учишься.

И все гости стали просить — сыграй да сыграй.

Что было делать?

Я вылезла из-за стола и села за пианино. Я развернула ноты и стала по нотам играть «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок».

Я эту вещь играла очень долго. Я всё время забывала, где находятся ноты фа и ре, и везде их искала, и тыкала пальцем во все остальные ноты.

Когда я кончила играть, дядя Миша сказал:

— Молодец! Прямо Бетховен! — и захлопал в ладоши.

Я обрадовалась и говорю:

— А я ещё умею играть «На дороге жук, жук».

— Ну ладно, иди пить чай, — быстро сказала мама. Она была вся красная и сердитая.

А папа, наоборот, развеселился.

— Вот видишь? — сказал он маме. — Я же тебе говорил! А ты — полонез Огинского...

Больше меня к Марии Карловне не водили.

СЕЛИВЕРСТОВ НЕ ПАРЕНЬ, А ЗОЛОТО!

Селиверстова в классе не любили. Он был противный.

У него уши красные были и торчали в разные стороны. Он тощий был. И злой. Такой злой, ужас!

Однажды он меня чуть не убил!

Я в тот день была дежурной санитаркой по классу. Подошла к Селиверстову и говорю:

— Селиверстов, у тебя уши грязные! Ставлю тебе двойку за чистоту.

Ну что я такого сказала?! Так вы бы на него посмотрели!

Он весь побелел от злости. Кулаки сжал, зубами заскрипел... И нарочно, изо всей силы, как наступит мне на ногу!

У меня нога два дня болела. Я даже хромала.

С Селиверстовым и до этого никто не дружил, а уж после этого случая с ним вообще весь класс перестал разговаривать. И тогда он знаете что сделал? Когда во дворе мальчишки стали играть в футбол, взял и проткнул футбольный мяч перочинным ножом.

Вот какой был этот Селиверстов!

С ним даже за одной партой никто не хотел сидеть! Бураков сидел, а потом взял и отсел.

А Сима Коростылёва не захотела с ним в пару становиться, когда мы в театр пошли. И он её так толкнул, что она прямо в лужу упала!

В общем, вам теперь ясно, какой это был человек. И вы, конечно, не удивитесь, что, когда он заболел, никто и не вспомнил о нём.

Через неделю Вера Евстигнеевна спрашивает:

— Ребята, кто из вас был у Селиверстова?

Все молчат.

— Как, неужели за всю неделю никто не навестил больного товарища?! Вы меня удивляете, ребята! Я вас прошу сегодня же навестить Юру!

После уроков мы стали тянуть жребий, кому идти. И, конечно, выпало мне!

Дверь мне открыла женщина с утюгом.

— Ты к кому, девочка?

— К Селиверстову.

— А-а, к Юрочке? Вот хорошо! — обрадовалась женщина. — А то он

всё один да один.

Селиверстов лежал на диване. Он был укрыт вязаным платком. Над ним к дивану была приколотая салфетка с вышитыми розами. Когда я вошла, он закрыл глаза и повернулся на другой бок, к стене.

— Юрочка, — сказала женщина, — к тебе пришли.

Селиверстов молчал.

Тогда женщина на цыпочках подошла к Селиверстову и заглянула ему в лицо.

— Он спит, — сказала она шёпотом. — Он совсем ещё слабый!

И она наклонилась и ни с того ни с сего поцеловала этого своего Селиверстова.

А потом она взяла стопку белья, включила утюг и стала гладить.

— Подожди немножко, — сказала она мне. — Он скоро проснётся. Вот обрадуется! А то всё один да один. Что же это, думаю, никто из школы не зайдёт?

Селиверстов зашевелился под платком.

«Ага! — подумала я. — Сейчас я всё скажу! Всё!»

Сердце у меня забило от волнения. Я даже встала со стула.

— А знаете, почему к нему никто не приходит?

Селиверстов замер.

Мама Селиверстова перестала гладить.

— Почему?

Она глядела прямо на меня. Глаза у неё были красные, воспалённые. И морщин довольно много на лице. Наверное, она была уже немолодая женщина... И она смотрела на меня так... И мне вдруг стало её жалко. И я забормотала непонятно что:

— Да вы не волнуйтесь!.. Вы не подумайте, что вашего Юру никто не любит! Наоборот, его очень даже любят! Его все так уважают!..

Меня пот прошиб. Лицо у меня горело. Но я уже не могла остановиться.

— Просто нам столько уроков задают — совсем нету времени! А ваш Юра ни при чём! Он даже очень хороший! С ним все хотят дружить! Он такой добрый! Он просто замечательный!

Мама Селиверстова широко улыбнулась и снова взялась за утюг.

— Да, ты права, девочка, — сказала она. — Юрка у меня не парень, а золото!

Она была очень довольна. Она гладила и улыбалась.

— Я без Юры как без рук, — говорила она. — Пол он мне не даёт мыть, сам моет. И в магазин ходит. И за сестрёнками в детский сад бегаёт.

Хороший он! Правда хороший!

И она обернулась и с нежностью посмотрела на своего Селиверстова, у которого уши так и пылали.

А потом она заторопилась в детский сад за детьми и ушла. И мы с Селиверстовым остались одни.

Я перевела дух. Без неё мне было как-то спокойнее.

— Ну вот что, хватит придуриваться! — сказала я. — Садись к столу. Я тебе уроки объяснять стану.

— Проваливай, откуда пришла, — донеслось из-под платка.

Ничего другого я и не ждала.

Я раскрыла учебник и затараторила урок.

Я нарочно тараторила изо всех сил, чтобы побыстрее кончить.

— Всё. Объяснила! Вопросы есть?

Селиверстов молчал.

Я щёлкнула замком портфеля и направилась к дверям. Селиверстов молчал. Даже спасибо не сказал. Я уже взялась за ручку двери, но тут он опять вдруг завозился под своим платком.

— Эй, ты... Синицына...

— Чего тебе?

— Ты... это...

— Да чего тебе, говори скорее!

— ...Семечек хочешь? — вдруг выпалил Селиверстов.

— Чего? Каких семечек?!

— Каких-каких... Жареных!

И не успела я и слова сказать, как он выскочил из-под платка и босиком побежал к шкафу.

Он вынул из шкафа пузатый ситцевый мешочек и стал развязывать верёвку. Он торопился. Руки у него дрожали.

— Бери, — сказал он.

На меня он не глядел. Уши у него горели малиновым огнём.

Семечки в мешке были крупные, одно к одному. В жизни я таких семечек не видала!

— Чего стоишь? Давай бери! У нас много. Нам из деревни прислали.

И он наклонил мешок и как сыпанёт мне в карман прямо из мешка! Семечки дождём посыпались мимо.

Селиверстов охнул, кинулся на пол и стал их собирать.

— Мать придёт, ругаться будет, — бормотал он. — Она мне вставать не велела...

Мы ползали по полу и собирали семечки. Мы так торопились, что два

раза стукнулись головами. И как раз когда мы подняли последнее семечко, в замке звякнул ключ...

Всю дорогу домой я щупала шишку на голове, грызла семечки и смеялась:

«Ну и чудак этот Селиверстов! И не такой уж он и тощий! А уши — уши у всех торчат. Подумаешь, уши!»

Целую неделю ходила я к Селиверстову.

Мы писали упражнения, решали задачи. Иногда я бегала в магазин за хлебом, иногда в детский сад.

— Хорошая у тебя подружка, Юра! Что же ты мне раньше о ней ничего не рассказывал? Мог бы давно нас познакомить!

Селиверстов выздоровел.

Теперь он стал приходить ко мне делать уроки. Я познакомила его с мамой. Маме Селиверстов понравился.

И вот что я вам скажу: не такой уж он в самом деле плохой, Селиверстов!

Во-первых, он теперь учится хорошо, и Вера Евстигнеевна его хвалит.

Во-вторых, он больше ни с кем не дерётся.

В-третьих, он научил наших мальчишек делать змея с хвостом.

А в-четвёртых, он всегда ждёт меня в раздевалке, не то что Люська!

И я всем так говорю:

— Вот видите, вы думали, Селиверстов плохой. А Селиверстов хороший! Селиверстов не парень, а золото!

ПЛОХИЕ СНЫ

Сегодня я долго не могла заснуть. А когда я наконец заснула, мне приснилась лошадь с синими глазами. Её звали Сима Коростылёва.

Сима ходила по моей комнате и махала хвостом. Потом Сима громко заржала, и я поняла, что это значило:

«Почему ты до сих пор не вернула мне пятьдесят копеек?»

И вдруг она превратилась в Павлика Иванова и как заорёт:

«Бессовестная! Бессовестная! Вчера всю контрольную у меня списала! Сознайся во всём, сознайся!»

Я подумала, что сейчас провалюсь от стыда под землю. И тут же провалилась.

Я проснулась в холодном поту.

Да, всё правда. И деньги я Симе не отдала, и контрольную у Иванова списала. И мне почему-то поставили «пять», а ему «три».

Ну, контрольная — ладно, что уж теперь поделаешь? Списала и списала. Но вот пятьдесят копеек!..

Я вытряхнула из копилки пятьдесят копеек и пошла в школу.

По дороге продавали большие бордовые гранаты.

— Почём гранаты? — нерешительно спросила я.

— Сколько будете брать? — решительно спросила тётенька.

— Один, — сказала я, и у меня во рту пересохло.

— Пятьдесят копеек.

...Когда мы с Люськой ели гранат, я пожаловалась ей на плохие сны.

— А ты спи с открытой форточкой, — сказала Люська.

КАК КОЛЯ ЛЫКОВ СТАЛ ЗВЕНЬЕВЫМ

Нам нужно было выбрать звеньевого. А кого можно выбрать в звеньевые? Ну конечно, самого лучшего человека в звене! А кто у нас самый лучший? Ну конечно, Коля Лыков!

Коля у нас отличник. Коля добрый, он последним поделится. Коля лучше всех занимается физкультурой. Он решительный и смелый. И он серьёзный.

— Кто за то, чтобы Коля Лыков стал звеньевым?

Все подняли руки.

— Встань, Коля, — сказала я. — Мы тебя поздравляем! Теперь ты будешь нашим звеньевым.

Коля встал.

— Я не могу быть звеньевым, — сказал Коля.

— Как это? Почему не можешь? — удивились все.

Коля молчал и смотрел в парту. В классе наступила тишина. Всё наше звено смотрело на Колю.

— Коль, ты не стесняйся, — сказала Люська. — Ты лучше честно скажи. Ну, может, ты больной, и тебе трудно...

— Я не больной, — сказал Коля. — Я бабушку свою вчера обидел... Она меня на каток не пускала. И я на неё разозлился... Я вообще злой. Я такой злой — просто ужас! Я ей сказал, что зря она к нам из Саратова переехала. Пусть лучше обратно уезжает!

— А она? — спросила Сима Коростылёва.

— А она сказала, что завтра же уедет. А я её знаю — раз она сказала, значит, сделает.

— Чего же ты ждёшь? — закричала я. — Беги скорей домой и проси у бабушки прощения, пока не поздно!

Коля грустно покачал головой.

— Нет, она меня никогда не простит, — сказал Коля. — Она сама мне так сказала.

Что нам оставалось делать? Мы закончили наше собрание и всем звеном отправились домой к Коле Лыкову просить у его бабушки прощения.

Мы поднялись по лестнице и позвонили в дверь. За дверью было тихо.

— Уехала, — сказал Коля. — Теперь я тоже уеду.

Он шмыгнул носом, вынул из кармана ключ и вошёл в пустую

квартиру.

Дело было плохо. Мы знали Колю. Коля был такой же, как его бабушка, — раз сказал, значит, сделает.

Мы бросились во двор. Мы решили во что бы то ни стало догнать Колину бабушку. Симу Коростылёву мы оставили караулить возле Колиных дверей.

Во дворе на табуретках сидели две старушки.

— Скажите, пожалуйста, вы бабушку Лыкову знаете? — кинулись мы к ним.

— А как же, знаем, — сказали старушки.

— А вы не знаете, на какой она вокзал поехала?

— На вокзал?! Да что вы, милые! Вон она идёт!

Мы обернулись. Во двор входила Колина бабушка. В руках у неё была авоська с батоном.

Мы бросились к ней, окружили её и стали наперебой кричать:

— Бабушка, простите Колю. Простите, пожалуйста, Колю!

— Что случилось? — испуганно закричала Колина бабушка. — В чём дело? Что вам надо? Какого ещё Колю?

— Ну, Колю, вашего внука, — стали объяснять мы. — Он ведь вас обидел — вот и простите его!

Колина бабушка вдруг ужасно рассердилась.

— Ах, вот оно что! — грозно сказала она. — Вот вам чего надо? Это он вас подослал? Так-так. Всё понятно.

— Бабушка, он не подсылал! — закричали мы. — Вы даже не представляете, как он переживает! Он даже из дома собрался уехать!

— Как это уехать! Куда уехать? — испугалась Колина бабушка. — Ещё чего выдумал! — Она подняла голову и закричала в окно тоненьким голосом: — Коля! Коля!

Коля в окне не появлялся. Колина бабушка охнула и схватилась за сердце:

— Боже мой! Уехал!

Неужели Сима его просмотрела? Что же теперь будет?

Я махнула рукой, и мы изо всех сил заорали:

— Ко-ля! Ко-ля!

И тут Коля появился в окне. В руках у него был рюкзак... Коля увидел нас и выронил рюкзак. Он не стал его поднимать. Он прижал лицо к стеклу и стал на нас смотреть. Ну и вид у него был!

Волосы торчат в разные стороны. Глаза красные, распухшие. Нос тоже красный и толстый, как картошка. А от уха до уха улыбка. Очень глупый

вид!

Бабушка его даже засмеялась. Она перестала держаться за сердце и смеялась, смеялась... И вытирала платком слёзы.

И Коля в окне смеялся.

И мы тоже смеялись.

И старушки на табуретках смеялись.

И какой-то мужчина посмотрел на нас, потом на Колю и тоже стал смеяться.

Так мы стояли и смеялись долго-долго. Наверное, целый час.

А на следующий день Коля Лыков стал нашим звеньевым.

О ЧЁМ ДУМАЕТ МОЯ ГОЛОВА

Если вы думаете, что я учусь хорошо, вы ошибаетесь. Я учусь неважно. Почему-то все считают, что я способная, но ленивая. Я не знаю, способная я или не способная. Но только я точно знаю, что я не ленивая. Я по три часа сижу над задачами.

Вот, например, сейчас я сижу и изо всех сил хочу решить задачу. А она не решается. Я говорю маме:

— Мам, а у меня задачка не получается.

— Не ленись, — говорит мама. — Подумай хорошенько, и всё получится. Только хорошенько подумай!

Она уходит по делам. А я беру голову обеими руками и говорю ей:

— Думай, голова. Думай хорошенько... «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Голова, ты почему не думаешь? Ну, голова, ну, думай, пожалуйста! Ну что тебе стоит!

За окном плывёт облачко. Оно лёгонькое, как пух. Вот оно остановилось. Нет, плывёт дальше.

Голова, о чём ты думаешь?! Как тебе не стыдно!!! «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Люська, наверное, тоже вышла. Она уже гуляет. Если бы она подошла ко мне первая, я бы её, конечно, простила. Но разве она подойдёт, такая вредина?!

«...Из пункта А в пункт Б...» Нет, она не подойдёт. Наоборот, когда я выйду во двор, она возьмёт под руку Лену и будет с ней шептаться. Потом она скажет: «Лен, пошли ко мне, у меня что-то есть». Они уйдут, а потом сядут на подоконник и будут смеяться и грызть семечки.

«...Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» А я что сделаю?.. А я тогда позову Колю, Петьку и Павлика играть в лапту. А она что сделает? Ага, она поставит пластинку «Три толстяка». Да так громко, что Коля, Петька и Павлик услышат и побегут просить её, чтобы она дала им послушать. Сто раз слушали, всё им мало! И тогда Люська закроет окно, и они там все будут слушать пластинку.

«...Из пункта А в пункт... в пункт...» А я тогда возьму и запульну чем-нибудь прямо в её окно. Стекло — дзинь! — и разлетится. Пусть знает.

Так. Я уже устала думать. Думай не думай — задача не получается. Просто ужас какая задачка трудная! Вот погуляю немножко и снова стану думать.

Я закрыла задачник и выглянула в окно. Во дворе гуляла одна Люська.

Она прыгала в классики. Я вышла во двор и села на лавочку. Люська на меня даже не посмотрела.

— Серёжка! Витька! — закричала сразу Люська. — Идёмте в лапту играть!

Братья Кармановы выглянули в окно.

— У нас горло, — хрипло сказали оба брата. — Нас не пустят.

— Лена! — закричала Люська. — Лен! Выходи!

Вместо Лены выглянула её бабушка и погрозила Люське пальцем.

— Павлик! — закричала Люська.

В окне никто не появился.

— Пе-еть-ка-а! — надсаживалась Люська.

— Девочка, ну что ты орёшь?! — высунулась из форточки чья-то голова. — Больному человеку отдохнуть не дают! Покоя от вас нет! — И голова всунулась обратно в форточку.

Люська украдкой посмотрела на меня и покраснела как рак. Она подёргала себя за косичку. Потом сняла с рукава нитку. Потом посмотрела на дерево и сказала:

— Люсь, давай в классики.

— Давай, — сказала я.

Мы попрыгали в классики, и я пошла домой решать свою задачу.

Только я села за стол, пришла мама:

— Ну, как задачка?

— Не получается.

— Но ведь ты уже два часа над ней сидишь! Это просто ужас что такое! Задают детям какие-то головоломки!.. Ну давай показывай свою задачу! Может, у меня получится? Я всё-таки институт кончала. Так. «Из пункта А в пункт Б вышли два пешехода...» Постой, постой, что-то эта задача мне знакома! Послушай, да ведь вы её в прошлый раз вместе с папой решили! Я прекрасно помню!

— Как? — удивилась я. — Неужели? Ой, правда, ведь это сорок пятая задача, а нам сорок шестую задали.

Тут мама страшно рассердилась.

— Это возмутительно! — сказала мама. — Это неслыханно! Это безобразия! Где твоя голова?! О чём она только думает?!

«СМЕЯЛИСЬ МЫ — ХИ-ХИ»

Я долго ждала этого утра.

Миленькое утро, скорей приходи! Пожалуйста, что тебе стоит, приходи побыстрее! Пусть скорей кончится этот день и эта ночь! Завтра я встану рано-рано, позавтракаю быстро-быстро, а потом позвоню Коле, и мы пойдём на каток. Мы так договорились.

Ночью мне не спалось. Я лежала в постели и представляла, как мы с Колей, взявшись за руки, бежим по катку, как играет музыка, и небо над нами синее-синее, и блестит лёд, и падают редкие пушистые снежинки...

Господи, ну скорей бы прошла эта ночь!

В окнах было темно. Я закрыла глаза, и вдруг оглушительный звон будильника впился в оба моих уха, в глаза, во всё моё тело, как будто тысяча звонких пронзительных шил одновременно воткнулись в меня. Я подпрыгнула на постели и протёрла глаза...

Было утро. Светило ослепительное солнце. Небо было синее, как раз о таком я мечтала вчера!

Редкие снежинки, кружась, влетали в комнату. Ветер тихо колыхал занавески, а в небе, во всю его ширь, плыла тоненькая белая полоса.

Она всё удлинялась, удлинялась... Конец её расплывался и становился похож на длинное перистое облако. Всё вокруг было синее и тихое. Мне надо было торопиться: стелить постель, завтракать, звонить Коле, но я не могла сдвинуться с места. Это синее утро заколдовало меня.

Я стояла босыми ногами на полу, глядела на тонкую самолётную полоску и шептала:

— Какое синее небо... Синее, синее небо... Какое синее небо... И падает белый снег...

Я шептала так, шептала, и вдруг у меня получилось, как будто я шепчу стихи:

Какое небо синее,
И падает снежок...

Что это? Ужасно похоже на начало стихотворения! Неужели я умею сочинять стихи?

Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.

Ура! Я сочиняю стихи! Настоящие! Первый раз в жизни!
Я схватила тапки, наизнанку напялила халат, бросилась к столу и
принялась быстро строчить на бумаге:

Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.

И музыка гремела,
И мчались мы вдвоём,
И за руки держались...
И было хорошо!

Дзы-ынь! — вдруг зазвонил в прихожей телефон. Я помчалась в
коридор. Наверняка звонил Коля.

— Аллё!

— Это Зина? — раздался сердитый мужской бас.

— Какая Зина? — растерялась я.

— Зина, говорю! Кто у телефона?

— Л-люся...

— Люся, дайте мне Зину!

— Таких тут нет...

— То есть как нет? Это ДВА ТРИ ОДИН ДВА ДВА НОЛЬ ВОСЕМЬ?

— Н-нет...

— Что же вы мне голову морочите, барышня?!

В трубке загудели сердитые гудки.

Я вернулась в комнату. Настроение у меня было слегка испорчено, но я
взяла в руки карандаш, и всё снова стало хорошо!

Я принялась сочинять дальше.

И лёд сверкал под нами,

Смеялись мы — хи-хи...

Дзын-нь! — снова зазвонил телефон.

Я подпрыгнула как ужаленная. Скажу Коле, что не могу сейчас пойти на каток, занята очень важным делом. Пусть подождёт.

— Аллё, Коля, это ты?

— Я! — обрадовался мужской бас. — Наконец-то дозвонился! Зина, дай мне Сидора Иваныча!

— Я не Зина, и тут никаких Сидоров Иванычей нет.

— Тьфу, чёрт! — раздражённо сказал бас. — Опять в детский сад попал!

— Люсенька, кто это звонит? — послышался из комнаты сонный мамин голос.

— Это не нас. Сидора Иваныча какого-то...

— Даже в воскресенье не дадут поспать спокойно!

— А ты спи ещё, не вставай. Я сама позавтракаю.

— Ладно, дочка, — сказала мама.

Я обрадовалась. Хотелось быть сейчас одной, совсем одной, чтобы никто мне не мешал сочинять стихи!

Мама спит, папа в командировке. Поставлю чайник и буду сочинять дальше.

Сиплая струя с шумом полилась из крана, я держала под ней красный чайник...

И лёд сверкал под нами,
Смеялись мы — хи-хи,
И мы по льду бежали,
Проворны и легки.

Ура! Замечательно! «Смеялись мы — хи-хи»! Так и назову это стихотворение!

Я грохнула чайник на горячую плиту. Он зашипел, потому что был весь мокрый.

Какое небо синее!
И падает снежок!!
Пошли мы с Колей Лыковым!!!

— С тобой заснёшь, — застёгивая в дверях стёганный халатик, сказала мама. — Что это ты раскричалась на всю квартиру?

Дзы-ынь! — снова затрещал телефон.

Я схватила трубку.

— Нету тут никаких Сидоров Иванычей!!! Тут Семён Петрович живёт, Лидия Сергеевна и Людмила Семёновна!

— Ты чего орёшь, с ума, что ли, сошла? — услышала я удивлённый Люськин голос. — Сегодня погода хорошая, пойдёшь на каток?

— Ни за что на свете! Я **ОЧЕНЬ ЗАНЯТА! ДЕЛАЮ ЖУТКО ВАЖНОЕ ДЕЛО!**

— Какое? — сразу спросила Люська.

— Пока сказать не могу. Секрет.

— Ну и ладно, — сказала Люська. — И не воображай, пожалуйста! Без тебя пойду!

Пусть идёт!!

Пусть все идут!!!

Пусть катаются на коньках, а мне некогда на такие пустяки время тратить! Они там на катке покатаются, и утро пройдёт, как будто его и не было. А я стихи сочиню, и всё останется. Навсегда. Синее утро! Белый снег! Музыка на катке!

И музыка гремела,
И мчались мы вдвоём,
И за руки держались,
И было хорошо!

— Слушай, что это ты разругалась? — сказала мама. — У тебя не температура, случайно?

— Нет, мамочка, нет! Я сочиняю стихи!

— Стихи?! — удивилась мама. — Что же ты насочиняла? А ну-ка, прочти!

— Вот, слушай.

Я встала посреди кухни и с выражением прочла маме свои собственные замечательные, совершенно настоящие стихи:

Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.

И музыка гремела,

И мчались мы вдвоём,
И за руки держались,
И было хорошо!

И лёд сверкал под нами,
Смеялись мы — хи-хи,
И мы по льду бежали,
Проворны и легки!

— Потрясающе! — воскликнула мама. — Неужели сама сочинила?

— Сама! Честное слово! Вот не веришь?..

— Да верю, верю... Гениальное сочинение, прямо Пушкин!.. Слушайка, а между прочим, я, кажется, только что видела Колю в окно. Могли они с Люсей Косицыной идти на каток, у них вроде коньки с собой были?

Какао встало у меня в горле. Я поперхнулась и закашлялась.

— Что с тобой? — удивилась мама. — Давай я тебя по спине похлопаю.

— Не надо меня хлопать. Я уже наелась, не хочу больше.

И я отодвинула недопитый стакан.

В своей комнате я схватила карандаш, сверху донизу перечеркнула толстой чертой листок со стихами и вырвала из тетради новый лист.

Вот что я на нём написала:

Какое небо серое,
И не падает вовсе снежок,
И не пошли мы ни с каким дурацким Лыковым
Ни на какой каток!

И солнце не светило,
И музыка не играла,
И за руки мы не держались,
Ещё чего не хватало!

Я злилась, карандаш у меня в руках ломался... И тут в прихожей опять затрещивал телефон.

Ну чего, чего они меня всё время отвлекают? Целое утро звонят и

звонят, не дают человеку спокойно сочинять стихи!

— Аллё!!!

Откуда-то издали донёсся до меня Колин голос:

— Синицына, пойдёшь «Меч и кинжал» смотреть, мы с Косицыной на тебя билет взяли?

— Какой ещё «Меч и кинжал»? Вы же на каток пошли!

— С чего ты взяла? Косицына сказала, что ты занята и на каток не пойдёшь, тогда мы решили взять билеты в кино на двенадцать сорок.

— Так вы в кино пошли?!

— Я же сказал...

— И на меня билет взяли?

— Ага. Пойдёшь?

— Конечно, пойду! — закричала я. — Конечно! Ещё бы!

— Тогда давай скорее. Через пятнадцать минут начинается.

— Да я мигом! Вы меня подождите обязательно! Коля, слышишь, подождите меня, я только стишок перепишу и примчусь. Понимаешь, я стихи написала, настоящие... Вот сейчас приду и прочту вам, ладно?.. Привет Люське!

Я как пантера ринулась к столу, вырвала из тетрадки ещё один лист и, волнуясь, стала переписывать всё стихотворение заново:

Какое небо синее,
И падает снежок.
Пошли мы с Люськой, с Колею
Сегодня на каток.

И музыка гремела,
И мчались мы втроём,
И за руки держались,
И было хорошо!

И лёд сверкал под нами,
Смеялись мы — хи-хи,
И мы по льду бежали,
Проворны и легки!

Я поставила точку, торопливо сложила листок вчетверо, сунула его в карман и помчалась в кино.

Я бежала по улице.
Небо надо мной было синее!
Падal лёгкий искристый снежок!
Светило солнце!
С катка, из репродукторов, доносилась весёлая музыка!
А я бежала, раскатывалась на ледках, подпрыгивала по дороге и
громко смеялась:
— Хи-хи! Хи-хи! Хи-хи-хи!

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ МАМ

К нам во двор пришёл человек. В кожаном пиджаке. В кожаной кепке. В чёрных кожаных штанах.

В руках он держал кожаный чемоданчик.

Он подошёл к нам с Люськой и сказал:

— Девочки, скоро будет день Восьмого марта. Я надеюсь, вы помните, что это за день?

Люська сказала:

— Конечно, помним! А что? Вы думали, мы забыли?

А я сказала:

— Вы для того к нам во двор пришли, чтобы напомнить? А почему, дяденька, вы нам напоминаете? У вас что, работа такая?

Этот кожаный дяденька засмеялся и сказал:

— У меня работа другая. Я работаю корреспондентом на радио. И если вы, девочки, хотите поздравить своих мам с Восьмым марта, то я запишу ваше поздравление на плёнку, и ваши мамы услышат его по радио.

Мы с Люськой ужасно обрадовались!

— Давайте, — сказала Люська. — Записывайте. Я люблю выступать по радио. Чур, я первая!

Я закричала:

— Фигушки! Всегда ты первая! Чур, первая я!

— Не ссорьтесь, — сказал корреспондент. — Она будет первая. — И показал на Люську.

Мне стало очень обидно, потому что всегда она со своими разноцветными глазами первая.

Я даже хотела уйти, но передумала. Во-первых, не так уж часто приходится выступать по радио, а во-вторых, я всё равно лучше Люськи поздравлю свою маму. Пусть не воображает, что у неё разноцветные глаза!

Мы сели на лавочку.

Корреспондент открыл свой чемоданчик, в нём оказался магнитофон.

— Вот сейчас я нажму на кнопку, — сказал корреспондент, — и ты расскажешь нам о своей маме. О том, кем она работает и как ты её любишь, а потом поздравишь её с праздником Восьмого марта. Поняла?

Люська кивнула.

Корреспондент нажал на кнопку, круги в чемоданчике завертелись, и Люська громко заговорила:

— Моя мамочка очень хорошая. Я очень люблю мою мамочку. Моя мамочка работает инженером на текстильной фабрике. Она очень умная и красивая. Она висит на доске Почёта, потому что её все уважают. Я поздравляю мою дорогую мамочку Валентину Феррапонтовну Косицыну с праздником Восьмого марта! Я желаю моей мамочке здоровья и счастья. И я желаю ей получить премию за первый квартал. А ещё я желаю счастья всем мамам на свете! И чтобы их дети учились только на «хорошо» и «отлично»!

— Стоп, — сказал корреспондент и нажал на кнопку.

Круги остановились.

— Очень хорошо, девочка! — сказал корреспондент. — Как тебя зовут?

— Люся Косицына, — гордо сказала Люська.

— Та-ак... Люся Косицына... — записал корреспондент в записной книжечке.

— Ну, а теперь давай ты, — повернулся он ко мне. — Говори так же, как твоя подруга. Громко и отчётливо.

Почему я должна говорить так же, как моя подруга? Да я в тысячу раз лучше скажу!

Круги в магнитофоне завертелись, и я вдруг сказала хриплым шёпотом:

— Моя мамочка очень хорошая. Я очень люблю мою мамочку...

— Стоп, — сказал корреспондент. — Не волнуйся. Говори громко и отчётливо.

Круги завертелись снова.

— Моя мамочка очень хорошая! — закричала я. — Я очень люблю мою мамочку!

— Стоп, — сказал корреспондент. — Зачем ты так кричишь? Говори потише... Начали!

— Моя мамочка очень хорошая, — сказала я. — Я очень люблю мою мамочку!

— Стоп, — сказал корреспондент. — Это уже было. Поздравь свою маму своими словами.

У меня защипало в носу. Круги магнитофона стали вдруг расплываться перед глазами...

— Начали! — скомандовал корреспондент.

— Я очень люблю мою мамочку, — сказала я. — Моя мамочка очень хорошая...

— Веселей! — сказал корреспондент. — У тебя что, зубы болят?

Чтобы не заплакать, я ущипнула себя за ухо и воскликнула:

— Я очень люблю мою мамочку! Моя мамочка очень хорошая!

— Что же ты остановилась? — сказал корреспондент. — Дальше...

Я ущипнула себя за бок через карман пальто и сказала:

— Она работает кандидатом химических наук в институте мясомолочной промышленности...

Корреспондент кивнул: всё, мол, правильно.

— Кандидатом химических наук, — повторила я. — И каждый день ходит на работу. То есть моя мамочка не ходит, она ездит на работу на автобусе, а мы с Ураном остаёмся дома. Уран — это моя собака, и я его тоже очень люблю. Но мою мамочку я всё-таки люблю больше. Она такая хорошая, кормит меня по утрам винегретом, манной кашей... Только я манную кашу не очень люблю. Терпеть её не могу!

Я увидела, как у корреспондента делаются круглые глаза.

— Да-да, я манную кашу ненавижу! Я говорю: «Мама, ну можно, я её не буду?» А она: «Ни за что! Ешь — и всё!» Я говорю: «Ну я же эту гадость видеть не могу!» А она: «Пока не съешь, не выйдешь из-за стола!» Не понимаю, почему нужно так мучить человека?! Вот Люську никогда так не мучают!

У меня слёзы закапали из глаз. Я вынула платок, сморкнулась и вдруг вспомнила, что выступаю по радио! На весь свет жалуясь на свою маму!

А всё эта проклятая каша! Всякое соображение у меня отшибла!

— Ой, ну при чём тут каша! — закричала я. — Что она ко мне привязалась? Мамочка, ты не подумай, что я тебя не люблю! Я тебя всё равно люблю! Правда-правда! Честное слово! Да если хочешь, я эту противную кашу с утра до ночи буду есть! Только ты не сердись, ладно? А то, когда ты сердишься, у тебя лицо злое. Я всю жизнь буду кашу есть, только не сердись. Я так люблю, когда ты добрая! У тебя тогда такое лицо красивое и смех замечательный! Мы всегда с папой смеёмся, когда ты смеёшься. И ты, пожалуйста, никогда не болей, ладно? А то мы с папой прямо умираем, когда у тебя голова болит, так нам тебя жалко! А ещё...

— Хватит, — сказал корреспондент. — Спасибо, девочка.

Жжикнула «молния», корреспондент закрыл свой чемоданчик.

— Честно говоря, никогда в жизни ещё не записывал такого поздравления, — сказал корреспондент.

— Вы фамилию мою забыли записать, — сказала я.

— А ты мне просто скажи. Я твою фамилию и так запомню. Ну, как твоя фамилия?

— Синицына Люся, — сказала я.

— Как я тебя понимаю, Синицына Люся! — сказал корреспондент. — Я тоже в детстве терпеть не мог манной каши... Ну, ладно. Пока, девочки. Большое вам спасибо.

Он перекинул ремень от чемоданчика через плечо и ушёл.

Восьмого марта я проснулась первая и сразу побежала включать радио. В шесть часов утра передавали «Последние известия», а нас с Люськой не передавали.

И в семь нас не передавали.

И в восемь.

И в девять нас не передавали, и в одиннадцать, и в два...

И настало тридцать две минуты четвёртого, и вдруг нас стали передавать!

Сначала говорили про какую-то школу, где к Восьмому марта ученики шестого «Б» выпустили альбом с фотографиями всех мам и вокруг фотографий нарисовали всякие цветы. Вокруг одной мамы розы, вокруг другой — маки, вокруг третьей — незабудки, а вокруг других мам всякие другие цветы...

А потом разные дети стали поздравлять по радио своих мам, и я подумала:

«Вот, сейчас!..»

И вдруг голос нашего знакомого корреспондента сказал:

— А сейчас свою маму поздравит школьница Люся Косицына.

Я закричала:

— Мама! Мама! Иди сюда! За Люськой я тебя буду поздравлять!

И мама прибежала из кухни, и мы вместе с ней слушали, как Люська говорила:

«Моя мамочка очень хорошая. Я очень люблю мою мамочку. Моя мамочка работает инженером на текстильной фабрике. Она очень умная и красивая. Она висит на доске Почёта, потому что её все уважают. Я поздравляю мою дорогую мамочку Валентину Ферапонтовну Косицыну с праздником Восьмого марта! Я желаю моей мамочке здоровья и счастья, и я желаю ей получить премию за первый квартал. А ещё я желаю счастья всем мамам на свете! И чтобы их дети учились на «хорошо» и «отлично!»»

— Молодец, Люсенька, — сказала мама. — Очень хорошее выступление!

Но я сказала:

— Тише! Тише! Вот сейчас!.. Сейчас!..
И вдруг диктор сказал:

«Дорогие друзья, наша передача окончена. Шлите письма по адресу: «Москва, Радио, редакция вещания для младших школьников...»

Теперь вы понимаете, почему мы с Люськой поссорились снова!

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Люся!
Не отгаивайся!!!
Двойка - это пустяки!!!
Двойку ты исправимы!
Я тебе помогу! Давай с то-
бой дружить! Только это
тайна! Никому ни слова!!!
Яло-кво-кыл.

Не хотелось мне вчера учить уроки. На улице было такое солнце! Такое тёплое жёлтенькое солнышко! Такие ветки качались за окном! Мне хотелось вытянуть руку и дотронуться до каждого клейкого зелёного листика. Ох, как будут пахнуть руки! И пальцы слипнутся вместе — не отдерёшь друг от друга... Нет, не хотелось мне учить уроки.

Я вышла на улицу. Небо надо мной было быстрое. Куда-то спешили по нему облака, и ужасно громко чирикали на деревьях воробьи, и на лавочке грелась большая пушистая кошка, и было так хорошо, что весна!

Я гуляла во дворе до вечера, а вечером мама с папой ушли в театр, и я, так и не сделав уроков, легла спать.

Утро было тёмное, такое тёмное, что вставать мне совсем не хотелось. Вот так всегда. Если солнышко, я сразу вскакиваю. Я одеваюсь быстро-быстро. И кофе бывает вкусный, и мама не ворчит, и папа шутит. А когда утро такое, как сегодня, я одеваюсь еле-еле, мама меня подгоняет и злится. А когда я завтракаю, папа делает мне замечания, что я криво сижу за столом.

По дороге в школу я вспомнила, что не сделала ни одного урока, и от этого мне стало ещё хуже. Не глядя на Люську, я села за парту и вынула учебники.

Вошла Вера Евстигнеевна. Урок начался. Сейчас меня вызовут.

— Синицына, к доске!

Я вздрогнула. Чего мне идти к доске?

— Я не выучила, — сказала я.

Вера Евстигнеевна удивилась и поставила мне двойку.

Ну почему мне так плохо живётся на свете?! Лучше я возьму и умру. Тогда Вера Евстигнеевна пожалеет, что поставила мне двойку. А мама с папой будут плакать и всем говорить:

«Ах, зачем мы сами ушли в театр, а её оставили совсем одну!»

Вдруг меня в спину толкнули. Я обернулась. Мне в руки сунули записку. Я развернула узкую длинную бумажную ленточку и прочла:

Люся!

Не отчаивайся!!!

Двойка — это пустяки!!!

Двойку ты исправишь!

Я тебе помогу! Давай с тобой дружить! Только это тайна!

Никому ни слова!!!

Яло-кво-кыл.

В меня сразу как будто что-то тёплое налили. Я так обрадовалась, что даже засмеялась. Люська посмотрела на меня, потом на записку и гордо отвернулась.

Неужели это мне кто-то написал? А может, эта записка не мне? Может, она Люське? Но на обратной стороне стояло: ЛЮСЕ СИНИЦЫНОЙ.

Какая замечательная записка! Я в жизни таких замечательных записок не получала! Ну конечно, двойка — это пустяки! О чём разговор! Двойку я запросто исправлю!

Я ещё раз двадцать перечла:

«Давай с тобой дружить...»

Ну конечно! Конечно, давай дружить! Давай с тобой дружить!! Пожалуйста! Очень рада! Я ужасно люблю, когда со мной хотят дружить!

Но кто же это пишет? Какой-то ЯЛО-КВО-КЫЛ. Непонятное слово. Интересно, что оно обозначает? И почему этот ЯЛО-КВО-КЫЛ хочет со мной дружить?.. Может быть, я всё-таки красивая?

Я посмотрелась в парту. Ничего красивого не было.

Наверное, он захотел со мной дружить, потому что я хорошая. А что, я плохая, что ли? Конечно, хорошая! Ведь с плохим человеком никто дружить не захочет!

На радостях я толкнула локтем Люську:

— Люсь, а со мной один человек хочет дружить!

— Кто? — сразу спросила Люська.

— Я не знаю. Тут как-то непонятно написано.

— Покажи, я разберу.

— Честное слово, никому не скажешь?

— Честное слово!

Люська прочла записку и скривила губы:

— Какой-то дурак написал! Не мог своё настоящее имя сказать.

— А может, он стесняется?

Я оглядела весь класс. Кто же мог написать записку? Ну кто?.. Хорошо бы Коля Лыков! Он у нас в классе самый умный. Все хотят с ним дружить. Но ведь у меня столько троек! Нет, вряд ли он.

А может, это Юрка Селиверстов написал?.. Да нет, мы с ним и так дружим. Стал бы он ни с того ни с сего мне записку посылать!

На перемене я вышла в коридор. Я встала у окна и стала ждать. Хорошо бы этот ЯЛО-КВО-КЫЛ прямо сейчас же со мной подружился!

Из класса вышел Павлик Иванов и сразу направился ко мне.

Так, значит, это Павлик написал? Только этого ещё не хватало!

Павлик подбежал ко мне и сказал:

— Синицына, дай десять копеек.

Я дала ему десять копеек, чтобы он поскорее отвязался. Павлик тут же побежал в буфет, а я осталась у окна. Но больше никто не подходил.

Вдруг мимо меня стал прогуливаться Бураков. Мне показалось, что он как-то странно на меня взглядывает. Он остановился рядом и стал смотреть в окно. Так, значит, записку написал Бураков?! Тогда уж лучше я сразу уйду. Терпеть не могу этого Буракова!

— Погода ужасная, — сказал Бураков.

Уйти я не успела.

— Да, погода плохая, — сказала я.

— Погодка — хуже не бывает, — сказал Бураков.

— Жуткая погода, — сказала я.

Тут Бураков вынул из кармана яблоко и с хрустом откусил половину.

— Бураков, дай откусить, — не выдержала я.

— А оно горькое, — сказал Бураков и пошёл по коридору.

Нет, записку не он написал. И слава Богу! Второго такого жадины на всём свете не найдёшь!

Я презрительно посмотрела ему вслед и пошла в класс. Я вошла и обомлела. На доске огромными буквами было написано:

ТАЙНА!!! ЯЛО-КВО-КЫЛ+СИНИЦЫНА=ЛЮБОВЬ!!!
НИКОМУ НИ СЛОВА!

В углу шушукалась с девчонками Люська. Когда я вошла, они все уставились на меня и стали хихикать.

Я схватила тряпку и бросилась вытирать доску. Тут ко мне подскочил Павлик Иванов и зашептал в самое ухо:

— Это я тебе написал записку.

— Врёшь, не ты!

Тогда Павлик захохотал как дурак и заорал на весь класс:

— Ой, умора! Да чего с тобой дружить?! Вся в веснушках, как каракатица! Синица дурацкая!

И тут не успела я оглянуться, как к нему подскочил Юрка Селиверстов

и ударил этого болвана мокрой тряпкой прямо по башке. Павлик взвыл:

— Ах, так! Всем скажу! Всем, всем, всем про неё скажу, как она записки получает! И про тебя всем скажу! Это ты ей записку послал! — И он выбежал из класса с дурацким криком: — Яло-кво-кыл! Яло-кво-кыл!

Уроки кончились. Никто ко мне так и не подошёл. Все быстро собрали учебники, и класс опустел. Одни мы с Колей Лыковым остались. Коля всё никак не мог завязать шнурок на ботинке.

Скрипнула дверь. Юрка Селиверстов всунул голову в класс, посмотрел на меня, потом на Колю и, ничего не сказав, ушёл.

А вдруг? Вдруг это всё-таки Коля написал? Неужели Коля! Какое счастье, если Коля! У меня сразу пересохло в горле.

— Коля, скажи, пожалуйста, — еле выдавила я из себя, — это не ты, случайно...

Я не договорила, потому что вдруг увидела, как Колины уши и шея заливаются краской.

— Эх ты! — сказал Коля, не глядя на меня. — Я думал, ты... А ты...

— Коля! — закричала я. — Так ведь я...

— Болтушка ты, вот кто, — сказал Коля. — У тебя язык как помело. И больше я с тобой дружить не хочу. Ещё чего не хватало!

Коля наконец справился со шнурком, встал и вышел из класса. А я села на своё место.

Никуда я не пойду. За окном идёт такой ужасный дождь. И судьба моя такая плохая, такая плохая, что хуже не бывает! Так и буду сидеть здесь до ночи. И ночью буду сидеть. Одна в тёмном классе, одна во всей тёмной школе. Так мне и надо.

Вошла тётя Нюра с ведром.

— Иди, милая, домой, — сказала тётя Нюра. — Дома мамка заждалась.

— Никто меня дома не заждался, тётя Нюра, — сказала я и поплелась из класса.

Плохая моя судьба! Люська мне больше не подруга. Вера Евстигнеевна поставила мне двойку. Коля Лыков... Про Колю Лыкова мне и вспоминать не хотелось.

Я медленно надела в раздевалке пальто и, еле волоча ноги, вышла на улицу...

На улице шёл замечательный, лучший в мире весенний дождь!

По улице, задрвав воротники, бежали весёлые мокрые прохожие!

А на крыльце, прямо под дождём, стоял Коля Лыков.

— Пошли, — сказал он.

И мы пошли.

МЫ ПОШЛИ В ТЕАТР

Мы пошли в театр.

Мы шли парами, и всюду были лужи, лужи, лужи, потому что только что прошёл дождь.

И мы прыгали через лужи.

Мои новые синие колготки и мои новые красные туфли стали все в чёрных брызгах.

И Люськины колготки и туфли тоже!

А Сима Коростылёва разбежалась и прыгнула в самую середину лужи, и весь подол нового зелёного платья стал у неё чёрный! Сима стала его выжимать, и платье стало как мочалка, всё мятое и мокрое внизу. И Валька решила ей помочь и стала платье разглаживать руками, и от этого на Симином платье образовались какие-то серые полосы, и Сима очень расстроилась.

Но мы сказали ей:

— Не обращай внимания! — и пошли дальше.

И Сима перестала обращать внимание и снова стала прыгать через лужи.

И всё наше звено прыгало — и Павлик, и Валька, и Бураков. Но лучше всех, конечно, прыгал Коля Лыков. Брюки у него были мокрые до колен, ботинки совершенно промокли, но он не унывал.

Да и смешно было унывать от таких пустяков!

Вся улица была мокрая и блестела от солнца.

Над лужами поднимался пар.

Воробьи трещали на ветках.

Красивые дома, все как новенькие, только что выкрашенные в жёлтый, светло-зелёный и розовый цвет, глядели на нас чистыми весенними окнами. Они радостно показывали нам свои чёрные резные балкончики, свои белые лепные украшения, свои колонночки между окнами, свои разноцветные плиточки под крышами, своих вылепленных над подъездами весёлых танцующих тётенек в длинных одеждах и серьёзных печальных дяденек с маленькими рожками в кудрявых волосах.

Все дома были такие красивые!

Такие старинные!

Такие не похожие один на другой!

И это был Центр. Центр Москвы. Садовая улица. И мы шли в

кукольный театр. Шли от самого метро! Пешком! И прыгали через лужи!

Как я люблю Москву! Мне даже страшно, как я её люблю! Мне даже плакать хочется, как я её люблю! У меня всё в животе сжимается, когда я смотрю на эти старинные дома, и как люди куда-то бегут, бегут, и как несутся машины, и как солнце сверкает в окнах высоченных домов, и машины визжат, и орут на деревьях воробьи.

И вот позади все лужи — восемь больших, десять средних и двадцать две маленьких, — и мы у театра.

А дальше мы были в театре и смотрели спектакль. Интересный спектакль. Два часа смотрели, даже устали. И на обратном пути все уже торопились домой и не захотели идти пешком, как я ни просила, и мы сели в автобус и до самого метро ехали в автобусе.

ИНТЕРЕСНЫЙ КОНЦЕРТ

Вчера Люська прибежала ко мне вся запыхавшаяся, вся сияющая и важная, вся нарядная и гордая...

— Мы с мамой были на концерте! — закричала она прямо с порога. — Ой, до чего концерт был интересный — ужас! Сейчас я тебе всё по порядку расскажу. Слушай...

Сначала мы пришли и стали раздеваться. Очередь в раздевалке — ужас! Все нарядные, духами пахнут, а некоторые в длинных платьях до пола.

Мы стояли-стояли в очереди, а потом подошли, и нам дядька-гардеробщик говорит:

— Гражданочки, я вам могу предложить бинокль. Между прочим, большое удобство — не надо на обратном пути в очереди стоять.

Мама говорит:

— Ну конечно, давайте! Терпеть не могу очередей!

И мы взяли бинокль. Ой, Люська, какой бинокль красивый — ужас! Весь беленький, перламутровый! Я сразу стала в него на очередь глядеть, только почему-то ничего не разглядела.

А потом мы стали подниматься по лестнице.

Лестница такая широкая, мраморная, а посередине ковёр.

Я бы ни за что не разрешила по такому ковру в ботинках ходить! Я бы по нему только босиком пускала. Такой замечательный ковёр — ужас!

Ну вот, мы шли, а перед нами тётка с дядькой шла и на него всё время смотрела и хохотала. А дядька довольно старый и совершенно не смешной, и чего она хохотала — непонятно. Наверное, чтобы все на неё внимание обращали.

А потом мы пришли в зал и сели на свои места.

Ой, какие у нас места были хорошие! Такие мягкие, бархатные... И кнопками обиты. Очень хорошие места!

И вот мы сели, и мимо нас все стали проходить. Проходят и проходят...

Мама говорит:

— Граждане, ну сколько можно проходить?!

А они всё проходят. Некоторые говорят:

— Извините, разрешите пройти...

А некоторые без извинения проходят. Бессовестные какие! Проходят и

ещё не извиняются! А один мальчишка мне на ногу даже наступил! Я ему взяла и тоже наступила. Пусть знает, как наступать!

Ну, наконец прозвенел последний звонок, и они проходить перестали.

И мы стали на сцену глядеть. А там на сцене рояль посередке, а по обе стороны занавес свисает. Тоже бархатный.

«Эх, — думаю, — сколько можно было бы из этого занавеса платьевшить! На весь класс хватило бы! Представляю, как бы Мухина в таком платье воображала!»

А потом на сцену вышла очень красивая тётенька. Немножко на Веру Евстигнеевну похожа, только без очков и в платье переливающимся, и сказала, что перед нами сейчас выступит заслуженная артистка республики Нина Соколова-Иванова. А может, не Нина. Может, Тамара. Не помню что-то... Нет, кажется, Нина.

И вслед за тётенькой эта самая Нина вышла и села за рояль. Она немножко вот так руки потёрла и стала на рояле играть.

Ну, у неё платье было так себе, мне не понравилось. Рукавчики короткие, тут сборочки, а тут такие пуговицы... Зато причёска, Люсь, потрясающая! Тут спереди чёлка длинная, а вот тут сбоку волосы кверху, и тут такие большие кудри. Я такой причёски никогда не видела! А может, это парик был, а, Люсь? Да, Люська, это наверняка был парик! Как же я сразу не догадалась!

Ну, в общем, она первую вещь сыграла, и все захлопали.

Она тогда обрадовалась, встала и начала кланяться.

А потом села и заиграла вторую вещь. Да так громко! Прямо стены затряслись! Знаешь, как старалась! Даже на месте подскакивала! Честное слово! Вот это Нина! Она так по роялю дубасила, что я боялась, как бы рояль не сломался. Всё-таки жалко рояль. Такой красивый, чёрный, блестящий!

Она по нему, наверное, целый час дубасила. Я даже есть захотела. Вспомнила, что у меня в кармане лежит конфета «Мишка», вынула её и стала разворачивать...

Но в это время Нина вдруг, как назло, заиграла тихо — устала, что ли? — и все стали на меня оборачиваться и шептать:

— Тише, девочка! Ты не в буфете!

Представляешь, она там дубасила изо всех сил, и ей никто не говорил «тише», хотя в ушах звенело, а тут конфетку нельзя спокойно съесть!

В общем, мне эта пианистка не понравилась.

А потом первое отделение кончилось, и мы с мамой пошли в буфет и стали там пить лимонад и есть пирожные.

«Да нет, — думаю, — эта пианистка ничего. Она же не виновата, что устала!»

А потом было второе отделение.

А во втором отделении она уже, видно, совсем устала. Стала играть тихо-тихо. И даже глаза закрыла.

Я сама в бинокль видела — она с закрытыми глазами играла. Вот не веришь?! Она, по-моему, даже стала засыпать... Всё тише, тише играет, голову на грудь опустила... и совсем играть перестала.

И тут все как захлопают! Как вскочат! И она сразу от этого проснулась, и тоже вскочила, и стала кланяться, как будто и не спала вовсе, а так, притворялась немножко. А я же видела, честное слово, видела, что она заснула совсем!

Эх, хорошо всё-таки быть известной пианисткой!

Все хлопают, цветы кидают... Я, пожалуй, тоже известной пианисткой буду, я уже решила. Но только я никогда за роялем спать не буду.

«КАК ПРОВОЖАЮТ ПАРОХОДЫ...»

Было утро. Было воскресенье. Мы с Колей сидели на дереве. На большой раскидистой ветке. Мы ели хлеб с вареньем и болтали ногами. Над нами важно проплывали толстые белые облака, а солнце светило изо всех сил, и макушка у меня стала горячая, как печка.

— Коль, давай каждый день по деревьям лазить! Утром будем залезать, а вечером слезать. И обедать будем на дереве, и уроки учить, а в школу ходить не будем.

— Давай. Я высоту люблю. Обязательно лётчиком стану, когда вырасту.

— Коль, а мне кем стать?

— Артисткой. Ты поёшь здорово.

— Правда, Коль?! Честное слово, я хорошо пою?

— Мне нравится. Вот ты вчера во дворе пела «Как провожают пароходы», а я сидел дома и слушал. Я даже радио выключил.

— А хочешь, я сейчас спую?

— Давай.

И я запела:

Как провожают пароходы-ы,
Совсем не так, как поезда-а-а...

Я ужасно старалась. Украдкой я посматривала на Колю. У Коли было задумчивое и серьёзное лицо. Он смотрел вдаль. Может быть, он думал о том, как станет лётчиком, когда вырастет.

Вода, вода, —

Кругом вода... —

пела я.

И вдруг я услышала:

— Эй, Люська, где ты?

Под деревом стоял Павлик Иванов.

Мы с Колей замерли. От этого Иванова только и жди неприятностей! Ведь он всем разболтает, что мы на дерево залезли. И достанется же нам тогда от родителей! И во дворе станут дразнить «жених и невеста»...

Иванов походил вокруг песочницы, поглядел по сторонам.

— Люська! — заорал он. — Выходи! Я тебя нашёл! Ты в подвале сидишь!

В это время из подъезда вышла моя Люська.

— С чего это ты решил, что я в подвале сижу? — удивилась Люська.

— Да не ты! — сказал Павлик Иванов. — Тут Сеницына где-то спряталась и оттуда поёт. Давай её искать?

— Вот ещё! — сказала Люська. — Сама отыщется... И потом, разве она умеет петь? Пищит, как цыплёнок. Слушать противно!

— Всё-таки странно, — сказал Павлик. — Где же она? Я слышал её голос где-то рядом.

— Да что ты заладил — «её голос, её голос»! Только и слышу со всех сторон: «Ах, какой у Сеницыной голос! Ах, как Сеницына хорошо поёт!..» Да если хочешь знать, это я её всем песням научила!

Это было такое враньё, что я чуть с дерева не свалилась.

— Спокойно! — сказал Коля. — Не волнуйся, а то они нас увидят.

— И вообще у неё слуха нет, — сказала Люська. — Ты даже не представляешь, как я с ней измучилась, пока я её научила петь «Как провожают пароходы».

— Не ври, Люська, — не выдержала я. — Как не стыдно врать!

— Ага! — сказал Павлик. — Она точно где-то здесь!

Люська завертела головой во все стороны.

— Ну вот, я пошутила, а ты уж и поверил, — сказала она громким голосом. — «Как провожают пароходы» — это она меня научила. И «Ладу» и «Русское поле». А зато я её арию Ленского научила петь. А арию Ленского в сто раз интересней петь, чем «Русское поле»! И пусть не воображает, что лучше всех поёт. Подумаешь, певица нашлась!

Она потянулась.

— Вчера Сергей Фёдорович приехал, — сказала она всё так же

громко. — Привёз мне во-от такой арбуз! И груши во-от такие! И сегодня мы с ним идём на балет «Доктор Айболит». Сейчас надену своё синее платье, туфли надену новые — красные, с дырочками — и пойдём.

И она ушла.

Павлика позвали, и он тоже ушёл. Мы с Колей слезли с дерева.

Всё обошлось хорошо. Никто нас не видел. Никто не ругал. Я даже почти не поцарапалась. Солнце светило так же ярко. Облака были такие же белые. И было тепло. И было ещё утро. И было воскресенье. Но настроение у меня было испорчено.

— Она пошла смотреть «Доктора Айболита», — сказала я. — А я так давно мечтала о «Докторе Айболите»!

— Люсь, — сказал Коля, — ты ведь не кончила. Спой дальше, а!

— И туфли у неё новые...

Я посмотрела на свои потрескавшиеся сандалии.

— Люсь, ну спой, пожалуйста.

— И ей привезли арбуз. Всё-таки несправедливо. Почему всё ей?

— Ты будешь петь дальше? — сказал Коля.

— И груши, — сказала я.

И мне захотелось плакать. Тут Коля посмотрел на меня как-то странно.

— Ну ладно, я пойду, — вдруг сказал Коля. — Ты меня, пожалуйста, извини. Меня ждёт мама.

Он повернулся и пошёл.

— Коль!

Он не остановился. Он шёл к подъезду. Ну и пусть! Много о себе думает! Что я такого сказала? Ну что?

Коля уходил. Я знала, почему он уходит. Колина спина мелькнула на площадке второго этажа. Я знала, знала, почему он уходит!

— Постой! — крикнула я и побежала его догонять.

Я догнала его только на третьем этаже.

— Коль! — забормотала я. — Подожди! Ну подожди, пожалуйста! Я... я хочу тебе одну загадку загадать. Знаешь, какая загадочка отличная! Ни за что не отгадаешь. Правда-правда! Вот послушай... А и Б сидели на трубе. А упало, Б пропало, кто остался на трубе?

— Знаю я эту загадку, — хмуро сказал Коля.

— Коль, — сказала я. — Ты не думай!.. Не думай... Честное слово, я не такая! Я прямо сама не знаю, что на меня нашло! Подумаешь — туфли! Да у меня ведь есть новые туфли! И арбуз — ерунда! Мой папа сколько хочешь таких арбузов может привезти... И груши...

Мы спустились с лестницы и вышли во двор.

— А ты всё-таки спой, — сказал Коля. — Ведь ты не кончила.
И я запела:

Как провожают пароходы-ы,
Совсем не так, как поезда-а-а...

В окне в своём новом платье стояла Люська. Она ела грушу.

БЕДНАЯ ДАРЬЯ СЕМЁНОВНА!

Я лежала и думала:

«Я уже целых пять дней больна, а она ни разу ко мне не зашла! Какая же она подруга после этого?»

Подумаешь, обиделась на меня из-за какой-то чепухи! Я сказала, что она хоть и отличница, а глупая, книжек не читает, зубрит одни учебники... Так чего же обижаться, если это правда? И потом, у меня уже тогда температура высокая была — тридцать семь и две. Разве можно обижаться на больного человека?

Вот возьму и тоже на неё обижусь! И никогда не прощу! Пусть подлизывается, пусть прощения просит — ни за что её не прощу!

В прихожей зазвонил звонок. Пришёл Коля.

Он вошёл в комнату, сел на стул и сказал:

— Привет. Как себя чувствуешь? Как температура?

— Спасибо, Коль. Плохо я себя чувствую. Температура очень высокая — тридцать шесть и семь!

— Наверное, тридцать семь и шесть, — сказал Коля.

— Наверно. Может, даже больше. Знаешь, ничего есть не хочется, кроме апельсинов и зефира в шоколаде. Даже уроки делать не хочется. Я вчерашнее домашнее задание так и не сделала, представляешь?

— Представляю, — сказал Коля. — Это очень плохо. Запустишь всё. Ты и так последнее время на одних троечках ползёшь.

— Ну и что? — сказала я. — Хочу и ползу! Это, между прочим, не твоё дело!

— А чьё же? Кто, интересно, у нас звеньевой? Кстати, мы сегодня проводили сбор звена и решили ко всем отстающим прикрепить шефов. Коростылёва будет с Ивановым заниматься, Мухина с Длиннохвостовой, а к тебе прикрепили Косицыну, чтобы она тебя подтягивала. Ясно?

— Ещё чего не хватало! — закричала я. — Пусть только попробует меня подтягивать, я её с лестницы спущу!

Коля вытаращил глаза:

— Ты что, с ума сошла? Вы же подруги!

— Больше она мне не подруга!

— Не пойму я. То вас водой не разольёшь, а то друг на друга глядеть не хотите. Ненормальные какие-то!

И тут снова зазвонил звонок.

Уран, который лежал под моей кроватью, вскочил и помчался к дверям.

— Это Косицына, — сказал Коля. — Ну, я пошёл. Не буду вам мешать.

— Коля, не уходи! Не хочу я, чтобы она меня подтягивала, мы поссорились, понимаешь?

— Поссорились — значит, надо помириться. И вообще, хватит вам ссориться. Вы своими ссорами всему классу надоели.

Он направился в прихожую:

— Привет, Косицына.

— Привет, — услышала я Люськин писклявый голос.

— Пока.

— Пока, — сказала Люська.

Хлопнула дверь. Коля ушёл.

Уран как сумасшедший прыгал и визжал в передней. За что он любит эту Люську, понять не могу! Я лично её терпеть не могу! Подтягивать, видите ли, меня пришла! Ну что ж, посмотрим, как это у неё получится!

Долго из передней доносилось до меня неразборчивое Люськино бормотание и ласковые визги Урана.

Наконец в двери показалась Люськина чёлка, вернее, один её кусочек, и левый глаз, светло-зелёный, в жёлтую крапинку.

Потом остальная чёлка и правый — коричневый глаз.

Потом всё остальное.

Люська вошла в комнату. Уран вбежал за ней и стал прыгать рядом, хотел лизнуть её в лицо. Люська отворачивалась и смеялась.

Она ещё и смеётся!

— Уран, ко мне! — скомандовала я. — Не смей приставать к посторонним лицам!

— Это я «постороннее лицо»?! Уранчик, иди ко мне, миленький! Сама она «постороннее лицо»!

И она расселась на моём стуле и стала гладить моего Урана!

— Уранчик, ми-и-лый, хоро-о-ший, я тебе котлетку принесла. Вот тебе котлетка. Кушай...

— Уран, не смей есть чужих котлет!

Но противный Уран уже на всю комнату чавкал Люськиной котлетой. Этого ещё не хватало!

— Выплюнь! — закричала я. — Немедленно выплюнь котлету!

— Не обращай на неё внимания! — сказала Люська. — Воображала она, понимаешь? — И стала вытаскивать из портфеля ещё какой-то пакет. — Вот, я тебе и колбаски захватила...

— Уран! — заорала я. — Не смей есть эту паршивую колбасу!

— Видишь, что я тебе говорила? Воображает! Думает, без неё никто прожить не может! Думает, она заболела, и все так и побегут её навещать! Скучать будут — прямо лопнут! Пусть не воображает! Я по тебе соскучилась, а не по ней. На вот тебе ещё пирожок с повидлом.

Я вскочила с постели, схватила Урана за ошейник и потащила к себе.

— Сиди тут! — приказала я. — Нечего ей распоряжаться! Пусть свою собаку заводит и кормит всякими тухлыми пирожками!

Но как только я выпустила Уранов ошейник, этот предатель снова бросился к Люське!

— Молодец, Уранчик! — обрадовалась Люська. — Не слушай её. Она думает, она умная, книжек много читает! Да она своего «Витю Малеева» уже полгода мусолит!.. Ешь, ешь пирожок. Правда, вкусный? Его бабушка пекла, когда ещё здоровая была...

Пирожок мгновенно исчез в Урановой пасти.

Уран сидел перед Люськой, повизгивал, вертел хвостом и глядел на неё влюблёнными глазами.

— Да! Ты же ещё не знаешь, что с моей бабушкой случилось? — сказала Люська. — Представляешь, Уран, мою бабушку вчера в больницу увезли!

Уран взвизгнул и ещё сильнее завертел хвостом.

— Не верь ей, Уран! Врёт она! У неё бабушка здоровая как бык! — закричала я.

— Это моя бабушка здоровая как бык?! Я тебе, Уранчик, честное слово даю: моя бабушка утюг на ногу уронила, и её в больницу увезли! У неё, бедненькой, нога прямо раздулась, стала такая круглая! Знаешь, как ей больно было!..

— Врёт! — сказала я. — От утюга нога так не раздуется.

— Да утюг-то чугунный был! — вскочила Люська. — Чугунный, тяжеленный! Бабушка так плакала! Так ей больно было! Иди сюда, Уранчик. Иди ко мне... Правда, жалко мою бабушку? Правда, жалко?

Люська опустила на колени, обхватила Урана руками за шею, уткнулась в него лицом и вдруг... заревела.

Неужели притворяется?

Нет, она не притворялась. Плакала.

Слёзы катились по её лицу. Она сидела на полу и вытирала лицо руками, а руки были в чернилах, и всё лицо её стало в чернилах, и шерсть у Урана на голове стала синяя.

Бабушка всегда заставляла Люську мыть после школы руки мочалкой.

Бедная Дарья Семёновна! Неужели её и вправду увезли в больницу? Неужели Люська не врёт?!

Нет, не врёт она. Сидит на полу, плачет и всего Урана намочила своими слезами... Бедная Люська! Что же делать? Что ей сказать?

— Люська, — сказала я, — перестань реветь. Ты Урана чернилами перемазала.

— Мне ба-а-бушку жа-а-лко... Ей там в больнице так гру-у-стно... так бо-о-льно...

— Люська, да чего ты на полу сидишь? Поправится твоя бабушка!

Но Люська заревела ещё сильнее.

Уран жалобно заскулил. Я почувствовала, как у меня защипало в глазах. Не хватало мне ещё зареветь!

— Люська, — сказала я, — если у тебя нет платка, можешь вытираться моей простынёй. Ну, иди сюда. Вытирайся, а?

Люська подползла к моей кровати. Лицо у неё было всё полосатое, красное, а глаза вдруг стали одного цвета, какого-то грустного, мышиноного... Она сидела рядом с моей постелью и вытирала лицо простынёй. Слава богу, мама этого не видела!

— Она там ходить не мо-о-жет... Лежит в больнице на кровати... Одна-а-а... Без меня-а-а...

Я не выдержала. Я почувствовала, что тоже хлюпаю носом.

— Люська, ну не пла-а-чь! Мне тоже твою бабушку жалко, я же не пла-а-чу!

— Бедная моя бабушка, — не унималась Люська. — Бедная моя ба-бушка-а-а...

— Люсенька, ну успокойся! Съешь яблочко, а?

— Не хочу-у-у... Мне бабушку жа-а-алко...

— Ну не плачь! Прошу тебя, не плачь! Слушай, ты же подтягивать меня пришла? Что же ты плачешь? Тебя прикрепили ко мне или не прикрепили? А ну, отвечай: прикрепили или нет?

— Прикре... прикрепили, — всхлипнула Люська.

— Так что же ты сидишь? Подтягивай меня скорее! Слышишь? Съешь яблоко и начинай меня подтягивать, ладно? Люсь, ну ладно? Ладно? Только не плачь, пожалуйста, очень тебя прошу-у-у!

— Ладно, — тяжело вздохнула Люська, снова прерывисто всхлипнула и в первый раз за всё это время посмотрела мне прямо в лицо грустными мышинными глазами.

«ПРИВЕТ С ДАЛЁКОГО СЕВЕРА!»

— Выделим в словах приставки и суффиксы, — сказала Вера Евстигнеевна. — Приставки будем выделять волнистыми линиями, а суффиксы прямыми...

Я сидела и смотрела на доску. Рядом Люська с умным видом писала что-то в тетрадке.

Мне было скучно. Приставки — суффиксы, суффиксы — приставки... За окном замыкала кошка. Интересно, чего она мяукает? На хвост ей наступили, что ли?.. Приставки — суффиксы, суффиксы — приставки... Скучища!

— Возьмите карандаши и подчёркивайте, — сказала Вера Евстигнеевна.

Я взяла карандаш, поглядела на Люську и, вместо того чтобы подчёркивать, написала на промокашке:

Здравствуйте высокая уважаемая Людмила Ивановна!

Люська старательно выделяла в тетрадке суффиксы и приставки. Делать ей нечего! Я стала писать дальше.

Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга Людмила Семёновна. Привет с далёкого Севера!

Люська покосилась на мою промокашку и снова принялась выделять приставки.

...Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя очень умный и замечательный. Я просто влюбилась в него с первого взгляда! Он у вас такой талантливый, прямо ужас! Он у вас сочиняет книжки для детей, потому что он у вас писатель. А ваш сын Серёжа — дворник. Потому что он хоть и красивый, а бестолковый. Он плохо учился, и его выгнали из института.

Люська бросила беспокойный взгляд на мою промокашку. Её, видно, тревожило, что я такое там пишу?

...А ваш муж Синдибобер Филимондрович очень злой. Он весь седой, и ходит с длинной бородой, и бьёт вас палкой, и мне вас ничуть не жалко!

Тут я прыснула, и Люська снова недовольно на меня покосилась.

...А сами вы тоже уже старая тётенька. Вы толстая, как бочка, и худая, как скелет, и у вас спереди одного зуба нет.

Тут я прямо давиться стала от смеха. Люська посмотрела на меня с ненавистью.

...А у нас всё по-прежнему. Мы живём от вас далеко, и по вас не скучаем, и никаких приставок и суффиксов не замечаем. Это всё мура и ерунда, и не хочется нам этого учить никогда!

— Та-а-ак... — услышала я вдруг за спиной и похолодела.

Рядом со мной неизвестно откуда выросла фигура Веры Евстигнеевны! Я быстро прикрыла промокашку руками.

— Та-а-ак. Весь класс занимается, а Синицына, как всегда, увлечена посторонним делом. Дай-ка сюда то, что ты пишешь! Быстрее, быстрее!

Я уже успела скомкать промокашку, но рука Веры Евстигнеевны повелительно протянулась... Вера Евстигнеевна вынула промокашку из моей вспотевшей ладони и развернула её.

— Интересно, чем это мы занимаемся на уроках?

Учительница разгладила промокашку и, слегка откинув назад голову, стала читать:

— «Здравствуйте высокая уважаемая Людмила Ивановна!..»

Класс насторожился.

— Между прочим, перед обращением ставится запятая, — ледяным голосом сообщила Вера Евстигнеевна. — «...Вам пишет издалека ваша бывшая школьная подруга Людмила Семёновна...»

Класс тихо захихикал.

— «Привет с далёкого Севера!» — с невозмутимым лицом произнесла Вера Евстигнеевна.

Класс захохотал. Я не знала, куда провалиться. А Вера Евстигнеевна читала громко и отчётливо:

— «Как поживают ваши детки Серёжа и Костя? Ваш Серёжа очень красивый. А ваш Костя...»

С классом творилось что-то невообразимое.

А учительница читала дальше. К моему ужасу, она не пропускала ни одного слова! Она читала очень спокойно, только всё сильнее и сильнее откидывала назад голову, только брови её ползли выше и выше:

— «...И его выгнали из института. А ваш муж Си... Син-ди...» Как? Тут что-то непонятное...

— Синдибобер, — тихо сказала я. С моими ушами творилось что-то страшное. От них всей моей голове было горячо и неприятно.

— Ка-а-ак?!

Класс на секунду замер.

— Синдибобер, — повторила я. — Синдибобер Филимондрович...

И тут класс как будто взорвался. Все захохотали в полный голос. Как сумасшедшие!

Валька Длиннохвостова, которая сидела слева от меня, вся красная как рак, тоненько и пронзительно визжала. Иванов, выпучив глаза и раскрыв рот, катался по парте. А толстый Бураков от смеха прямо повалился с парты, как мешок.

Одна Вера Евстигнеевна не смеялась.

— Встань, Бураков! — приказала она. — Не вижу ничего смешного! И вообще, прекратите шум в классе!

Бураков сейчас же вскочил. Хохот смолк, как по команде. В полной тишине учительница дочитала мою промокашку.

Теперь все ждали, что будет дальше. Одна Длиннохвостова всё ещё давилась смехом за соседней партой.

— Ну что же, — сказала учительница. — Теперь мне всё ясно. Я всегда подозревала, Синицына, что для тебя приставки и суффиксы «мура и ерунда». И не только приставки и суффиксы!

Класс снова насторожился. Сима Коростылёва с открытым ртом слушала каждое слово Веры Евстигнеевны и переводила взгляд с меня на неё и обратно.

— Выходит, я была права... Ну что же... Раз это так, раз учёба для тебя, по твоему собственному выражению, «мура и ерунда», придётся поступить с тобой, как с тем Серёжей, которого за плохую успеваемость выгнали из института, и освободить тебя от занятий в школе!

Общий вздох, похожий на вздох ужаса, пронёсся по классу. Дело принимало серьёзный оборот...

— Да, Синицына, я допустила ошибку. Я полагала, что ты стала учиться хуже потому, что тебе трудно, потому, что ты много болела и пропустила, а что же оказывается?.. Оказывается, тебе просто «не хочется

этого учить никогда!» Встань, когда с тобой разговаривает учитель!

Я стояла перед Верой Евстигнеевной. Слёзы падали у меня из глаз и тихо стукались о чёрную крышку парты.

— Что же ты молчишь? И зачем ты плачешь? — сказала Вера Евстигнеевна. — Не хочешь учиться, забирай портфель и уходи. По крайней мере, не будешь отвлекать от занятий тех, кто учиться хочет. В частности, свою подругу, с которой ты могла бы брать пример! Ты свободна. Иди, Сеницына.

В классе стояла гробовая тишина. Такая, что отчётливо слышалось шлёпанье моих слёз о мокрую парту.

— Вера Евстигнеевна, я больше не буду, — прошептала я. — Можно мне остаться?

— Нет, — твердо сказала Вера Евстигнеевна. — Передай своим родителям, пусть завтра придут в школу.

— А я?..

— А ты можешь не приходить.

Я собирала портфель. Руки мои дрожали. Люська смотрела на меня вытаращенными от ужаса глазами.

— Это можешь оставить себе, — сказала Вера Евстигнеевна.

Я сунула злополучную промокашку в портфель и медленно поплелась к дверям.

Все провожали меня глазами. Все сидели и молчали.

Больше они меня никогда не увидят.

Представляю, как они радуются: «Мало ей! Так ей и надо!»

Все, все радуются. Никому до меня нет никакого дела. Ни Иванову! Ни Длиннохвостовой! Ни Люське! Ни даже Коле Лыкову!

Вон они все сидят и молчат. И завтра даже не вспомнят меня! Даже не вспомнят!

Я взялась за ручку двери и медленно потянула её на себя...

И вдруг за моей спиной в полной тишине грохнула крышка парты, и с места вскочил Коля Лыков. Лицо у него было красное.

— Вера Евстигнеевна! — заикаясь, крикнул он. — Разрешите, пожалуйста, Сеницыной остаться! Она не будет б-б-больше писать на уроках писем! Ч-ч-честное слово, не будет!

— Вера Евстигнеевна, она правда больше не будет! — услышался писклявый голос с последней парты, и я увидела, как над партой в дальнем углу класса повисла тощая фигура Ирки Мухиной, жуткой вредины и воображалы. — Она не нарочно! Это она по глупости написала, Вера Евстигнеевна!

— Конечно, по глупости! — подхватила Сима Коростылёва. — Вера Евстигнеевна, по глупости! Честное слово!

— Да дура она, чего там говорить! — закричал Иванов. — Только не надо её выгонять! Она хоть и дура, а не надо!

— Не надо! Не надо! — закричали все. — Не надо её выгонять!

Я стояла около двери. Я не знала, что мне делать. Они кричали со всех сторон. Они не хотели, чтобы меня выгоняли! И моя Люська, моя вредная Люська, кричала громче всех:

— Вера Евстигнеевна, она больше не будет! Простите её, пожалуйста! Простите её! Простите!

Вера Евстигнеевна с каким-то удивлением глядела на класс. Она переводила взгляд с Иванова на Длиннохвостову, с Длиннохвостовой на Коростылёву, с Коростылёвой на Колю Лыкова, и на лице её проступало странное выражение. Как будто ей хотелось улыбнуться, но она изо всей силы сдерживалась, и делала строгое лицо, и хмурила брови...

— Вот оно что! — медленно сказала она. — Значит, вы не хотите, чтобы я Сеницыну выгоняла?

— Не хотим! Не хотим! — закричали все. И даже ленивый Бураков разжал толстые губы и басом произнёс:

— Не хотим!

— Ну, а как же нежелание Сеницыной учиться?

— Это она пошутила! Это она просто так!

— «Просто так»? — нахмурилась Вера Евстигнеевна.

И тут снова вперёд выступил Коля Лыков.

— Вера Евстигнеевна, — сказал он. — Сеницына действительно учится неважно. Но обещаю вам как звеньевой, я сделаю всё, чтобы она стала учиться хорошо!

— Ах так?.. Ты это обещаешь, Коля?..

Вера Евстигнеевна на секунду задумалась.

— Ну что же... Если ты мне это обещаешь... И потом, я не могу не считаться с мнением класса. Ладно, Сеницына. Садись на своё место. Но смотри, Коля Лыков за тебя поручился. Не подведи своего товарища!

И я пошла обратно.

Я весь урок слушала учительницу. Я прямо глаз с неё не сводила. Приставки и суффиксы я подчёркивала так, что чуть не продавала насквозь тетрадь.

И вот прозвенел звонок.

Вера Евстигнеевна собрала тетрадки, взяла классный журнал и пошла в учительскую.

И тут весь класс окружил меня плотной стеной.

— Ну, Синицына, ты дала! — сказал Иванов. — Как там у тебя про Костю?

— «Ваш Костя умный и замечательный», — сказала Сима Коростылёва.

— «И я в него влюбилась», — захихикала Валька Длиннохвостова. — Ой, не могу! Не могу! Синицына, ну и дура же ты!

— А как про Серёжу-дворника? Его из института выгнали, да? Здорово! Люська, а откуда ты всё это взяла? В книжке прочла?

— А этот-то... как его... Синдибобер Филимондрович? Злой, с седой бородой, дерётся палкой... Ой, не могу! Умора!

— А про Косицыну-то как! Про Косицыну! Что она худая, как скелет, и у неё зуба спереди нет! Люська, а ну-ка, открой рот!

— Ну и глупо! — сказала Люська. — И ничего смешного нет. Тоже мне, подруга называется! Да у неё, может, двух зубов не хватает. Это ещё не значит, что я об этом всему классу должна докладывать!

САМОЕ ДРУЖНОЕ ЗВЕНО

— Ребята! — сказала Вера Евстигнеевна. — На наш класс дали десять билетов на праздничный концерт. Я долго думала, кому из вас их отдать, но потом решила вот что: пусть на концерт пойдёт самое дружное звено в нашем классе... Как вы считаете, это решение справедливое?

— Справедливое! Справедливое! — закричали все.

— В таком случае сами решите, какое звено пойдёт на концерт.

После уроков всё наше третье звено осталось в классе.

— Объявляю сбор звена открытым, — сказал Коля. — На повестке дня дружба в нашем звене.

— Чего в нашем звене? — сказала Валька Длиннохвостова.

— Дружба, — строго повторил Коля. — Длиннохвостова, если тебе не слышно, сядь ближе.

— А мне слышно, — сказала Валька. — Дружба так дружба.

— Её это не волнует, — сказала Сима. — Вот если бы у нас на повестке дня кружевные манжетики обсуждались...

— Ах так?! — вскочила Длиннохвостова. — А кто вчера в классе новой шапкой хвалился?!

— Граждане, ближе к делу! — сказал Коля Лыков. — Мы должны сегодня разобраться: дружное у нас звено или не дружное? Самое оно дружное или не самое?

— А чего тут разбираться? — сказала Сима. — Конечно, наше звено самое дружное! В театр мы вместе ходили? Ходили. Книжку вместе читали? Читали. В зоопарке были? Были.

— Так-то оно так, — сказал Коля. — Но всё-таки, честно говоря, мне кажется...

— Опять тебе кажется? — перебила его Сима Коростылёва. — Вечно тебе всё кажется!

— Да? А кто вчера Иванова по спине портфелем огрел? — спросил Коля, в упор глядя на Симу. — Или это мне тоже показалось?

— Он сам виноват! — воскликнула Сима. — Спроси у него, зачем он толкается!

— Иванов, ты зачем Коростылёву толкнул? — строго спросил Коля.

— Не рассчитал, — сказал Иванов. — Я Хвостище хотел подножку дать, чтобы «рыжим дураком» не обзывалась.

— Он первый обзывается! — закричала Валька Длиннохвостова. — Он меня Хвостицей зовёт, дурак рыжий, э-э-э... — И Валька высунула язык и скорчила Иванову рожу.

— Ах ты Хвостица бесхвостая! — заорал Иванов. — Опять за своё?! — И со злобой пнул кулаком в тощую спину Длиннохвостовой.

— Ай! — пронзительно вскрикнула Длиннохвостова и, повернувшись на девяносто градусов, обеими руками вцепилась в рыжие вихры Иванова.

— Перестаньте! — рассердился Коля. — Длиннохвостова, как тебе не стыдно?!

— Не волнуйся, так ему и надо, — вмешалась Люська. — Он у меня двадцать копеек три недели тому назад занял и до сих пор не отдал. Пусть знает, как обманывать!

— Сама хороша! — сказала я. — Ты у меня книжку брала, она какая чистая была, а вернула всю в пятнах!

— Не ври! — закричала Люська. — Я эту твою книжку даже не читала! Мне к ней противно было притронуться, такая она грязная была!

— Это моя книжка грязная?! Ты слышишь, Коля, нет, ты слышишь? Она говорит, у меня книжки грязные, а у самой всегда руки в кляксах, ей бабушка насильно руки мочалкой моет!

— При чём тут моя бабушка? Как ты смеешь оскорблять мою бабушку?! Да я с тобой никогда в жизни больше разговаривать не буду! — завопила Люська.

— Отпусти!!! — на весь класс орал Иванов. — Хвостица проклятая, отпусти, кому говорю!!!

— Ну и не разговаривай! — сказала я. — Подумаешь, какая нашлась! Да я с тобой вообще не хочу за одной партой сидеть!

И я пересела за другую парту и так грохнула крышкой, что стёкла в окнах задребезжали.

— Ну что же, — сказал Коля. — Всё правильно. Я так и знал, что не видать нам билетов в театр как собственных ушей.

— Почему это не видать? — удивилась Валька и от удивления выпустила Павликины вихры.

— Как это не видать? — сказал Павлик, растирая пострадавшую голову. — Что у нас, звено не дружное, что ли?

— Ещё какое дружное! — воскликнули мы с Люськой в один голос. — В театр мы вместе ходили? Ходили. Книжку вместе читали? Читали. В зоопарке были? Были. Так чего же тебе ещё?

За окном светило солнце. Прыгали на ветках воробьи. Маленькие

зелёные листья кувыркались в воздухе.

— Эх вы! — тихо сказал Коля. — Эх вы!.. Ладно. Объявляю сбор звена закрытым. — И Коля повернулся и пошёл к дверям.

Мы остались одни. Мы не смотрели друг на друга.

— А всё равно концерт, наверное, неинтересный, — сказала Валька.

Ей никто не ответил.

КАК МЫ С ЛЮСЬКОЙ СПОРИЛИ

Я сказала:

— Хватит спорить. Каждому дураку ясно, что на скрипке играть лучше, чем на пианино!

— Нет, на пианино лучше! — сказала Люська. — На пианино столько клавишей всяких — и беленьких и чёрненьких, а на скрипке ни одной!

— А зато на скрипке ничего нажимать не надо и пальцы не устают!

— А зато на пианино сидеть можно, а на скрипке только стоять!

— Вот ещё! На скрипке тоже можно сколько хочешь сидеть! Только какой же это дурак будет сидеть на скрипке?! Скрипка не для того, чтобы на ней сидеть. Скрипка для того, чтобы по ней смычком водить. А ты пробовала по пианино смычком водить? Много у тебя получилось?

— А ты пробовала на скрипке на педали нажимать? Много у тебя получилось?

Я сказала:

— Глупая ты! Где это ты видала скрипку с педалями?!

— А ты где пианино со смычком видала?

— Нет, на скрипке, конечно, лучше играть! — сказала я. — Скрипка маленькая, её на стенку повесить можно. А попробуй пианино на стенку повесь!

— А зато на пианино можно уроки делать!

— А зато на скрипке можно за струны дёргать!

— А зато на пианино можно в дочки-матери играть!

— А зато скрипкой можно размахивать!

— А зато на пианино можно орехи колоть!

— А зато скрипкой можно мух разгонять!

— А зато на пианино дневник вести можно! Нет, на пианино в тыщу раз лучше играть!..

— Сколько можно болтать по телефону?! — услышала я вдруг в телефонной трубке голос Люськиной бабушки. — Ты, Людмила, до сих пор ещё не занималась музыкой! А ну, марш за пианино!

— Пока, — печально сказала Люська. — Бабушка мне заниматься велит...

— Пока, — сказала я.

Мне тоже надо было браться за музыку. После того как у меня ничего не вышло с пианино, меня стали учить на скрипке.

Я сняла со стены мою маленькую светло-коричневую скрипочку, раскрыла ноты и принялась водить смычком по струнам.

Удивительная всё-таки вещь! Берёшь ящичек, проводишь по нему палочкой, и вдруг ящичек начинает петь. Захочешь — он поёт тоненько-тоненько, пищит, как мышка, и так жалобно, что самой плакать хочется. А захочешь — играет весело, громко, пляши, радуйся, прыгай, руками маши!

Да, удивительная вещь... Вот я играю сейчас колыбельную, она тихая и грустная, даже мой Уран не выдерживает, начинает жалобно повизгивать, смотрит на меня и повизгивает, как будто просит: «Сыграй что-нибудь веселенькое!»

Но мне нравится играть эту тихую колыбельную.

Стоишь посреди комнаты... На полу, на стенах отражается оранжевое солнце, а ты водишь смычком по скрипке и стараешься, чтобы звуки из неё выходили такие же мягкие и тёплые, как этот вечерний свет.

Да, мне нравится играть на скрипке. Гораздо больше, чем на пианино. А впрочем, зачем я так говорю? На пианино тоже хорошо играть. Просто я маленькая была, когда меня учили, глупая, ничего не понимала. Я тогда ещё только-только в третий класс пошла, а сейчас я его уже кончаю... И на пианино играть я тоже научусь. Обязательно.

...Когда я кончила заниматься, снова позвонила Люська.

— А ты знаешь, — сказала Люська, — я подумала и решила, что на скрипке и правда лучше играть, чем на пианино: нажимать ничего не надо и пальцы не устают.

— Ну и что? — сказала я. — А зато на пианино столько клавишей всяких — и белых и чёрных!

— А зато на скрипке можно за струны дёргать!

— А зато на пианино можно в дочки-матери играть!

— А зато на скрипке...

Но тут пришла с работы мама, и я перестала спорить с Люской и пошла ужинать.

КИЛИК-МИЛИК

Вчера у нас были гости — дядя Юра, тётя Марина, Ксения Вячеславовна и ещё некоторые мамины сослуживцы.

Дядя Юра подарил мне губную гармошку, и я целый вечер на ней играла. В ванной, правда. Мама не разрешила мне играть на гармошке за столом, сказала, что я испорчу гостям аппетит. Но я что-то не заметила, чтобы можно было хоть чем-нибудь испортить им аппетит. Они уплетали наши пироги как миленькие, за ушами хрустело.

Сначала ели пирог с картошкой, который мы с мамой пекли часа три. Через несколько минут ни пирога, ни картошки на блюде не было...

Они ели, а я играла им на губной гармошке. Не понимаю, почему мама послала меня в ванную!

Мне так понравилось играть на губной гармошке, что я забыла про пироги, сидела в ванной и дула в гармошку, пока мама не пришла и не сказала, что от моего дутья у неё разламывается голова, а Ксении Вячеславовне сделалось плохо. Ещё бы, есть надо поменьше, так и помереть недолго!

— Пойдём к гостям, Люся, — сказала мама, — а то ты оглохнешь от своих трелей. Мне не нужны глухие дети! Вон у тебя уже круги под глазами!

Она схватила гармошку, сунула её в карман и поволокла меня к столу.

— Юрочка, смотри не подари ей в следующий раз барабан! — сказала мама.

И весь остальной вечер я пила вместе со всеми чай. А когда потом незаметно вытащила из маминого кармана гармошку, побежала в ванную, включила воду и дунула в гармошку, она вдруг выскользнула у меня из рук и шлёпнулась прямо под струю горячей воды, и сколько я потом ни дула, из неё вылетали только хилые сиплые звуки. То ли промокла она, то ли засорилась у мамы в кармане, то ли мама нарочно её заколдовала.

В этот день я поздно легла спать.

Положила губную гармошку под подушку, закрыла глаза.

Вдруг гармошка оживёт до завтра? Ну конечно, оживёт! Наверно, она просто устала, или ей надоело играть, или она обиделась на маму... Ничего! Завтра утром я вытащу её из-под подушки, потру шерстяным одеялом для блеска, дуну в неё, и она ка-ак заиграет!

Спокойной ночи, Люсенька! Спи, завтра всё будет в порядке.

Я проснулась рано. Сразу влезла с головой под подушку и приложила гармошку к губам.

— Не бойся, гармошечка, мама ничего не услышит!

Но гармошка только тоненько засипела.

Что же делать? Может, смазать её чем-нибудь?

Я принесла из ванной мамин крем, густо смазала гармошку, но и это не помогло.

Тогда мне пришло в голову подушить её духами...

Я сняла с полки в ванной голубую коробочку, принесла её в комнату и попыталась открыть флакон.

Духи не открывались.

Я изо всех сил вцепилась в стеклянную крышечку, и вдруг крышечка выскочила и половина флакона выплеснулась прямо на мою постель!

Господи, что я наделала! Подушка пахла оглушающе, духов во флаконе осталось на самом доньшке! Надо скорей долить, чтобы мама не заметила!

Но как я пойду мимо маминной комнаты с пустым флаконом? Вдруг мама уже проснулась? Лучше долью-ка его здесь, водой из вазочки с мимозой. Мимоза давно засохла, вода ей больше не нужна.

Через минуту совершенно полный флакон стоял на своём месте в ванной, а я снова вернулась к гармошке. Я трясла её, уговаривала, шептала:

— Гармошечка, миленькая, починись, пожалуйста! Я буду играть на тебе с утра до ночи! А когда вырасту, стану знаменитой артисткой, буду с тобой по радио выступать! А на маму ты не обращай внимания! Мы с ней вообще разные люди. Ей всё не нравится, что мне нравится. Кошек она не любит. Червяков не выносит. Боится их до смерти, как будто они кусаются! Один раз я червяка домой принесла. Хотела, чтобы он у меня в коробке жил, крошки ел, капусту, апельсины... Знаешь, какой симпатичный был червяк! А она его взяла и выкинула!

Тут в комнату вошла мама. Вид у неё был оживлённый и радостный.

— Люська, одевайся скорее! Сегодня папа приезжает. Ты пойдёшь его встречать?

Ещё бы! Конечно! Конечно, я пойду встречать папу! Я так по нему соскучилась!

Я стала быстро одеваться.

Эх, как жалко, что сломалась моя гармошка! Я бы с музыкой встречала папу... Вот подходит поезд, папа выскакивает из вагона, мама кидается к

нему с цветами, а я играю на гармошке! Папа подкидывает меня высоко-высоко, и я играю прямо в небе. Все головы задирают, машут цветами...

— Слушай, в чём дело, почему у тебя в комнате пахнет моими духами? — вдруг спросила мама.

Я похолодела:

— Н-не знаю...

— А ну, подойди сюда!

Она подозрительно меня понюхала.

— Ничего не понимаю. Скажи честно, ты трогала мои духи?

— Н-нет... Вернее, потрогала немножко, а потом на место положила.

— Вот как? На место положила? Но ведь я, кажется, строго-настрого запретила тебе прикасаться к моим духам! Что ты с ними делала? У меня впечатление, что ты поливала ими пол. А ну, принеси сюда флакон!

Целую минуту мама страшными глазами разглядывала на свет зеленоватую мутную жидкость, потом понюхала её и сморщилась:

— Господи, какая гадость! Что ты с ними натворила?

— Понимаешь, мамочка, у меня гармошка сломалась... и я...

— При чём тут гармошка? Я спрашиваю: что ты туда налила?! Зачем ты испортила мои французские духи? Ты же знаешь, как я их берегу!

— Мамочка, я не нарочно, — захныкала я. — Они сами вылились.

— Ах, значит, ты их вылила и, чтобы скрыть это, налила во флакон какую-то мерзость! Красиво, нечего сказать!.. Ну что же, благодарю за отравленное настроение. Ты всегда мне вовремя его испортишь... Конечно, о том, чтобы ехать со мной на вокзал, и речи быть не может! Ты останешься дома.

Она хлопнула дверью так, что у меня мурашки пробежали по спине. Всегда так! Разозлится из-за какого-нибудь пустяка! Подумаешь, духи несчастные пожалела! Они уже полгода стояли, старые стали, а моя гармошечка новенькая была! Духами подушишься, через пять минут уже не пахнет, а гармошка всю жизнь могла играть!

И папу мне встречать не дали!.. Ну что за жизнь такая! Папочка, приезжай скорее, мне без тебя плохо!

Я легла на диван и стала ждать папу. Было грустно.

Я закрыла глаза и стала думать, как удивится папа, когда не увидит меня на вокзале, и как мама станет ему жаловаться...

А потом я вдруг увидела папу.

Вытянув руки и улыбаясь во всё лицо, папа шёл ко мне по пустынному перрону.

Вокруг не было ни души. Только солнце светило в небе. Странно

немножечко светило, как будто через туман...

В руках у папы был чемодан. На голове — красная шапочка с длинным козырьком, в каких катаются по улицам велосипедисты.

«Килик-милики, — бормотал папа. Смотрел на меня, смеялся и бормотал: — Килик-милики, килик-милики...»

И вдруг в руках у папы сверкнула моя гармошечка!

«Килик-милики, килик-милики, починись, гармошка, вмиг!» — воскликнул папа, приложил гармошку к губам... И она заиграла! Да так громко! Так весело!

Я подскочила на диване и протёрла глаза.

Передо мной стоял папа.

— Килик-милики, — сказал папа. — Селям алейкум, дочка!

Папа был в длинном полосатом халате. На ногах малиновые вышитые тапочки с загнутыми кверху носами. На голове — красная бархатная тюбетейка. Вылитый старик Хоттабыч!

В одной руке папа держал огромный зелёный арбуз, в другой — мою гармошку.

— Килик-милики, — подмигнул мне папа, хитро улыбнулся, поднёс гармошку к губам, и — чудо! — гармошка заиграла!

Мой милый папа стоял передо мной и играл на моей гармошке!

Из-за папиной спины выглядывало сияющее, смеющееся мамино лицо.

— Вставай, Люська! — говорила мама. — Вставай! Папа приехал! —

И протянула мне на ладони красное яблоко.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вчера у меня был день рождения.

Первой пришла Люська. Она подарила мне книжку «Алитет уходит в горы». На книжке она написала:

Милой подруги Люси
Синициной от подруге Люси
Косициной

До сих пор не научилась грамотно писать! Я тут же поправила ошибку красным карандашом. Получилось так:

Милой подруге Люси
Синициной от подруге Люси
Косициной

Потом пришли братья Кармановы. Они долго вытаскивали из сумки подарок. Подарок был обернут бумагой. Я подумала — это шоколад. Но это тоже оказалась книжка. Она называлась «Палуба пахнет лесом».

Пока братья усаживались за стол, пришла Лена. Она держала руки за спиной и сразу закричала:

— Угадай, что я тебе принесла!

У меня сердце так и прыгнуло. А вдруг — новые коньки?! Но я сдержалась и говорю:

— Наверное, книжку?

— Молодец, угадала, — сказала Лена.

Третья книжка называлась «Как вышивать гладью».

— С чего это ты решила, что я хочу вышивать гладью? — спросила я у Лены.

Но тут мама так на меня посмотрела, что я сразу сказала:

— Спасибо, Лена. Очень хорошая книжка!

И мы сели за стол. Настроение у меня было неважное.

Вдруг в дверь снова зазвонили. Я бросилась открывать. На пороге стояло всё наше звено: и Сима, и Юрка Селиверстов, и Валька, и, главное, Коля Лыков! Толкаясь и смеясь, они вошли в прихожую. Последним вошёл Юрка Селиверстов. Он тащил что-то очень большое, очень тяжёлое, всё завёрнутое в бумагу и перевязанное верёвками. Я даже испугалась.

Неужели сразу так много книг? Да тут же целая библиотека!

Коля взмахнул рукой, и они все сразу закричали:

— Поздравляем тебя с днём рождения!

Потом они бросились развязывать верёвки и снимать бумагу. Это оказался... стул.

— Вот тебе стул, — сказал Коля, — от всего нашего третьего звена. Сиди на нём на здоровье!

— Большое спасибо, — сказала я. — Очень хорошенький стульчик!

Тут в прихожую вышли мои родители.

— Зачем вы притащили эту махину? — удивилась мама. — Ведь у нас есть на чём сидеть!

— Это подарок, — стали наперебой объяснять все. — Это мы дарим Люсе на день рождения.

— Какой миленький стульчик! — воскликнула мама. — Как это трогательно! У нас как раз не хватало одного стула!

— Что же вы стоите? — закричал папа. — А ну, давайте со своим стулом к нашему столу!

И мы все потащили стул в комнату. Мы поставили его на середину комнаты и все по очереди на нём посидели. Он был очень мягкий и удобный.

— Понимаешь, сначала мы решили купить тебе коньки с ботинками, — объяснял Коля. — И вот мы пошли в магазин «Спорттовары». А по дороге нам встретился магазин «Мебель». А там на витрине этот стул стоит. Он нам всем сразу очень понравился! И мы тогда подумали — ты же не станешь на коньках до ста лет кататься! А на стуле можно хоть всю жизнь сидеть! Представляешь, вот будет тебе сто лет, и ты будешь сидеть на этом стуле и вспоминать всё наше третье звено!

— А если я только до девяноста лет доживу? — спросила я.

Но тут мама внесла горячие пирожки и велела нам всем садиться за стол.

Сначала мы ели салат. Потом холодец с хреном. Потом пирожки с капустой. А потом мы пили чай. К чаю нам дали пирог с вареньем и торт «Ленинград». А ещё были конфеты «Стратосфера», «Лето», «Осенний сад» и карамель «Взлётная».

А потом мы пели песни и играли в прятки, и в фанты, и в цветы, в «жарко» и в «холодно». А папа мой постелил газету, встал на мой стул и, как маленький, прочёл стихи про петушка:

Петушок, петушок,

Золотой гребешок,
Что так рано встаёшь,
Деткам спать не даёшь?

А братья Кармановы кукарекали, а Коля Лыков показывал гимнастику, а мама показывала всем мои новые книжки. А я сидела на моём стуле и потихоньку его гладила. Он мне очень понравился! Такой коричневый, гладенький... Он на витрине стоял. Значит, он из всех стульев самый лучший!

А потом день рождения кончился. Все разошлись, и я стала ложиться спать.

Я придвинула стул к кровати и аккуратно разложила на нём свои вещи. Как всё-таки замечательно иметь свой собственный стул! А потом я заснула. Мне приснилось, как будто я уже бабушка. И мне сто лет. И я сижу на моём стуле и вспоминаю всё наше третье звено.

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ

ВЕРНАЯ СОБАКА УРАН

КРАСНЫЙ САМОКАТ

Всё было как обычно.

Обычный день.

Обычная погода.

Наш обычный двор.

Как обычно, мы с Люськой играли во дворе в классики. Люська с закрытыми глазами перешагивала из одной клетки в другую и спрашивала:

— Мак?

— Мак.

— Мак?

— Ты давай не подглядывай.

— Бессовестная! Я не подглядываю!

— Сама бессовестная. Я вижу — подглядываешь. Зажмурься изо всех сил.

Люська зажмурилась изо всех сил, сделала шаг и наступила на черту.

— Мак?

— Дурак!

Люська открыла глаза и уже открыла рот, чтобы заспорить. Но тут с ней что-то случилось. Она так и осталась стоять с разинутым ртом. Она смотрела куда-то позади меня. Я обернулась.

Из подъезда выплывал во двор огромный красный самокат. Он сиял на солнце. Он горел как огонь. Смотреть на него было больно. Его блестящий звонок так сверкал на солнце, что резало глаза. У него были чистые белые резиновые шины.

Самокат выплыл из подъезда и медленно направился к песочнице. Он был гордый и рогатый, как олень. Рядом с ним шёл Павлик Иванов.

Возле песочницы самокат остановился. Павлик сел на край песочницы и стал дуть на руль.

Мы нерешительно подошли к Павлику.

— Павлик, дай прокатиться, — почему-то шёпотом попросила я.

Павлик дунул на блестящий звонок и стал тереть его рукавом. Потом он зазвонил. На нас он даже не посмотрел.

— Разойдись! — сказал Павлик, закинул ногу на самокат и поехал.

Мы стояли и смотрели, как он едет.

Сначала он ездил вокруг нашего дома. Потом вокруг лужи. Потом прямо по луже. Потом стал гоняться на самокате за кошками. А потом Павлик гонялся за нами и кричал:

— Задавлю!

И мы как дуры от него бегали.

А потом он дал нам прокатиться. Всего по одному разу. И тогда я поняла, что больше всего на свете люблю кататься на самокате.

«ДАВАЙ КУПИМ ТЕБЕ БЕГЕМОТА»

Я еле дождалась, когда мои родители пришли с работы.

— Мама и папа, — сказала я, — слушайте меня внимательно. Сейчас я вам скажу что-то очень важное.

— Ты получила единицу! — сразу испугалась мама.

— Ничего подобного. Единиц я уже два месяца не получала.

— Ну, значит, снова разбила окно! — сказал папа.

— А вот и не угадал! Просто я хочу у вас что-то попросить... Мама, ну что ты так смотришь?

— Проси скорее, — сказала мама. — У меня на кухне картошка подгорает.

— Мама и папа, — сказала я, — купите мне, пожалуйста, самокат.

— Прекрасно, — сказала мама. — Три дня назад тебе нужен был попугай, на прошлой неделе ты просила балалайку. Что ты попросишь завтра?

— Зачем тебе самокат? — сказал папа и раскрыл газету. — Давай лучше купим тебе бегемота.

— Мне бегемот не нужен, — сказала я. — И потом, если хочешь знать, бегемот в сто раз дороже самоката.

— Ну, тогда можно купить мотоцикл, — предложил папа. — Мотоцикл дешевле бегемота.

— Папа, да ты пойми, мне самокат нужен. Самый обыкновенный самокат! Красный. На резиновых шинах.

Но папа уже читал газету. Из кухни вернулась мама.

— Займись-ка делом, — сказала мама. — Поставь на стол тарелки.

ЧТО Я ПРИДУМАЛА

И я пошла на кухню за тарелками.

Я несла тарелки и думала: «Вот сейчас возьму и швырну эти проклятые тарелки на пол. Скажу, что споткнулась... Любимая дочь! Единственная дочь на свете! Какой-то самокат несчастный пожалели! Никогда в жизни у них больше ничего не попрошу!»

Я поставила на стол тарелки и ушла на кухню.

— Не дури, Люська! — крикнула мне вдогонку мама. — Иди ужинать.

И не подумая... Я вытащила из сковородки горелую котлету и стала её есть.

Что бы такое придумать? Где достать денег на самокат?.. Может, бутылки?..

Я сосчитала наши пустые бутылки. Их было три. И ещё две банки из-под варенья. Нет, на это самокат не купишь.

А что, если достать большой хороший мешок и ходить с этим мешком по помойкам? Тогда можно будет насобирать столько пустых бутылок, что их на три самоката хватит!

Надо будет это с Люськой обсудить.

Я подошла к телефону и набрала Люськин номер.

— Люсь, привет! Ты чего делаешь?

— Привет, Люсь, ничего не делаю. А ты чего?

— Да я тут одну вещь придумала.

— Какую?

— Не скажу, а то разболтаешь.

— Ну скажи, Люсь! Честное слово, не разболтаю!

— Честное-пречестное?

— Честное-пречестное!

— Поклянись.

— Клянусь!

— Ну ладно, завтра скажу.

— А сейчас?

— Сейчас не могу. Родители подслушают.

— А ты шёпотом...

Но тут вышла из комнаты мама и заставила меня идти ужинать.

После ужина я легла спать. Мне приснился сон.

СОН

По нашему двору катились самокаты. Непрерывной красной чередой мчались они. Огромные пустые бутылки раскачивались на самокатах. Они, как наездники, подпрыгивали и переворачивались в воздухе. Солнце сверкало в их стеклянных боках. В одной бутылке сидела Люська. Она что-то кричала мне, но что — я понять не могла.

Вдруг во двор въехал огромный прекрасный самокат. Он сиял на солнце. Он был как огонь. Он подъехал ко мне и поклонился.

«Садись, царевна», — сказал он.

Я вскочила на него, и мы поднялись в воздух. Мы летели над замечательными помойками, где кучами валялись пустые бутылки... Малюсенький Павлик Иванов с большим-большим мешком ходил по помойкам и собирал бутылки в мешок.

«Не дури, Люська! — погрозил он мне пустой бутылкой. — Займись-ка делом. Поставь на стол бегемота!»

И тут же он превратился в бегемота. Раскрыл огромную пасть, где вместо зубов сверкали стеклянные банки и бутылочки из-под уксуса... и проглотил меня. Я ужасно испугалась, но внутри у бегемота оказалось светло и жарко. Там сияла большая лампа. Её свет резал мне глаза. Надо мной стояла Люська. Она дёргала меня за ногу и твердила:

«Вставай, вставай, вставай...»

Я подумала, что она оторвёт мне ногу, и проснулась.

— Наконец-то! — сказала мама и отпустила мою ногу. — Вот разоспалась! В школу опоздаешь!

ЧТО ПРИДУМАЛА ЛЮСЬКА

Утром я всё рассказала Люське.

— Здорово! — сразу закричала Люська. — Я тоже хочу самокат!

— Значит, будем вместе по помойкам ходить?

— Нет, по помойкам я не хочу... — задумалась Люська. — Меня

бабушка не пустит.

— Ну, а где же нам тогда раздобыть столько денег?

Мы помолчали.

— Ой, что я придумала! — вдруг закричала Люська. Она даже подпрыгнула на месте.

— Ну, говори скорей.

— НАДО ЧИТАТЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ! — торжественно произнесла Люська.

— Какие ещё объявления?

— Очень простые — о пропаже собак.

— Люсь, ты что, спятила?

— Сама ты спятила! Сейчас я тебе всё объясню. Бывают такие объявления... Ну, пишут, например, что какая-нибудь собака пропала. А кто её найдёт, тому за это дадут вознаграждение.

— Вознаграждение? А что это такое?

— Вот дурочка! — сказала Люська. — Не понимает! Деньги это, понятно тебе?! Сто рублей. А может, и тысяча.

— Ура! — закричала я. — Ура! Люська, ты молодчина!

И мы выскочили из школы и помчались читать объявления.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Все встречные столбы были сверху донизу обклеены маленькими белыми бумажками. Это были объявления. Мы стали читать.

Меняю прекрасную комнату 14 м² в замечательном кирпичном доме с телефоном, соседей всего три. На двухкомнатную квартиру! Можно трёхкомнатную!! Плохих не предлагать!! Первый и последний этажи не предлагать!!!

Недорого продам табуретку, цинковое корыто и аквариум с рыбками. Кроме того, могу продать «Утро в сосновом бору» художника Шишкина.

Продаётся подержанный холодильник в хорошем состоянии.

Но это всё было не то. Нам не нужны были ни подержанные холодильники, ни цинковое корыто. Нам нужны были деньги. Простые деньги, чтобы купить самокат. Вот бы кто-нибудь написал такое

объявление:

«Даются бесплатно деньги. Сколько хочешь!»

Я бы тогда не взяла много — я не жадная. Я бы взяла ровно на один самокат.

Ну, может, ещё на кино.

Правда, ещё на коньки можно взять. Всё-таки плохо без коньков.

А интересно, что же я — в пальто буду кататься? Нет, костюм тоже надо будет купить.

Ну, на мороженое тоже можно взять. Ведь это совсем немного. Это ерунда.

Правда, мама всегда жалуется, что у нас пылесоса нет. Пожалуй, я бы ещё взяла на пылесос.

И кролика мне давно хочется. Пусть бегает по комнате. А если он убежит?.. Нет, клетку тоже надо обязательно.

Я так задумалась, что совсем перестала читать объявления. Но вдруг Люська дёрнула меня за рукав и ткнула пальцем в старое, выцветшее, полуразмытое объявление. Оно было сбоку заклеено другим объявлением, но всё-таки на нём можно было кое-что разобрать. Вот что там было написано:

ала собака ценной роды ичке Уран.
ричнева хматая. Левое ух елое. На спине
рное пятно. Просьба вернуть баку по адресу:
ул. Симагина, дом 8, квартира 31.
За личное вознаграждение!

— Люсь, ты что-нибудь понимаешь? — спросила я Люську.

— А что тут понимать? Всё очень просто, — сказала Люська, — «ала» — это пропала. «Пропала собака», понятно? Как раз то, что нам нужно!

— А дальше? Какие-то «роды»... Уроды, что ли? Интересно, при чём тут уроды?

— А может, «народы»? — задумалась Люська. — Или, может, «природы»?.. Ура!!! Догадалась! «Породы»! «Ценной породы...» «Пропала собака ценной породы по кличке Уран. Коричневая. Лохматая»!

— А что такое «левое ухелое»?

— «Левое ухо белое. На спине чёрное пятно. Просьба вернуть собаку

по адресу: ул. Симагина, дом восемь, квартира тридцать один»! — выпалила Люська.

— Люсь, ну, а что такое «личное вознаграждение»?

— «Приличное», бестолковщина! Это, значит, очень хорошее. Замечательное. Не меньше тыщи рублей. Мы тогда купим сразу два самоката — тебе синий, а мне — красный.

— Как это тебе красный? Ничего подобного, красный мне! А тебе синий.

— Фигушки! Я так не согласна. Я про объявления придумала? Я.

— А кто про самокат придумал? Ты, что ли?

— Ну ладно, — сказала Люська. — Вот что мы сделаем. Купим два красных самоката — тебе и мне. Согласна?

На том мы и порешили.

МЫ ИЩЕМ УРАНА

Как хорошо всё складывается!

Мы находим Урана и получаем тысячу рублей. Мы идём в магазин и покупаем два красных самоката. После этого начинается прекрасная, замечательная жизнь. Мы ездим на самокатах. Все говорят:

«Ах, как чудесно они ездят на самокатах! Как Павлик Иванов! Нет, лучше. В сто раз лучше. Или даже — в тысячу!»

...Для начала мы огляделись по сторонам.

Урана нигде не оказалось.

Бегала какая-то собака, но мы сразу догадались, что это не Уран. Потому что она была вся чёрная и гладкая.

Тогда мы вернулись в наш двор и обыскали его. В нашем дворе собак вообще не оказалось. Были одни кошки.

Тогда мы обшарили все соседние дворы. В одном дворе человек в полосатой рубашке чинил матрас. Но Урана не было и там.

Мы стали спрашивать старушек на лавочках: не видали ли они коричневую, лохматую, с белым ухом собаку? Одна старушка сказала, что видела.

— Она влево побегла, — сказала старушка. — Худющая, как скелет.

Мы пошли влево и наткнулись на высокую каменную стенку, возле которой росли одуванчики.

Да, оказывается, не так-то просто получить приличное вознаграждение!

ЗАМЕЧАНИЕ В ДНЕВНИКЕ

На следующий день первый урок был математика. Вера Евстигнеевна что-то объясняла у доски. А я сидела за партой и смотрела в окно. Там вдалеке, между деревьями, бегала какая-то рыжая собака. Я никак не могла разглядеть, есть у неё на спине чёрное пятно или нет.

— Синицына, — сказала вдруг Вера Евстигнеевна, — куда ты смотришь? Повтори, что я сейчас сказала!

— Вы сказали: Синицына, куда ты смотришь?

Все засмеялись. Вера Евстигнеевна нахмурилась.

— Интересно, — сказала она, — что в этом смешного, если ученик не слушает урок и ещё при этом дерзит учителю?! Синицына, если я ещё раз замечу, что ты меня не слушаешь, я напишу тебе замечание в дневник. Садись!

Я села и стала слушать. Я слушала изо всех сил. Мне вовсе не хотелось получать замечание в дневник. Я не сводила глаз с Веры Евстигнеевны. Я даже шевелила губами, повторяя про себя её объяснения...

А Вера Евстигнеевна стояла у доски и говорила:

— Возьмём x и y . Если мы сложим x и y , то у нас получится...

Получится... У нас получится... Ну ещё бы! У нас, конечно, получится! Мы обязательно его найдём! Да он наверняка где-нибудь тут поблизости ходит. Такой коричневенький весь, симпатичный, одно ухо белое!.. Может быть, даже он сидит сейчас вот под этим окном...

И вдруг за окном кто-то залаял!

Я подскочила на месте и толкнула Люську локтем в бок.

— Ой! — на весь класс завопила Люська. — Ты что, с ума сошла?

— Косицына, в чём дело? — медленно и отдельно сказала Вера Евстигнеевна.

Я согнулась над тетрадкой и замерла.

— Наври чего-нибудь, — тихонечко, сквозь зубы пробормотала я.

А Люська уже вставала за партой, охая и держась обеими руками за левый бок, как будто там была огромная рана, из которой текла кровь.

— Сама толкается, а сама говорит, чтобы я врала, — растягивая слова, плаксиво говорила Люська. — Пусть сама врёт, если хочет...

— Так, — сказала Вера Евстигнеевна. — Значит, опять Синицына? Ну, на сегодня хватит. Дай-ка, Синицына, сюда свой дневник! Скорее, скорее.

И через минуту в моём дневнике на чистой зелёной странице, разлинованной в полосочку, появилась размашистая запись:

«Т. родители! Ввиду безобразного поведения вашей дочери на уроках прошу вас зайти в школу для разговора».

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Мы стояли на тротуаре перед большим серым домом. Светило солнце. Было жарко. Сегодня мы уже два часа шатались по улице — искали Урана.

Перед нами была дверь. Она вела в подъезд. Дверь была открыта. Из подъезда тянуло прохладой.

— Зайдём в подъезд, — сказала Люська. — Я знаю, собаки любят прятаться в подъездах.

Мы зашли. В подъезде сидела сонная лифтёрша.

— Чего вам, девочки?

— Скажите, пожалуйста, тут не проходила собака?

— Собака?!

Лифтёрша сразу оживилась. Она даже выпрямилась на стуле. И глаза у неё стали какие-то вредные.

— А куда это, интересно, ваша собака должна проходить?

— Туда, — показала Люська.

— Туда никакая собака не проходила.

— А обратно?

— И обратно не проходила. А вы сами откуда будете?

— Из дома номер шесть.

— А здесь вам чего нужно?

— Собаку ищем.

Лифтёрша возмущённо всплеснула руками.

— Тут вам не собачья площадка! — закричала лифтёрша. — Тут люди живут, а не собаки.

...В других подъездах лифтёрш не оказалось. Целый час мы лазили по лестницам, спускались в подвалы и поднимались на чердаки.

Когда мы с шумом спускались по грязным, пыльным лестницам чёрных ходов, перед нами неслись целые стада кошек всех кошачьих цветов. Но Урана нигде не было.

В эту ночь мне снились каменные лестницы и мусорные вёдра. На вёдрах сидели кошки и орали:

«Самокат, самокат!..»

ПРОИСШЕСТВИЕ В СКВЕРЕ

Ура! Сегодня уроков не будет! Сегодня уроки отменили. Вера Евстигнеевна заболела. Ура-а!!!

Мы вышли из школы. Торопиться нам было некуда. День был замечательный. И мы решили сначала посидеть на лавочке в сквере, а потом опять искать Урана.

Мы сидели, ели кислый гранат и глазели по сторонам. Ох, и хорошо было просто так сидеть на лавочке! Не писать диктанты, не решать задачи, а болтать ногами, есть кислый гранат и на всех смотреть.

— Люсь, гляди, какая тётка смешнецкая! Целый дом на голову надела.

— Ой, умора! Помереть со смеху можно!

— Да куда ты смотришь? Я ж тебе не туда показываю. Ну и бестолковая ты!

— А ты сама толковая?

— Конечно, толковая!

— Ой, держите меня, толковая! Да что в тебе толкового? У тебя веснушки на всём лице. Даже на ушах.

Я уже хотела рассердиться, но тут к нам подбежал маленький, рыжий, ужасно весёлый щенок. Одно ухо у него было белое. А на боку было круглое чёрное пятнышко.

— Люська, Уран! — закричали мы в один голос и бросились к щенку.

Щенок отпрыгнул в сторону. Мы подскочили к нему, но он снова отпрыгнул, пригнулся к земле и завилял хвостом. Он, видно, думал, что мы с ним играем.

Тогда я вспомнила про гранат.

— Уран, Уран, на-на-на... Возьми гранатик! Вкусный гранатик! Вкусненький гранатик!

Уран подошёл ко мне и стал нюхать гранат.

— Люська, окружай! — зашептала я.

Люська медленно обошла Урана сзади и схватила его за хвост.

Уран взвизгнул и цапнул Люську за палец.

Люська выпустила Уранов хвост и заорала так, как будто Уран ей руку откусил.

И тогда я подкралась к Урану, схватила его, крепко прижала к себе и сказала:

— Люська, пошли!

Но тут раздался чей-то пронзительный крик.

— Зита, Зита! — вопила какая-то тощая гражданка, подбегая к нам. Она выхватила у меня щенка и, не переставая кричать: «Зита! Зита! Что они с тобой сделали!» — стала целовать его прямо в морду. Щенок отворачивался. Наверно, ему было неприятно.

А эта гражданка всё целовала его и говорила:

— Зиточка! Бедненькая! Как ты переволновалась! Девочка моя! — Потом она стала кричать: — Хулиганки! Хулиганки!

Вокруг нас стали останавливаться люди. А женщина тыкала в нас пальцем и кричала:

— Они хотели украсть мою Зиту!

Я не знала, куда деваться от стыда. Чтобы не смотреть по сторонам, я стала выковыривать зёрнышки из граната.

— Как будто их и не касается, — покачала головой женщина в платочке. — А ещё с портфелями! Чему их только в школе учат!

— Выдрать их надо, — сказал гражданин в кепке. — Сразу бы поумнели!

— Вы не правы, — сказал гражданин в шляпе. — Вот меня, знаете, родители никогда не били, и я, знаете...

— Да что вы к ним пристали?! Это же дети! Что уж им, и поиграть нельзя?.. А вы, гражданка, сами виноваты. Нечего тут собак распускать.

— Это уж точно! Развели собак. Людям посидеть негде! Безобразие!

Вокруг нас уже стояла целая толпа.

— В чём дело, граждане? — раздался вдруг строгий голос, и мы увидели, что сквозь толпу протискивается милиционер.

— Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! — затараторила тощая гражданка. — Вот эти девицы хотели украсть мою собаку!

— Мы не украсть... Мы просто взять хотели, — пролепетала я.

— Ага! Взять! Вы слышали? Слышали?

— Вы хотели взять чужую собаку?! — Милиционер посмотрел на нас и грозно нахмурил белые брови. — Пойдите, пойдите, — вдруг сказал он. — Что-то мне ваши лица знакомы... Кажется, мы уже с вами встречались.

Я взглянула на милиционера, и у меня похолодело в груди.

Я вспомнила...

ИСТОРИЯ С ТРУБОЙ

В тот ясный, солнечный день наша школа с самого утра собирала

металлолом.

Мы с Люськой явились на школьный двор раньше всех.

Люська, конечно, опоздала бы, если бы я за ней не зашла.

Она, кажется, вообще хотела прикинуться больной и никуда не идти. Но я стала ей рассказывать, как это интересно — собирать металлолом, и как мы с ней соберём больше всех металлолома, и как нас сфотографируют для школьной стенгазеты и даже потом пошлют наши фотографии в «Пионерскую правду».

— И все будут разглядывать наши фотографии. И скажут: «Да, вот эта девочка очень красивая, просто настоящая красавица! А вот у этой девочки хоть и не очень красивое лицо, но зато очень умное!»

— Ничего у тебя не умное лицо! — проворчала Люська и нехотя стала надевать ботинки.

— Скорее, скорее... — торопила я Люську. — Вчера Коля Лыков просил меня прийти пораньше.

Через десять минут мы уже стояли в школьном дворе рядом с Колей Лыковым, а через пятнадцать — ходили по подъездам, стучались во все квартиры подряд и спрашивали:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть металлолом?

Но ни у кого почему-то не было никакого металлолома. Только одна бабушка дала нам облезлую зелёную кружку. Так мы и ходили с одной этой кружкой, а другие ребята на наших глазах тащили железные кровати, кастрюли и вёдра.

И вот, когда мы с Люськой уже совсем отчаялись найти что-нибудь подходящее, мы вдруг наткнулись возле какого-то дома на обломок старой, ржавой трубы.

Это было как раз то, что нужно. Мы схватили эту трубу и понесли. Но она оказалась ужас какая тяжёлая! Через три минуты мы были совершенно мокрые и пыхтели как паровозы.

Тогда нам в голову пришла замечательная мысль. Мы решили прокатить трубу по земле метров пять, а потом выйти с трубой в Горбатый переулок и пустить её вниз по переулку.

Так мы и сделали.

Наша труба как будто только этого и ждала.

Она тут же покатилась. Она катилась всё быстрее и быстрее, и вот она со страшным грохотом, подпрыгивая на камнях и пугая прохожих, понеслась по самой середине переулка.

Мы мчались за трубой. Из окон высовывались люди. Кошки и голуби шарахались во все стороны. А труба гроыхала уже где-то в конце

переулка, почти рядом со школой...

И вдруг в переулок въехал грузовик.

Труба со всего размаха ударилась об его колёса, стукнула грузовик по фаре, перевернулась в воздухе и стала как вкопанная.

Грузовик тоже стал.

Мне больше не хотелось мчаться за трубой. Больше всего на свете я хотела бы сейчас остановиться и побежать обратно, вверх по переулку, но мы обе так разбежались под горку, что остановиться было просто невозможно.

Из грузовика выскочил здоровенный шофёр. Он согнулся, широко растопырил руки... и через секунду мы обе уже трепыхались у него в руках, как будто пойманные рыбы.

— Ой! — отчаянно отбиваясь, пищали мы. — Пустите нас! Пустите! Это не мы! Мы не нарочно!

— В милиции разберутся, что к чему, — говорил шофёр. — Я вам покажу, как грузовики ломать!

Так мы оказались в милиции.

За столом сидел молодой милиционер с розовым круглым лицом, со смешным толстым носом и совершенно белыми бровями. Лицо у него было совсем не строгое, и он всё время хмурил белые брови, чтобы выглядеть построже.

— Так, — сказал он, когда сердитый шофёр ушёл. — Значит, хулиганим?

— Что вы, товарищ милиционер! — закричали мы наперебой. — Мы не хулиганим! Мы металлолом собирали! И ничего мы не нарочно! Это он сам нарочно. Чуть нашу трубу не раздавил. Она себе катилась, никому не мешала...

— Катилась, значит? — сказал милиционер. — Ну что ж, придётся в школу сообщить!

И тут мы не на шутку перепугались. Мы заныли в один голос:

— Товарищ милиционер, мы больше не будем! Не говорите в школе. Мы правда-правда больше не будем! Вот честное слово! Честное пионерское!

И слёзы у нас закапали. И не понарошку, а по-правдашнему.

Милиционер опять посмотрел на нас, грозно нахмурился и вдруг сказал:

— Ладно, что с вами делать! Прощу на первый раз. Но только смотрите: если ещё что натворите, приму меры. — И он поднял карандаш и ещё раз строго повторил: — Приму меры.

Так окончилась тогда наша история с трубой и милиционером. Но сейчас...

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

— Ну конечно же, старые знакомые! — сказал милиционер. — Так-то вы своё слово держите? Красиво, нечего сказать! А ну ведите-ка меня к себе домой! Придётся мне познакомиться с вашими родителями!

Мы шли домой с милиционером. Я шла красная как рак, а Люська — белая как мел.

Все на нас смотрели.

Я шла и думала:

«Дарья Семёновна, миленькая, уйдите, пожалуйста, на рынок. Или в магазин. Или в гости. Но только дома не сидите. Дома вредно сидеть. Пойдите погуляйте, какая погода хорошая! Или засните крепко-крепко и дверь никому не открывайте. Ну пожалуйста, не открывайте никому дверь! Мало ли какие воры ходят!»

Мы поднялись по лестнице. Милиционер позвонил один раз. И сразу же за дверью зашаркали шаги Люськиной бабушки Дарьи Семёновны. Всё пропало!

Дарья Семёновна открыла дверь и схватилась за сердце. Мы вошли.

...Милиционер не уходил долго. Мы сидели в соседней комнате и ждали. Потом мы услышали, как хлопнула входная дверь, и Люськина бабушка мрачнее тучи вошла в нашу комнату.

— Марш за уроки! — приказала она Люське. — Всё доложу родителям! А ты ступай домой, — кивнула она в мою сторону. — Когда мать с работы приходит?

— В шесть, — сказала я и поплелась домой.

Я долго ковыряла ключом в двери... Скажет Дарья Семёновна моей маме? Скажет или не скажет?

Я места себе не находила. Чтобы ни о чём больше не думать, я легла на диван и заснула.

МАМА СЕРДИТСЯ

Когда я проснулась, мама уже была дома.

Мы сели ужинать вдвоём. Папы с нами не было. Он уехал в командировку.

Есть мне не хотелось. Я ковыряла в тарелке еду и всё думала: «Скажет Дарья Семёновна или не скажет?»

Мама поглядывала на меня так, как будто происходит что-то очень интересное. Потом она вдруг спросила:

— Ну и как, ничего?

— Что «ничего»?

— Да то, что ты ешь?

— А-а... Ничего.

— Люсь, да ты что?

— А что?

— Да ведь это шампиньоны в сметане!

— Ну и что?

— Люсь, ты нездорова. А ну, давай сюда лоб!

Она встала и притронулась губами к моему лбу.

— Странно, температуры нет. А ну, покажи горло!

Я открыла рот и высунула язык.

— И горло нормальное. Странно. Очень странно.

В это время зазвонил звонок.

Я вскочила как ужаленная и побежала открывать.

«Скажу, что мамы нет дома», — решила я. Но за дверью никого не оказалось. Когда я вернулась в комнату, мама клала на рычаг телефонную трубку.

— Ошиблись номером, — сказала мама. — Да, ты ведёшь себя очень странно. А ну-ка, скажи, как у тебя дела в школе?

— Всё хорошо. Сегодня уроков не было. И завтра не будет: Вера Евстигнеевна заболела.

— Так что же с тобой делается?

— Ничего не делается. Мам, а тебе не хотелось бы пойти в кино?

— Что-о?!

— Ты пойдёшь. Ну пойдёшь, пожалуйста, очень тебя прошу! А я тут одна побуду. Ты, главное, не волнуйся. Я люблю одна по вечерам дома сидеть.

— Что-то мне всё это не нравится, — сказала мама. — А ну, покажи-ка мне свой дневник!

Я рылась в портфеле полчаса — делала вид, что никак не могу разыскать свой дневник. Но всё-таки мне пришлось его вытащить. Я нехотя протянула дневник маме.

— Ну вот, теперь всё понятно, — сказала мама. — Как же я сразу не догадалась! Ведь от тебя, кроме безобразного поведения, ничего не дождёшься. В кого ты только такая уродилась?! Возмутительно! Никакой

ответственности! Брала бы пример со своей подруги — и милая, и аккуратная, и послушная, и в школе у неё всё в порядке, и бабушка ею не нахвалится...

И вдруг опять зазвонил звонок. Теперь уже точно в двери. Я вскочила.

— Сиди! — приказала мне мама. — Я ещё не всё тебе сказала! — И она пошла открывать дверь.

МАМА УЖАСНО СЕРДИТСЯ

Щёлкнул замок. Так и есть. Дарья Семёновна. Она заговорила прямо с порога и без остановки:

— Здравствуйте, Лидия Сергеевна. Ваша-то хороша, нечего сказать! Нашу так и подбивает, так и подбивает! Пользуется, что старшая. И как ей только не стыдно!

— В чём дело, Дарья Семёновна? — растерялась мама. — Я что-то не понимаю!

— Участковый Милюков приходил, вот что. Обоих за шкуру привёл. Дожили. А всё ваша! Так и подбивает, так и подбивает!

— Да на что подбивает?! — уже чуть не плача проговорила мама. — Я вас не понимаю, Дарья Семёновна!

— Как на что? — подбоченилась Люськина бабушка. — То по помойкам ходить, то чужих собак подбирать!..

— Этого не может быть, — прошептала мама. — Тут какое-то недоразумение! Я знаю свою дочь... Боже мой, какие помойки? Какие чужие собаки? Люсенька, в чём дело? Скажи, что это не так!

— Да нет... — сказала я.

— Вот видите? — обрадовалась мама.

— Да нет, — сказала я, — по помойкам ходить, это, правда, я придумала, но зато про собак...

— Вот видите? — перебила меня Люськина бабушка. — Эх, балуете вы дочку, Лидия Сергеевна! А с ними построже надо! Построже!

Они ещё о чём-то говорили. Я уже не слушала. Я поняла главное: Люська всё свалила на меня.

Что было потом, мне даже рассказывать неохота.

— Какой ужас! Какой кошмар! — твердила мама. — Ты бегаешь по улицам, ты шатаешься неизвестно где! Ты хватаешь чужих собак! Тебя приводят домой с милиционером!.. Какой позор! И это моя дочь! Со всех сторон на тебя сыплются жалобы! Ты совершенно не жалеешь свою мать!

Ты пользуешься тем, что отец в командировке! Ты совсем разболталась! Поведение твоё действительно безобразно!..

Так она ругалась, и ругалась, и ругалась...

Ну неужели говорить столько всяких слов легче, чем просто немножко помолчать и спокойно выслушать другого человека?

Но молчала я, а мама всё говорила и говорила. Я знала, что, когда она так сердится, спорить с ней невозможно.

МЕНЯ ЗАПЕРЛИ

Я проснулась, когда мамы уже не было. Я быстро поела и хотела выйти во двор. Но дверь оказалась закрытой на два замка.

Итак, меня заперли. Прекрасно! Замечательно! Изумительно! Человеку десять лет, а его заперли. Ну прямо как кролика. Как мышку какую-нибудь... Человек в третьем классе учится! В третьем классе! Всё папе расскажу. Всё! Он бы никогда меня не запер! Ни за что на свете! Я ведь не разбойник. И не вор. Откуда я знала, что собака чужая?.. А милиционер этот — тоже хорош. Сразу жаловаться! Ни за что маме не прощу! Вот она придёт с работы, откроет дверь, а я как выскочу! Как запру её! И уеду к папе в командировку. А мама так и останется запертая.

И Люську тоже запру... И почему так бывает? На одних все шишки валяются, а другим хоть бы хны. Меня заперли, а она гуляет. Её все любят — и мама, и папа, и бабушка, а меня — только папа. Даже бабушки у меня нет!.. И вообще, она такая милая, такая аккуратная и ещё какая-то... А я просто чудовище! Вот меня даже в клетку заперли!..

Тут у меня защипало в глазах и потекло из носа. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я открыла окно и села на подоконник. Люська увидела меня и сразу закричала:

— Люсь, выходи гулять!

— Я с предателями не гуляю!

— Это я предатель? Бессовестная! В чём я тебя предавала?

— Предавала, и всё. Не хочу с тобой разговаривать.

— Ну и не надо! Подумаешь какая! Я сама первая с тобой не хочу разговаривать.

И она закричала:

— Павлик, выходи!

Павлик вышел, конечно, с самокатом. Я стала за ними наблюдать. Люська подошла к Павлику и так нежненько сказала:

— Павлик, ну до чего же ты замечательно катаешься на самокате!
— Правда? — обрадовался Павлик.
— Провалиться мне на этом месте! Я бы так, как ты, ни за что не смогла бы прокатиться!
— Ну, может быть, и смогла бы, — сказал Павлик.
— Что ты, Павлик, ты даже не представляешь, какая я неспособная, — тяжело вздыхая, сказала Люська.
— Да ты сначала попробуй! — сказал Павлик.
И Люська стала кататься на красном самокате.
Она целых шесть раз обогнула двор и села на лавочку отдыхать.
Вся раскрасневшаяся, она обмахивала себя рукой и как будто хотела мне сказать:
«Вот посмотри, полюбуйся, какая я умная и хитрая! Захочу — ещё сто раз прокачусь!.. А ты так и будешь всю жизнь сидеть взаперти! Потому что ты — самая настоящая балда. И так балдой на всю жизнь и останешься!»
Я так разозлилась, что стала нарочно с грохотом закрывать своё окно.
И вдруг совершенно случайно я увидела, что под лавочкой, на которой сидела Люська, спит, свернувшись калачиком, какая-то собака.
Я всмотрелась внимательнее. Нет, я не ошиблась, это был Уран! Самый настоящий Уран! Никакой не щенок. Взрослая хорошая собака.
— Люська! — закричала я и показала пальцем под лавку.
Люська посмотрела под лавку и сразу всё поняла. Она нагнулась и стала гладить Урана. Уран потянулся, зевнул и вылез из-под лавки.
Тогда Люська спокойненько вынула из косы длинную розовую ленточку и обвязала её вокруг Урановой шеи. Потом она взялась за кончик ленты и помахала мне рукой: мол, выходи.

Я НАХОЖУ ВЫХОД

Я заметалась по комнате. Что же делать? Может, выпрыгнуть из окна? Нет, всё-таки второй этаж. А может, вылезти из окна по верёвке? А потом обратно? Мама ничего не узнает. Она придёт, а я уже дома.

Я бросилась в кладовую и вытащила оттуда толстенную белую верёвку. За одну минуту я привязала её к батарее и залезла на подоконник. Подумаешь, второй этаж! Да я лучше всех в классе лазаю по канату!

Через пять минут я была на земле. Люська и Павлик смотрели на меня вытаращенными глазами...

Уран встретил меня радостно. Он был ужасно лохматый и

добродушный. Да, это был самый настоящий Уран. Одно ухо у него было белое. И другое тоже было белое. Шерсть на спине у него была коричневая.

— Люська, а где же чёрное пятно?

Чёрного пятна почему-то не было. Мы с Люськой посмотрели друг на друга.

— Придётся красить, — быстро решила Люська.

Она сбегала домой и принесла пузырёк с чёрными чернилами и кисточку. Мы зашли с Ураном в подъезд.

Пока Люська кормила Урана пирожком, я быстро нарисовала на его спине чёрное пятно. Пятно получилось красивое. Ровное и круглое, как тарелка.

Уран посмотрел себе на спину, цапнул за пятно зубами и остался доволен.

РАЗБИТАЯ КОЛЕНКА И ДОБРАЯ ГАЗИРОВЩИЦА

Улица Симагина была недалеко. Мы почти бежали. Уран так рвался вперёд, что я еле-еле удерживала его за ленточку. Нам осталось пройти всего три дома. И вдруг прямо перед нашим носом пробежала толстая белая кошка. Уран рванулся и помчался за кошкой. Я кувырком полетела на землю.

— Люська, держи Урана! — заорала я.

Люська уже гналась за Ураном...

Я поднялась с земли. Правое колено у меня было в крови. Что же теперь делать? Возвращаться домой?

— А ну-ка, девочка, иди сюда, — позвала меня загорелая газировщица на табуретке. — Обмой коленку, а то заражение будет. — И она протянула мне стакан холодной чистой газировки.

Я обмыла коленку. Грязь и кровь смылись. Осталась одна большая красная царапина. Я поблагодарила газировщицу и вдруг увидела Люську. Она вела Урана.

Уран подскочил ко мне и лизнул меня прямо в лицо. Вот и попробуй на него сердиться!

Мы двинулись дальше.

ЗАПИСКА НА ДВЕРИ

Теперь мы шли друг за другом. Впереди бежал Уран. За ним шла

Люська. Она вела его за ленточку. За Люськой тащилась я.

Так мы дошли до дома № 8.

Лифт не работал.

Я не согласилась, чтобы Люська одна получала приличное вознаграждение, и стала карабкаться следом за ней на седьмой этаж.

На двери висела табличка «Е. И. Сидоров». Под ней была приколотая белая бумажка. На бумажке было от руки написано:

Дорогой

Степан Аркадьевич, извините, что Вас не дождался. Дочка заболела и просила меня приехать. Я пробуду у неё, пока она не поправится. Её адрес: Печорская, 13, кв. 12. Сделайте милость, зайдите ко мне туда. Буду Вам рад.

Ваш Е. И.

Мы потоптались на площадке. Молча спустились вниз. Люська на меня не смотрела.

— Ну, я пойду, — сказала Люська. — Мне ещё хлеба купить надо.

— Люсь, а как же я? Мне тоже домой пора.

— Ну, тогда пойдём вместе.

— Люсь, а как же Уран?

— Ну и что — Уран? Подумаешь, Уран! Что же нам теперь, с ним до самой ночи ходить, что ли?

— А что же нам с ним делать?

— Я же сказала — отпустим.

— И что с ним станет?

— Откуда я знаю, что с ним станет? Какое мне дело?

— Люсь, да ведь он же от голода умрёт! Ему без хозяев нельзя!

— Ну, мне пора, — сказала Люська. — Пока. — И она повернулась и пошла.

А я осталась. Что мне было делать? Не бросать же Урана на улице? К тому же — самокат...

И я решила ехать на Печорскую.

МЫ ЕДЕМ НА ПЕЧОРСКУЮ

— Скажите, пожалуйста, где улица Печорская?.. На пятом трамвае?.. Восьмая остановка?.. Спасибо.

Подошёл, громохвая, пустой трамвай, и мы влезли на площадку. Мы

сели у окна и стали смотреть на дома, на витрины, на прохожих.

— Освободите салон, — сказал водитель. — С собаками в трамвае ехать не положено.

— Вы не волнуйтесь, — сказала я. — Он не кусается. Он дрессированный.

— Я понимаю, что дрессированный, — сказал водитель. — А всё равно нельзя. Закон такой.

Пришлось нам с Ураном вылезать из трамвая.

— Скажите, пожалуйста, какая это улица?.. Какая-какая?.. Электрическая? — Я такой даже не слышала. Как колено болит, прямо ужас! И есть хочется. — Уранчик, что же делать? Может, бросить тебя? Может, ты сам своего хозяина найдёшь?

Уран радостно завилял хвостом, и я поняла, что никого он не найдёт. Так и будет беспризорный бегать по улицам.

Я спросила, как пройти на Печорскую, и мы двинулись дальше. Вокруг потемнело.

Стал накрапывать какой-то противный мелкий дождик. Колено моё ныло ужасно. Я не могла быстро идти. А Уран изо всех сил тянул меня вперёд. Тогда я выпустила из рук ленточку.

Уран помчался вприпрыжку. Неужели убежит? Нет, вернулся. Вернулся, миленький. Потом снова убежал, потом снова прибежал. Так мы и шли. Уран возвращался и смотрел на меня. Он как будто не мог понять, чего это я так медленно иду.

А я шла и думала:

«Удивительно, почему собаки не устают? Может, потому, что у них четыре ноги? Вот было бы у меня сейчас четыре ноги! Одна бы хромала, а три другие шли. На трёх ногах не так трудно идти, как на одной! Уранчик, всё-таки жалко нас, правда?»

Я погладила Урана, и ладонь моя вдруг стала чёрной.

— Уран, где это ты так испачкался?

И вдруг я вспомнила. Чернила. Подъезд. Чёрное пятно.

Я сжала ладонь в кулак и сунула руку в карман.

ДВА УРАНА

Еле волоча ноги, вся вымокшая, я поднялась на второй этаж маленького деревянного дома и позвонила в дверь.

За дверью залаяли собаки. Наверно, сразу штук сто. Уран зарычал, и

шерсть у него поднялась дыбом.

Дверь открылась. На пороге стоял старичок. За его спиной, в тёмном коридоре, оглушительно лаяли собаки.

— Цыц! — прикрикнул старичок, и собаки замолчали.

Они выскочили на площадку и стали обнюхиваться с Ураном. Их оказалось всего две.

— Чего тебе, девочка? — ласково спросил старичок.

Я не ответила... Я не могла ответить. Я смотрела на собак. Обе они были лохматые и коричневые. У обеих было по белому уху. А у одной на спине было большое чёрное пятно.

Наверно, у меня был очень несчастный вид. Старичок вдруг посмотрел на меня внимательно и сказал:

— А ну-ка, девочка, заходи в дом. Чего на лестнице стоять?

Мы вошли в коридор. В коридоре было тепло и пахло лекарством. Собаки вбежали следом за нами.

— Так в чём дело, девочка? Ты кого-нибудь ищешь? — спросил старичок.

— Да, — проямлила я. — Я ищу... Здесь живёт... э-э...

И вдруг дверь из комнаты открылась и в коридор вышла... Вера Евстигнеевна.

В ГОСТЯХ У ВЕРЫ ЕВСТИГНЕЕВНЫ

Я оцепенела. Я, наверное, даже рот открыла. Вера Евстигнеевна тоже открыла рот, но тут же его закрыла.

— Синицына... — вымолвила Вера Евстигнеевна. — Люся... Папа, это моя ученица Люся Синицына!

— Очень приятно, — сказал старичок. — Очень, очень приятно! Будем знакомы. Меня зовут Евстигней Иванович. — И он протянул мне руку.

Что было делать? Пришлось мне в его открытую ладонь сунуть свой сжатый кулак.

— У тебя, Люсенька, рука болит? — поинтересовался Евстигней Иванович.

— Да нет... Просто... просто... жук у меня там.

— Ах, жук?! Это похвально. Значит, природой интересуешься, — сказал Евстигней Иванович. — Что же ты в дверях стоишь? Заходи. Молодец, что учительницу пришла проведать!

— Вот видишь, папа, какие у меня заботливые ученики! — засмеялась

Вера Евстигнеевна. — С такими не пропадёшь!.. Но ты извини, Люсенька. Я всё-таки никак не ожидала от тебя такого подвига! Как иногда приятно ошибаться в людях!

И она обняла меня за плечи и повела в комнату.

...Потом мы обедали. Вера Евстигнеевна в постели, а мы с Евстигнеем Ивановичем за столом. Вера Евстигнеевна вместе с нами ела суп. Оказывается, учительницы тоже любят суп. И котлеты едят самые обыкновенные. С самой обыкновенной жареной картошкой. Завтра всем в классе об этом расскажу.

Дома Вера Евстигнеевна была совсем не такая, как в школе. Дома она была весёлая и разговорчивая. И рассказала мне, что она в постели потому, что у неё болит сердце.

Мне было очень стыдно. И я представить себе не могла, что у Веры Евстигнеевны может болеть сердце. И никто в классе этого не знает. Завтра же всем расскажу, и мы будем навещать Веру Евстигнеевну каждый день.

Пока я ела, Уран сидел рядом и смотрел на меня голодными глазами. Раза два я незаметно сунула ему под стол хлеб. Но он всё равно на меня смотрел. Тогда я спросила:

— А можно, я дам Урану полкотлеты?

— Да мы ему сейчас супу нальём, — сказал Евстигней Иванович. — Пошли, Люсенька, кормить твою собаку.

И мы пошли на кухню. Собаки побежали за нами.

— Прости, Люсенька, меня, старика, — сказал Евстигней Иванович. — Должно быть, я ослышался. Но мне показалось, что твою собаку зовут Уран. Это верно?

— Да, верно.

— Неужели Уран? Какое совпадение! — воскликнул Евстигней Иванович. — Такая редкая кличка! Ведь моего тоже зовут Уран.

Он погладил своего Урана с чёрным пятном и сказал:

— У нас тут с Ураном неприятность вышла. Потерялся он недели две назад. Насилу его нашли. Соседи где-то увидели и привели. Мы с Верочкой очень тогда переволновались. Мы ведь к ним так привыкли: Уран — мой, Чика — Верочкина. Чика и Уран — брат и сестра. Оба редкой, ценной породы.

— Мой Уран тоже ценной породы, — сказала я.

— Хорошая у тебя собачка, — сказал Евстигней Иванович. — Я в породах не очень-то разбираюсь. Но сразу видно — хорошая собачка. Душевная.

Тут он наклонился и хотел погладить Урана, но я вспомнила про

чёрное пятно и закричала:

— Ой! Не надо! Он кусается!

Евстигней Иванович отдернул руку.

— Вот и хорошо, что чужих не подпускает, — сказал он.

...За окном всё темнело. Я вдруг вспомнила про маму, про открытое окно, про верёвку — и мне стало страшно.

Я заторопилась и стала прощаться. Евстигней Иванович провожал меня до самых дверей.

ХУЛИГАНЫ

Когда мы вышли, был настоящий вечер.

Мы медленно шли по улице. Колено у меня снова ужасно разболелось. Как же я с таким коленом залезу обратно по верёвке?.. Просто идти невозможно. Посидеть на лавочке, что ли? Может, пройдёт?

Мы зашли в какой-то двор. Я села на лавочку и стала дуть на колено. Оно распухло, как подушка.

Вдруг Уран заворчал. Я подняла голову и увидела, что из тёмного подъезда ко мне направляются два довольно взрослых парня в кепках.

— Это что за драный цыплёнок? — спрашивает один другого.

— Сейчас выясним, — отвечает ему другой.

Я оглянулась. Во дворе больше никого не было. Значит, драный цыплёнок — это я. Это было неприятно. Я встала и хотела уйти. Но тут оба парня подошли совсем близко. Я сделала шаг вправо — они шаг вправо. Я — влево, они — влево. Уран заворчал сильнее.

— А это ещё что за крокодил?! — удивился один из них. — А ну, цыц!

Уран испугался и прижался ко мне. Он даже ворчать перестал. Тогда другой хулиган протянул ко мне руку, схватил меня за шапку, прямо за круглый помпончик на макушке, рванул и оторвал его.

— Ой! — вскрикнула я.

И тут Уран как залает, как кинется на этого парня! И этот парень как отскочит!.. Но тот, другой парень пошарил по земле, схватил здоровенный камень и нацелился прямо в Урана. Бедный Уран прижался к земле. Он даже глаза закрыл.

— Не смей! — закричала я. — Не трогай его! Он тебе ничего не сделал! — И я вдруг, сама того не ожидая, изо всех сил пихнула обеими руками этого парня прямо в живот.

— Ах ты!.. — Парень угрожающе двинулся на меня.

— Да ладно, — сказал вдруг другой. — Чего с мелюзгой связался? Сейчас мамаша прибежит — визг подымет...

И они вдруг ушли. Скрылись, как будто их и не было. Я совсем про свою коленку забыла. И про приличное вознаграждение забыла. Про всё на свете...

— Уранчик, миленький! — говорила я. — Мы их прогнали! Прогнали! Здорово мы их, а?!

И Уран вертел хвостом и прыгал мне на грудь. Пока мы шли домой, я всю дорогу с ним разговаривала.

— Ты не думай, — говорила я Урану. — Да если бы он тебя только тронул, я бы знаешь что с ним сделала? Прямо убила бы его, честное слово! Я ведь ужас какая смелая! Ты прямо даже не представляешь! Ты же

видел, как я его пихнула, а?! Он прямо вверх тормашками полетел! Да если бы они не ушли, я бы их обоих излупила... А ты тоже молодец! Как ты залаешь тогда, как он отскочит!.. Молодец, молодец...

И мы останавливались, и я гладила его по голове и по спине с нарисованным пятном.

— Сейчас мы придём домой, — объясняла я ему, — и я уговорю маму, чтобы она разрешила тебе остаться у нас жить. У меня мама добрая. Она хорошая. Я её вообще-то люблю. Она знаешь какая? Она ругается, ругается, а потом сама переживает. Она очень даже хорошая. Я её очень даже люблю. И папа у меня хороший. Он только сейчас в командировке. Но зато, когда он вернётся, знаешь, как он обрадуется, что у нас в доме собака?! Да ещё не простая, а редкой, ценной породы! И не нужно мне приличное вознаграждение! Зачем оно мне? И самокат мне не нужен. Я и без него обойдусь.

Мы шли по тёмной улице. О том, что делается дома, я старалась не думать.

Вдруг рядом со мной резко затормозил мотоцикл. Из него выскочил милиционер. Он бросился ко мне и схватил меня за руку:

— Люся, это ты?

Я узнала участкового Милюкова.

— Быстро садись в коляску, — сказал участковый Милюков. — Тебя разыскивают.

И он, не говоря больше ни слова, подхватил меня под мышки и сунул в коляску. Уран заскулил.

— Я без Урана не поеду, — сказала я.

Участковый немного подумал и сунул Урана ко мне.

Мотоцикл затарахтел. Мы куда-то поехали. Может быть, в милицию, а может, в тюрьму. Я так устала, что мне уже было всё равно.

Я ДОМА

Через пять минут мотоцикл затормозил возле нашего дома.

Мама встретила меня вся в слезах! Но она не ругала меня. Нет-нет! Наоборот, она без конца целовала и обнимала меня. Просто не давала мне вздохнуть.

— Я виновата перед тобой, — твердила мама. — Я не должна была тебя запирать! Я весь день на работе места себе не находила! Прибегаю домой, открываю дверь, а вместо тебя стоит в комнате этот мальчишка —

Иванов, кажется, фамилия — и ест жареную картошку прямо из сковородки. Я чуть с ума не сошла! Спрашиваю: как ты сюда попал? А он подводит меня к окну, показывает мне на верёвку и начинает что-то объяснять про какую-то там собаку. Я ничего не могу понять. Бросаюсь к телефону. Звоню Люсе. Та же самая история. Те же разговоры. Какой-то Уран, какое-то вознаграждение. Чушь какая-то! Какое счастье, что мне товарищ участковый помог! Я уже думала, что никогда тебя не увижу!

Тут она снова начала всхлипывать, и мне стало так её жалко, что я сразу поняла: нет, никогда в жизни она не будет меня запирать.

Бедная моя мама! Хорошая моя мама!

Она была так рада, что я нашлась, что даже не заметила сначала Урана. Она не заметила его и наступила ему на хвост. Уран взвизгнул. Мама так и подскочила.

— Что это? — закричала мама. — Боже мой, Люсенька, что это?

— Мамочка, это Уран, — сказала я.

— Сейчас же выставь за дверь это животное! — рассердилась мама. — Мало того что ты шляешься бог знает где! Нет, это уже слишком! Я этого не вынесу!

Она как будто уже забыла, что минуту назад плакала и целовала меня.

— Мама, но я обещала Урану, что он будет у нас жить.

— Ни за что на свете! — воскликнула мама. — Ни за что на свете! Товарищ участковый, вы видели когда-нибудь подобное чудовище?!

— Да вообще-то пёс неплохой, — сказал вдруг участковый. — Даже довольно симпатичный пёс.

— Вы находите? — огорчилась мама. — А по-моему, ничего симпатичного. И потом, я ведь уже решила купить ей самокат. Нет, этот ребёнок меня в гроб вгонит!

— Пусть тогда сама и выбирает — самокат или собаку, — посоветовал участковый.

— А чего тут выбирать? — сказала я. — Самокат — это, конечно, здорово. Да ведь Уран меня из беды выручил! Уран мне знаете какой друг! Получше Люськи!

Мама ещё немного поспорила для виду и сдалась.

— Имей в виду, — сказала она, — ухаживать за своим другом будешь сама.

Уран сразу всё понял. Он подошёл к маме и дал ей лапу, хоть она его и не просила. Пришлось маме пожать рыжую Уранову лапу. После этого Уран лизнул маму прямо в лицо.

— Фу, гадость какая! — отшатнулась мама. — Нет, вы видали таких

нахалов?!

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Когда мы с мамой мыли Урана в тазу, был уже поздний вечер.

Мама мылила Урана и всё не могла наудивляться, почему мыльная пена на нём сразу становится чёрной.

— Какое-то таинственное четвероногое! — говорила мама, выливая пятый таз чёрной как дёготь воды. — Наверно, он притворяется, что рыжий, а на самом деле он сделан из ваксы!

И тогда я ей всё рассказала.

И про чёрное пятно, и про приличное вознаграждение, и про Веру Евстигнеевну, и про Евстигнея Ивановича, и про всё, всё, всё.

Мама то смеялась, то плакала, то просто качала головой.

А когда я уже засыпала, приехал из командировки папа. Он вошёл в комнату и сказал:

— Что я вижу?! В нашем доме появилась собака! И не простая, а редкой, ценной породы! Да, теперь у нас начнётся прекрасная, замечательная жизнь!..

Но, может быть, он так и не говорил. Может быть, мне это уже снилось.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФАРФОРОВОЙ СВИНКИ

ПОДАРОК

Какое счастье! Мне привезли из Германии белую фарфоровую свинку! Кругленькую, с розовым пяточком, с розовыми ушками.

В жизни не видала такой красивой свинки! Глазки голубые, сама улыбается, а по всей спине скачут синие цветочки. Ура!!!

Я обеими руками схватила свинку. Прижала её к груди, понесла в комнату и там поцеловала в холодные цветочки.

Потом поставила на стул, стала на колени и смотрела ей в глазки. Потом дышала на неё и тёрла рукавом.

Она сияла! Как зеркало, как солнце!

Она вся улыбалась — и пяточок, и ушки, и цветы на спине. Милая моя свинка! Дорогая! Любимая!

Я завернула её в пуховую шапку и положила в шкаф. Пусть поспит.

Я вынула её из шкафа и поставила на окно, на солнышко. Пусть погрееется.

Я сняла её с окна и поставила прямо на середину моего стола. Пусть все любят, кто войдёт. Пусть делаются такие же весёлые, как она!

Эх, жалко, Люська не может вместе со мной любоваться моей свинкой! И ведь это не просто свинка, это копилка. У неё на спине есть щёлочка, чтобы опускать монетки.

Я порылась в кармане, достала двадцать копеек и опустила в щёлку. Потрясла. Здорово зазвенело!

Скрипнула дверь, вошла мама.

— Ты долго ещё будешь бездельничать? Уже пять часов, а ты ещё не садишься за уроки! Сколько можно играть? Ты не маленькая! В твоём возрасте люди уже гораздо меньше играют и гораздо больше думают о деле!

Я ДУМАЮ О ДЕЛЕ

Значит, так. Они думают о деле, а я не думаю.

Они гораздо меньше играют, а я, значит, гораздо больше.

Интересно, спрашивается тогда, почему я уже битый час сижу за «Родной речью», а люди в моём возрасте шатаются неизвестно где — им

звонишь, а их нету дома?

Я отложила «Родную речь» и снова набрала Люськин номер.

— Не пришла ещё, — сказала Люськина бабушка.

Интересно, где она ходит?

Я опустила глаза в «Родную речь» и принялась читать дальше.

«— Сандро, — вежливо сказала тонкая длинноногая девочка, — как ты думаешь, зачем Петька Бревнов стучает меня барабаном по голове?

— Ябеда! — откликнулся коренастый Петька и деловито объяснил: — Я хотел узнать, что гудит сильнее».

Зазвенел звонок. Я подскочила к телефону.

— Люська, привет, ты звонила?

— Конечно, звонила! Где ты была?

— Мы с Колей Лыковым в зоопарк ездили.

— В зоопарк?! А меня почему не позвали?

— Коля хотел, а я отговорила. Ты ведь всё равно не будешь в конкурсе участвовать.

— В каком ещё конкурсе?!

— Ты разве не знаешь, у нас в школе конкурс объявили на лучшее художественное произведение из пластилина? Да не беспокойся! Ты ведь лепить всё равно не умеешь. Я так Коле и сказала. «Зачем, — говорю, — ей в зоопарк ездить, лепить-то ведь она не умеет!»

— Ах ты, бессовестная, почему это я не умею лепить?! И при чём тут твой дурацкий зоопарк, не понимаю? Ты мне совершенно голову заморочила!

— Как это при чём? Конкурс-то на тему «Мы и природа»! А звери — природа? Природа. Вот мы и ездили с Колей смотреть на зверей!

— Ах, так! — сказала я. — Ну и целуйтесь со своими зверями! А зато я тебе ни за что не покажу, что мне подарили! Хоть тысячу раз проси! Хоть миллион!

— А мне всё равно смотреть некогда, — сказала Люська. — Я сейчас лепить сажусь. Я хочу в этом конкурсе первое место занять. Я так Коле и сказала. «Знаешь, — говорю, — Коля, я решила первое место занять, я в детском саду лучше всех лепила». А он как обрадуется! «Ой, — говорит, — Косицына, очень тебя прошу, займи первое место, поддержи честь нашего звена! У нас в звене никто лепить не умеет, только на тебя надеюсь!»

— Так и сказал?

— Ага. Ну, пока, я сажусь лепить.
В трубке загудели гудки.

«УРАН, КО МНЕ!»

Они ездили с Колей в зоопарк, а я любовалась какой-то дурацкой копилкой!

Они по зоопарку гуляли, а я как дурочка над уроками мучилась.
Вот всегда так! Всегда!

Наверно, Люська позвонила Коле и сладенько-пресладенько ему сказала:

«Ах, Колечка, давай с тобой поедem в зоопарк! Только, чур, без Синицыной!»

«А почему без Синицыной?»

«А зачем нам Синицына? Учится она хуже меня? Хуже. Лепить не умеет? Не умеет».

И они поехали.

И ходили между клетками.

И ели мороженое.

И глядели на зверей.

Расстроилась я ужасно. Захлопнула «Родную речь», стукнула по ней кулаком и как крикну:

— Уран, ко мне!

Я всегда Урана зову, когда мне плохо.

Уран как вихрь примчался из кухни. Он сразу всё понял, положил мне голову на колени и стал преданно на меня смотреть. Спина у него была тёплая, пушистая и так хорошо пахла собакой!

— Уранчик, милый, они в зоопарк ездили, а меня не взяли! Вот возьму и назло им сама в этом конкурсе первое место займу! Нарочно что-нибудь замечательное вылеплю, чтобы Люська не воображала. А то всё «Коля, Коля»... Подумаешь!

Уран ласково повизгивал и вертел хвостом, как будто хотел сказать мне:

«Ну, конечно, ты займёшь первое место! Какой разговор, ясное дело, займёшь!»

— А что бы мне такое вылепить, а, Уран? Ну-ка, подскажи.

Уран коротко взлаял, вскочил и сел снова.

— Ну конечно, как же я сразу не догадалась! Я вылеплю тебя! Давай-

ка садись вот так и смотри вон туда... Нет-нет, не туда, лучше вот сюда. Здорово! Подожди минуточку, сейчас я тебя вылеплю!

Я схватила кусок пластилина и принялась быстро лепить Урана.

— Ну что ты вскочил? Не вертись, пожалуйста! Ой, куда ты побежал? Неужели не понимаешь, что я хочу твой портрет вылепить? Вот вылеплю, напишу на бумажке: «ПОРТРЕТ МОЕГО УРАНА», мне дадут первое место, и Коля Лыков скажет: «Я так и знал, что Косицына хвальбушка! Я так и знал, что Синицына первое место займёт!»

Уран снова всё понял. Он перестал вертеться и вскакивать, сидел очень смиренно и во все глаза глядел, как я лепила его портрет.

Но у меня, как назло, ничего не выходило! Какая-то корова, а не Уран!

— Ладно, Уран, беги на кухню. Я решила корову слепить. Корова ведь тоже природа, правда?

Я стала лепить из Урана корову, но моя корова сильно кого-то напоминала... Я поглядела на подоконник... Точно! Корова была похожа на фарфоровую свинку.

Так пусть уж она будет свинкой!

Но корова никак не хотела делаться свинкой! Я билась с ней полчаса, а добилась только того, что уронила коровосвинку на пол, и она превратилась просто в бесформенный ком пластилина.

Уф-ф-ф!

Интересно всё-таки, что там лепит Люська? Наверное, какого-нибудь тигра или крокодила? Позвонить, что ли, ей?.. Нет, не буду... А, ладно, позвоню...

«ПИОНЕР С ГРИБАМИ»

— Эй, Люська, чего ты там лепишь? — спросила я как можно небрежнее. — Небось обезьяну?

— А вот и не угадала! — сказала Люська. — Я леплю пионера!

— При чём же тут пионер?! — рассердилась я. — Ты что, в зоопарк ездила пионеров глядеть? Ведь надо, чтоб природа была!

— А у меня пионер с корзинкой. А в корзинке грибы. Он как будто в лес ходил за грибами. Ух, мировецкий пионер вышел! На Колю Лыкова похож.

Опять Коля?! Да что она заладила, как попугай: «Коля, Коля...»

— Ладно, не хвались! — закричала я. — Я тут, между прочим, такое вылепила, что твоему Коле и во сне не приснится!

— Врёшь!
— Да честное слово! Куда там твой пионер!
— Ладно. Сейчас кончу лепить и прибегу. Сравним, что лучше, — сказала Люська.

ОДНА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

За стеной соседка громко рассказывала маме, какие огурцы она выращивает на своём огороде, а я сидела за столом с пластилиновым комом в руках и лихорадочно соображала, что мне делать.

Что делать? Что же делать? Сейчас прибежит Люська, и я должна показать ей... Что я ей покажу, этот пластилиновый ком? Ой, мамочки, что же мне делать, я ведь честное слово дала! Ну, свинка, ну скажи хоть ты, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Фарфоровая свинка глядела на меня с подоконника маленькими добрыми глазками.

И тут мне в голову... Ой, мне в голову пришла одна замечательная мысль!

Я бросилась к подоконнику, схватила свинку. А что, если?.. Ну конечно, так и сделаю! Обмажу свинку пластилином, и будет она пластилиновая, как будто я сама её слепила! Ура! Здорово я придумала: пусть теперь попробует Люська назвать меня врушкой!

Я потащила свинку к столу. Ничего плохого с ней не случится! Просто на время, совсем на короткое время, я обмажу её пластилином, а потом снова сотру, как будто ничего и не было! Так... Так... Спинку её белую обмажу, покрою пластилином розовый пяточок... Вот тут ещё немножко. И хвостик надо залепить, и щёлочку в спине... Пять минут — и готово! Ну, чем плохая свинка? Замечательная! Точь-в-точь как настоящая! Даже лучше!

Передо мной на столе стояла зелёная пластилиновая свинья.

— Что же ты не идёшь? — закричала я в телефонную трубку. — Иди скорее, сколько можно копать! — Прикрыла свинку носовым платком и стала ждать звонка в дверь.

И вот Люська пришла.

Прибежала, вся запыхалась, притащила своего пионера с грибами. Стала его вытаскивать из какой-то бумажки. Разворачивала, разворачивала, а бумажка эта оказалась листиком из старой тетрадки, а на нём сплошные пятёрки, даже противно! Нарочно, наверное, в такую бумажку завернула

пионера своего кривобокого, чтобы показать, вот, мол, как она хорошо учится!

Наконец она его развернула.

Пионер этот оказался со спичку ростом. Прямо гном какой-то, а не пионер! С чего она взяла, что он похож на Колю Лыкова? Он был похож на тощего жука, а под мышкой держал колбасу с ручками.

— Здорово? — сказала Люська.

— Здорово! Только эти грибы сильно на тараканов смахивают.

— Не ври! — закричала Люська. — Я эти грибы точно вылепила. У нас в холодильнике банка солёных грибов стоит, можешь пойти посмотреть, если не веришь!

— Ладно, ты лучше погляди, что я слепила. Внимание! Алле-гоп!

Я сдёрнула со свинки платок.

Моя свинка стояла вся зелёная. Зелёный хвостик, зелёный пятачок... Она хитро глядела на меня своими зелёными глазками.

Люська воззрилась на свинью и, кажется, лишилась дара речи. Минут пять она простояла как столб, потом, ничего не говоря, принялась заворачивать своего пионера.

Ура!!! Первое место моё!

ЗА ЧАЕМ

— Девочки, идите пить чай! — закричала из кухни мама.

Я засунула свинку в ящик письменного стола, и мы отправились на кухню.

— Садитесь сюда, девочки, — сказала мама. — Люсенька, что это ты держишь?

— Пионера, — сказала Люська. — Я его вылепила на конкурс.

— Бери варенье, — сказала мама. — На какой конкурс?

— А у нас в школе, тётя Лида, конкурс объявили на лучшее художественное произведение из пластилина...

— Это интересно! — воскликнула мама. — А почему ты, дочка, в нём не участвуешь?

Я растерялась.

— Я?.. Так... Не хочется что-то... — И осторожно толкнула ногой под столом Люську.

— Да она принимает! — закричала Люська. — Неужели она вам не показывала? Она знает чего слепила?

— Ничего я не слепила! — Я сильнее толкнула ногой Люську.
— Ай! — закричала Люська. — Ты зачем мне на ногу наступаешь! Тётя Лида, не слушайте её. Она вылепила настоящую...
— ...настоящую ерунду! — сказала я. — Брось, Люська, о чём там говорить!
— Не верьте ей! — закричала Люська. — Она вылепила потрясающую...
— Да чего там потрясающего! Ничего особенного! Перестань!
— С каких это пор ты стала такая скромная? — вмешался папа. — Просто не узнаю свою дочь! Так что же ты там такое вылепила?
— Это секрет, — еле выдавила я из себя. — Это моя тайна.
— Ну, тайна так тайна, — сказал папа. — Давайте пить чай.
И все, слава богу, отстали от меня, стали пить чай и забыли наконец про мою тайну.
А потом Люська пошла домой, а я пошла спать.

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МАМОЧКА!»

Я легла спать и выключила свет. Ах, как приятно было представлять в темноте, как я завтра принесу свинку в класс и как все станут восторгаться. А потом я представляла её в пионерской комнате, на самом главном столе, и над нею прибита на стене табличка, и горят на табличке большие красные буквы: «ПЕРВОЕ МЕСТО».

Но потом я подумала:

«А вдруг, пока я сплю, в комнату войдёт мама, откроет стол и увидит там зелёную свинью?» Пожалуй, на всякий случай надо спрятать её подальше.

Я вскочила и стала босиком бегать по комнате, искать, куда бы её спрятать получше.

— Люська, ты почему не спишь? — услышала я за стеной. — Долго ты ещё будешь расхаживать? Марш в постель!

Я испугалась, что мама сейчас войдёт в комнату, подскочила к постели, бухнулась в неё прямо со свиньёй и закрылась одеялом.

И правда, в комнате вспыхнул свет.

— Спи, доченька, — наклонилась надо мной мама. — Спи, дорогая, спокойной ночи! — И — ужас! — стала расправлять одеяло! Хорошо, что я успела засунуть свинью под мышку! — Спокойной ночи, мамочка! — сказала я нарочно сонным голосом. — Я уже сплю. Мама поцеловала меня

и вышла из комнаты. Тогда я вытащила из-под мышки свинью и засунула её поглубже под кровать. Теперь уже в комнату никто не войдёт. Можно спать спокойно.

СОН

Мне приснился ужасный сон. Как будто свинья вылезла из-под кровати, ходит по комнате и топает своими зелёными ножками. И как будто громко-громко хрюкает: «Ври, ври, ври больше!» Я проснулась среди ночи, сунула руку под кровать. Свинья спокойно спала под кроватью.

МЫ ИДЁМ В ШКОЛУ

Зачем я взяла свинку в школу? Ведь я могла ещё, вполне могла соскрести с неё пластилин, вымыть под краном, и она стала бы, как прежде, белая и чистая, и всё было бы хорошо, и жизнь у меня была бы спокойная и счастливая. Зачем мне надо было участвовать в конкурсе? Если бы я знала, чем всё это кончится! Если бы только знала! Но я подумала: «А, пустяки! Принесу свинку на конкурс, а потом унесу её обратно, дела какие! Уже днём она будет стоять на своём подоконнике, вся беленькая, в синий цветочек.

Подумаешь, принесу её только разик в школу, и всё! Пусть все скажут, какая я талантливая. Пусть Коля Лыков хоть раз посмотрит на меня с уважением».

Утром зазвонил телефон.

— Ты готова? — услышала я в трубке Люськин тонкий голос.

— Готова. Встретимся перед подъездом.

Я вытряхнула в передней из синего мешка сапожные щётки и гуталин, сунула в него свинью и вприпрыжку помчалась по лестнице.

Люська меня уже ждала. Мы вместе пошли в школу, как ходили каждый день.

— Ты свинку не забыла?

— Нет, вот она, в мешке.

— Никогда не думала, что ты так здорово лепишь! Я твою свинку весь вечер вспоминала. Она мне даже ночью приснилась.

— Твой пионер тоже неплохой, не огорчайся.

— Нет, твоя свинка лучше.

— Знаешь, Люсь, не обижайся, я пошутила, что твои грибы на тараканов похожи.

— Между прочим, шутишь ты очень глупо! — сказала Люська.

И тут мы пришли в школу.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

На двери школы висело объявление, которого я не заметила раньше. Оно гласило:

ТОВАРИЩИ УЧЕНИКИ!
ПРОСИМ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В НАШЕМ
КОНКУРСЕ
НА ЛУЧШЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИЗ ПЛАСТИЛИНА.
НАШ КОНКУРС ПРОХОДИТ ПОД ДЕВИЗОМ
«МЫ И ПРИРОДА».
СДАВАЙТЕ ВАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПИОНЕРСКУЮ КОМНАТУ.
ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!
ЖЮРИ КОНКУРСА

Я вдруг ужасно разволновалась, у меня даже руки вспотели. Ни за что не понесу туда свою копилку, да что я, с ума сошла?!

— Сейчас понесём или после уроков? — сказала Люська.

— Нет, только не сейчас.

— Ну, тогда после уроков, — беспечно сказала Люська.

ЗА СЕМЬ МИНУТ ДО ЗВОНКА

В классе было полно народу, до звонка оставалось семь минут.

Мы с Люськой сели. Я аккуратно положила мешок на пол, а Люська поставила своего завёрнутого в бумагу и перевязанного сиреневой ниточкой пионера на парту.

— Косицына, что это у тебя? — спросил Иванов.

— Тебе какое дело? Пионер, вот что.

— Живой?!

— Сам ты живой! Из пластилина.
— Это ты на конкурс принесла? — подбежала Сима Коростылёва. — А я лепила, лепила, и ничего у меня не вышло!
— А я зайца вылепил! — сказал Юрка Селиверстов. — Вот, глядите, с морковкой!
— Ничего себе морковка! Прямо дубина!
— Сам ты, Иванов, дубина! Небось ничего не вылепил?
— Я танк вылепил с танкистом.
— Ну и не примут твой танк на конкурс!
— Ещё как примут! Я первое место займу!
— Ой, держите меня! — закричала Люська. — Люсь, ты слышала? Я, между прочим, знаю, кто первое место займёт.
— Ну кто, кто? — закричали все.
— Так я вам и сказала!
— Ну и дура! — сказал Иванов, и тут же после этих слов зазвонил звонок на урок.

«СИНИЦЫНА, КУДА ТЫ СМОТРИШЬ?»

— Синицына, куда ты смотришь? — недовольно сказала Вера Евстигнеевна. — Что там у тебя под партой?
— Ничего.
Под партой в мешке лежало моё художественное произведение, и я всё время боялась наступить на него ногой. Поэтому я решила переложить мешок в парту, а портфель поставить на пол.
— Чем ты занимаешься? — рассердилась Вера Евстигнеевна. — Что ты там возишься, не пойму?!
Она быстро подошла ко мне и откинула крышку парты:
— Этого ещё не хватало! Зачем ты положила в парту мешок с обувью?
— Там не обувь, Вера Евстигнеевна. Там моё... моя... свинка... Ой, то есть хрюшка!
— Какая ещё хрюшка? — рассердилась Вера Евстигнеевна. — Синицына, что за шутки!
— Вера Евстигнеевна, это она на конкурс принесла, — вмешалась Люська. — У неё там свинья из пластилина.
— Ах, вот как? Что же ты, Синицына, сразу не сказала? Ведь это же совсем другое дело!

ПЕРЕМЕНА

На перемене все меня сразу обступили:

— Покажи, Синицына, чего ты там слепила!

— Показывай свою свинью!

— Хитренькая какая! Все показали, а она молчит, воображает.

— Только, чур, не трогать! — сказала я. — А то вам бы всё руками хватать, знаю я вас!

— Очень надо нам твою свинью руками хватать! Небось такая страшила, что и близко не подойдёшь!

— Вот и не буду показывать.

— А ну, давай показывай! — заорал Иванов. — Нам в буфет бежать нужно!

И все заорали:

— Давай! Давай!

Пришлось мне вынуть мешок из парты.

Она там лежала, моя миленькая, бедная моя, в мешке. Я как открыла мешок, оттуда как пахнёт гуталином, как будто в мешке лежали начищенные до блеска сапоги, а не маленькая пластилиновая свинка.

Я её вытащила очень осторожно, во-первых, чтобы не повредить, а во-вторых, чтобы не тряхнуть невзначай, там ведь деньги — загремят, не дай бог.

Все ахнули.

— Ой, какая хрюшенька! — запищала Ирка Мухина. — Какая симпапулечка!

— Во даёт! — закричали все. — Ну и свинья! Прямо как живая!

И сразу протянули руки и хотели её схватить, но я закрыла свинку своим телом и сунула обратно в мешок, подальше от греха, как говорит Люськина бабушка.

— Подумаешь, какая! — скорчила физиономию Сима Коростылёва. — Свинью вылепила и развоображалась!

— И свинья-то ничего особенного! — пропищала Мухина. — Я бы тоже такую слепила, если бы захотела.

— Очень надо свиней лепить! — плюнул Иванов. — Вот танки — это я понимаю! — И помчался в буфет.

А Коля Лыков сказал:

— Отличная свинья! Ты их не слушай, Люся.

А Люська сказала:

— Просто их завидки берут.
И на этот раз она была права.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

И вот настал последний урок.

Весь урок я беспокоилась всё больше и больше. Как же мне раньше в голову не приходило, что кто-нибудь захочет взять моё художественное произведение в руки, потрогать, посмотреть поближе?.. А вдруг ему захочется потрясти свинку?

От этой мысли мне делалось страшно, я представляла себе глаза этого человека, вытаращенные от удивления. Ещё, чего доброго, испугается, выронит свинку на пол, и тут — ой, прямо ужас какой-то! — она разобьётся, и все увидят, что она внутри белая!

Нет, не понесу её. Ни за что не понесу!

«РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!»

После уроков Люська сказала:

— Ну, пошли, уже все отнесли, одни мы остались.

— Знаешь, я передумала. Не хочу я в конкурсе участвовать.

— То есть как это «не хочу»?! — закричала Люська. — Нет, Коля, ты слышишь, она в конкурсе не хочет участвовать! Всё наше звено хочет подвести, чтобы мы на первое место не вышли!

— Мне моя свинья разонравилась.

— Да замечательная свинья! — загорячился Коля. — Неси её скорей в пионерскую комнату!

— Не понесу. Её все будут руками хватать и испортят.

— Тогда надо её поставить на дощечку и написать:

«РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!»

Я обрадовалась:

— Нет у меня никакой дощечки!

Но Коля сказал: «Минуточку!» — и исчез.

Я схватила портфель, мешок со свиньёй и ринулась к дверям, но Люська вцепилась в меня, как клещ, и заорала:

— Коля, держи её!

Коля ворвался в класс и тоже заорал:

— Не могу я одновременно дощечку искать и держать Синицыну!

— Держи Синицыну! — приказала Люська. — Дощечку я сама найду.

И вот мы с Колей остались одни.

Он держал меня за руку. Очень крепко держал.

Мне почему-то стало жарко, я даже забыла о свинье.

Я сказала:

— Пусти!

— Ни за что! — сказал Коля.

— Пусти сейчас же!

— Не пущу, потому что ты убежишь!

Так мы и стояли посреди класса.

Вокруг было солнце. Весёлые пылинки плясали перед доской. Коля крепко держал меня за руку. И вдруг в класс ввалился Пашка Иванов! Он увидел нас и остолбенел:

— Чего это вы делаете?

Коля покраснел и разжал руку. Я бросилась к дверям, но Коля в два прыжка обогнал меня и загородил дверь.

— Цирк! — сказал Иванов и, вместо того чтобы забрать танк, который он забыл, развалился за партой и ехидно уставился на меня и на Колю.

И тут прибежала Люська. В руках она держала старый деревянный стул из тех, что валяются на помойках, — с гнутыми ножками, круглой спинкой и продырявленным сиденьем.

— Театр! — сказал Иванов. — Действие второе.

— Что это ты принесла? — удивился Коля.

— Сиденье надо отломать и сделать дощечку для свиньи, — сказала Люська. — Больше ничего подходящего не было.

— Держи Синицыну, — сказал Коля, — а я дощечку сделаю.

— Я её одна не удержу.

— Иванов, помоги Синицыну держать...

Теперь меня держали Люська и Иванов, а Коля выламывал сиденье.

— У меня не получается, — сказал Коля. — Очень крепко прибито.

Теперь меня держали Люська и Коля, а сиденье выламывал Иванов. Мне надоела вся эта история, и я уже думала: «А, ладно, будь что будет!»

ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА

Наконец Иванов отодрал сиденье. Коля написал на бумажке

«РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ!» и приклеил бумажку к сиденью.

— Готово! — сказал Коля. — Теперь можно нести. Вынимай свинью.

И вот я снова вытащила из мешка свою копилку, нехотя водрузила её на сиденье, и вчетвером, друг за другом, мы направились в пионерскую комнату.

Первый шёл Коля с сиденьем в руках, за ним Люська с пионером, за ней Иванов с танком.

Последняя плелась я.

В пионерской комнате было полно художественных произведений. Они стояли на столах, на полках, на окне. Даже на столик с пионерским горном поставили пластилиновую девочку, которая доила корову. Корова и девочка были сильно похожи друг на друга, а рядом стояло детское ведёрко в два раза больше коровы. Наверное, в это ведёрко девочка надоила молока.

Ещё тут были пластилиновые зайцы, медведи, примерно пять штук пионеров с корзинками, три оленя с рогами и один без рогов.

Павлик раздвинул зайцев и медведей, поставил свой танк прямо посреди конкурса и, довольный, ушёл. Сиденье с хрюшкой Коля осторожно поставил на свободное место возле окна. Люськиного пионера мы поместили рядом с девочкой с коровой.

— Ну что ж, я думаю, второе-то место он займёт, — сказала Люська, с сомнением глядя на своего пионера.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

И кончилась моя спокойная жизнь, и начались мои мучения.

Моя свинка сразу понравилась всем. Все бегали в пионерскую комнату на неё смотреть, и я вдруг стала знаменитостью.

После свиньи все бегали смотреть на меня. Во время перемен дверь нашего класса то и дело отворялась, в неё всовывались головы разных возрастов, от семи до двенадцати лет, и спрашивали:

— Где тут Синицына, которая свинью слепила?

А если я выходила в коридор, первоклассники тыкали в меня пальцами и говорили друг другу:

— Вот это её хрюшка!

Но это ещё было ничего. Потом стало хуже.

Дня через три на большой перемене в коридоре вдруг что-то жутко захрипело, откуда-то сверху, с потолка, понеслись странные звуки, как будто кашлял великан, а вслед за ними все услышали слова:

«Раз... два... три... Аллë... аллë... Тамара, ты включила?..
Включай, тебе говорю!»

Снова раздалось странное хрипение, потом тот же голос оглушительно произнёс:

«Внимание-внимание! Говорит наш школьный радиоузел!»

— Починили! — закричали ребята. — Ура! Наш школьный радиоузел починили!

«Начинаем нашу передачу, — сообщил радиоузел. —
Передаём школьные новости. Сейчас перед вами выступит

председатель совета дружины Федя Порываев».

И радиоузел голосом Феди Порываева стал рассказывать, как пионеры пятого «А» взяли шефство над детским садом, как ученики второго «Б» выпустили сатирическую стенгазету «Шпилька». И вдруг Федя сказал:

«Несколько дней тому назад в нашей школе был объявлен конкурс на лучшее художественное произведение из пластилина. В конкурсе приняли участие многие ученики нашей школы. Вчера состоялось заседание жюри конкурса. Первое место оно единодушно присудило работе ученицы третьего класса «Б» Сеницыной Людмилы».

Он ещё что-то говорил. Я не слышала — меня все бросились поздравлять. Первым подбежал Иванов. Он, видно, примчался из буфета — в руке у него был недоеденный пирожок с повидлом.

— Эй, Сеницына, слышала? Первое место! Ну, ты дала!

И Вера Евстигнеевна подошла и тоже сказала:

— Поздравляю тебя! Молодец, Люся! Я даже не ожидала!

А Люська всем громко объясняла:

— Если бы не я, она не стала бы в конкурсе участвовать! Это я её уговорила, спросите у неё! Правда, Люсь, это я тебя уговорила?

И тут ко мне подошёл Коля Лыков. Он весь сиял как начищенный пятак. Он сказал торжественно и важно:

— Спасибо, Сеницына. От всего нашего третьего звена спасибо. Ты не уронила честь нашего звена.

Я ничего не ответила. Мне хотелось только одного — улизнуть от всех и остаться одной.

— Ты чего не радуешься? — удивилась Люська. — У тебя такой вид, как будто не ты первое место заняла!

И я сказала:

— Знаешь, Люська, у меня разболелась голова.

И все сказали:

— Ой, у неё разболелась голова! Надо попросить Веру Евстигнеевну отпустить её с урока!

И Вера Евстигнеевна — чудеса! — отпустила меня с урока.

Она ласково сказала:

— Иди, Люся, отдохни немножко, погуляй на свежем воздухе, ты заслужила.

И я взяла портфель и пошла в раздевалку.

НЯНЕЧКА ТЁТЯ МАРУСЯ

В раздевалке нянечка тётя Маруся мыла пол.

Обычно она ворчала, когда ей мешали мыть, но тут она сказала:

— Проходи, проходи, милая! Это не ты Синицына из третьего «Б» будешь?

— Я...

— Ох, дочка, хорошая у тебя свинка вышла! Ты бы и мне такую слепила!

Я ответила тёте Марусе что-то неразборчивое и выскочила на крыльцо. Лицо у меня горело как огонь.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

На следующий день мне ужасно не хотелось идти в школу. Что бы такое придумать? Может, притвориться больной? Ой, кажется, у меня и в самом деле немножечко болит голова!

— Мама, — сказала я за завтраком, — можно, я не пойду в школу? У меня голова болит.

Мама потрогала мой лоб.

— Не дури, Люська, ничего у тебя не болит, температура совершенно нормальная. Просто тебе не хочется идти в школу.

— Мне? Не хочется? Очень даже хочется!

— Вот и иди... И имей в виду: скоро конец четверти, дорог каждый день.

ИНТЕРВЬЮ

Не успела я перешагнуть порог школы, как ко мне подскочил длинный, тощий парень в очках и с блокнотом в руках.

— Синицына? — спросил он грозно.

— Синицына, — испугалась я.

— Людмила?

— Людмила.

— Так. Очень рад. Воскресенский. Виталий. Собственный корреспондент нашего собственного радиоузла... Слушай меня

внимательно: сегодня на большой перемене поднимешься на третий этаж в радиорубку.

— Зачем?

— Дашь нашим радиослушателям интервью по поводу конкурса художественной лепки.

...Меня трясло весь урок. Какое ещё интервью? Что я скажу? Может, опять притвориться больной? Сказать, что у меня болит горло? Начать кашлять?

На перемене я поднялась на третий этаж и трясущейся рукой постучалась в маленькую белую дверь. Там, внутри, в маленькой полутёмной комнате сидел и, как видно, меня ждал этот тощий Виталий.

— Ты почему так долго?! Давай быстрее! Садись сюда. Я буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай.

Я сказала сдавленным голосом:

— Я не могу. У меня горло болит.

— Это не страшно, — сказал Виталий. — У нас хорошие усилители. Главное, не волнуйся.

— Да не могу я! — зашептала я хриплым шёпотом и изо всех сил замотала головой.

— Тихо! — поднял руку Виталий. — Начинаю передачу...

Он повернул какую-то ручку и гнусавым голосом сказал:

— Внимание-внимание, говорит наш школьный радиоузел...

Я как крикну:

— Не буду я говорить! Меня никто не услышит!

Виталий сделал страшные глаза, замахал руками и важно сказал в микрофон:

— Дорогие друзья! Сейчас перед вами выступит победительница конкурса по художественной лепке, ученица третьего класса «Б» Синицына Людмила... Скажи, пожалуйста, Людмила, это правда, что ты заняла первое место?

Я молчала.

— У Людмилы болит горло, и к тому же она очень скромный человек, — сообщил по радио Виталий. — Скромность украшает человека, но все-таки скажи нам, Людмила, какую работу ты представила на конкурс?

Молчать и дальше было невозможно.

— Свиною, — сказала я хрипло.

— Ах, вот как?! — обрадовался Виталий. — А объясни нам, пожалуйста, почему ты представила на конкурс именно это домашнее

животное?

— Ну, потому, что люблю свиней.

— Очень интересно! А поделись, пожалуйста, Людмила, с нашими радиослушателями, как ты лепила свою... своё художественное произведение.

— Очень просто. Взяла и слепила.

— С натуры?

— С чего?

— Я хочу сказать, со свиньи или не со свиньи?

— Ещё бы, конечно, со свиньи!

— А где ты её видела?

— Как где? Мне тётя Рая из Германии привезла...

Ой, что я сказала!.. Я обеими руками зажала рот.

Но Виталий не растерялся:

— Ха-ха-ха! Какая остроумная шутка! Наверно, ты поехала поглядеть на неё в...

— Ну конечно, я поехала поглядеть на неё в зоопарк и вылепила такую же!

— Ха-ха-ха! — снова рассмеялся деревянным смехом Виталий, поглядел на меня и скорчил такую страшную рожу, что у меня похолодело внутри. — Ха-ха-ха! Да ведь все мы знаем, что в зоопарке водятся только дикие свиньи — кабаны!

Тут у меня внутри всё обожгло. Надо было что-то говорить, надо было срочно выходить из положения!

— А она и была дикая, — пробормотала я. — Но я... я взяла над ней шефство, стала за ней ухаживать и приручила её...

Тут Виталий прямо чуть не задохнулся. Наверное, целую минуту он молча, с вытаращенными глазами глядел на меня, но потом спохватился и сказал в микрофон деланно весёлым голосом:

— Дорогие радиослушатели, как видите, Людмила Синицына не только лучший скульптор школы, но и обладает к тому же неплохим чувством юмора... Ну что же, расскажи нам, Людмила, поподробнее — ха-ха-ха! — как ты приручила дикую свинью?

Что мне оставалось делать? Пришлось врать и дальше:

— Гладила её, рассказывала ей сказки, кормила три раза в день...

Пока я говорила, губы у меня были словно деревянные. Я слушала свой голос как будто со стороны и поражалась: «Что я несу?! Господи, что я болтаю?!» Но остановиться уже не могла.

— Чем же ты её кормила?

— Чем кормила? Сметаной, манной кашей, бутербродами... Она была злая и дикая, а стала толстая и добрая. И тогда я взяла её и вылепила.

— Ну, что же, благодарю за остроумное интервью, — злобно на меня глядя, сказал Виталий. — Вполне возможно, что Людмила могла бы занять первое место и в конкурсе на лучшую шутку. На этом мы нашу передачу заканчиваем.

Он выключил своё проклятое радио и как зверь напустился на меня.

— Ты что тут порола?! — орал он. — Ты что, ненормальная? Не понимаешь, что нас вся школа слушала?! Могла бы оставить при себе свои идиотские шуточки! — Он схватился за голову и простонал: — Что теперь будет! Ой, что будет!

Но тут дверь в радиорубку распахнулась, и в неё вбежала наша старшая пионервожатая Тамара.

— Синицына, это потрясающе! — с порога закричала она. — В жизни ничего смешней не слышала! Как ты там сказала — сметаной и бутербродами?.. В учительской такой хохот стоял! Ты прямо всех до слёз насмешила!

ДЕЛЕГАЦИЯ ПЕРВОКЛАСНИКОВ

На следующей перемене ко мне явилась делегация первоклассников. Они хотели пойти в зоопарк посмотреть на ручную свинью и спрашивали, с чего надо начинать, чтобы приручить пантеру.

Вам смешно? А мне было не до смеха. Они ходили за мной по пятам и требовали, чтобы я рассказала им, в какой именно клетке находится моя свинья и какую еду надо взять для пантеры.

Пришлось им сказать, что моя свинья так растолстела, что перестала помещаться в клетке, и её отправили на ВДНХ в павильон животноводства. А чтобы они не отправились туда, я объяснила им, что в данный момент свинья заболела гриппом и просила к ней никого, кроме меня, не пускать.

Интересно, когда закроется эта выставка? Я не могу больше врать. Я устала от вранья.

«ЛЮСЯ, ОЧНИСЬ!»

Ну когда же, когда закроется эта выставка? Я жду целую неделю, а она всё не закрывается.

Уже целую неделю я плохо сплю и совершенно потеряла аппетит.

Я не выхожу во двор. Я не хочу видеть ни Люську, ни Колю Лыкова. Когда Коля подходит ко мне на перемене, я делаю вид, что забыла что-то в классе, бегу в класс и долго роюсь в портфеле, чтобы только не разговаривать с ним, не видеть его глаз.

После уроков я не жду теперь Люську, а мчусь домой одна.

Дома мне не лучше. Мама пристаёт ко мне, почему я ничего не ем, почему верчусь по ночам как сумасшедшая на своей кровати и с криками просыпаюсь среди ночи?

Папа уверяет маму, что я переутомилась.

— С чего это ей переутомляться? — удивляется мама. — Что она, учится прекрасно? Или много читает? Ты же сам знаешь, какого труда стоит её усадить за книгу!

— Да, — соглашается папа, — это верно. Но, может быть, ей с трудом даётся учёба? Погляди, какая она стала бледная! Какая странная! О чём она всё время думает? Вот, обрати внимание, я говорю сейчас, а она меня не слышит. Уставилась в одну точку... Эй, Люся, о чём ты думаешь? Очнись!

Я вздрогнула:

— Что? Папа, ты, кажется, что-то сказал?

Перед моими глазами на деревянном сиденье плавала зелёная пластилиновая свинья. Глазки у неё были хитрые и недобрые. Она щурилась и подмигивала мне: «Ври! Ври! Ври больше!»

Вокруг толпились люди. Они протягивали к ней руки, они трогали её, несмотря на надпись.

И вдруг какой-то мальчишка схватил её!

«Поглядите, что сейчас будет! — закричал мальчишка. — Выступает ручная дрессированная свинья! Алле-гоп!»

И мальчишка размахивается и подкидывает свинью к потолку.

И на глазах у всех — тут я зажмуриваюсь — она грохается на пол — оглушительный удар! — разваливается на куски, снаружи зелёные, а внутри белые, и из неё выскакивают двадцать копеек и катятся, катятся, катятся... со звоном катятся через всю пионерскую комнату!

Общий крик ужаса!

— По-моему, её надо показать врачу, — говорит папа. — Ты разве не видишь, Лида, с нашей дочерью творится что-то странное!

ВЕРА ЕВСТИГНЕЕВНА ВЫЗЫВАЕТ МАМУ

На уроках я теперь часто вскакивала и просилась выйти. Вера

Евстигнеевна смотрела на меня с большим удивлением, но отпустила.

Я мчалась в пионерскую комнату.

Мне казалось, что если я сейчас же не добежу до неё, не открою дверь, то кто-нибудь обязательно уронит свинью на пол.

— Знаешь, Люся, попроси, пожалуйста, маму обязательно зайти в школу, — сказала Вера Евстигнеевна. — Мне надо с ней поговорить.

Час от часу не легче!

О чём она хочет с ней говорить?

Я веду себя последнее время хорошо, не болтаю на уроках, не верчусь по сторонам... А вдруг Вера Евстигнеевна расскажет маме о свинье? Вдруг поведёт в пионерскую комнату?!

— Синицына, — сказала Вера Евстигнеевна, — сколько можно повторять, я ведь уже дважды вызывала тебя к доске! О чём ты думаешь?

РАЗГОВОР С МАМОЙ

— Я не понимаю, почему ты отдала свинку Люсе? Ведь это подарок? — спросила мама.

— Я не насовсем. Она поиграет и отдаст.

— Но она уже целую неделю не возвращает! А вдруг придет тётя Рая, спросит, где свинка, и получится как-то неудобно, обидится ещё!.. Знаешь, попроси, пожалуйста, Люсю, чтобы она завтра же свинку вернула.

— Ладно, мама. Попрошу.

Завтра выставка наконец закрывается.

Завтра свинья, слава богу, снова будет у меня в руках.

Завтра начнётся нормальная жизнь. Скорее, скорее бы наступило это завтра! Ещё немножко, и я сойду с ума. Я думаю только о свинье. Она всюду мне мерещится. Мне нет покоя ни днём ни ночью. Ночью она снится мне во сне. Днём — наяву.

Я больше не могу так жить.

ЗАЧЕМ ОН ТАК СКАЗАЛ?

Коля Лыков ходит очень довольный. Он сказал мне, что смотрит на меня теперь новыми глазами.

— Ты так здорово лепишь, а никогда никому об этом и слова не сказала. Я тебя за это уважаю.

Зачем он так сказал?!

— А ты знаешь, Коля, — очень медленно сказала я, — это ведь неправда. Я лепить совсем не умею.

— А как же ты такую замечательную свинью вылепила? — удивился Коля.

— А вдруг это не я её вылепила? Вдруг она готовая была?

— Таких свиней готовых не бывает! Ты, Люся, молодец! Просто молодец!

— Да чего ты заладил — «молодец, молодец»! А вдруг её в магазине купили... за границей... и мне подарили?

— В магазине? За границей?! — Тут Коля захохотал как сумасшедший. — Ну, Синицына, ты даёшь!.. В магазине, ха-ха-ха!.. За границей!

Вот и разговаривай с ним!

...Ох, ну когда же настанет ЗАВТРА!

НОВОСТЬ

Я шла в школу и думала об одном: сегодня кончатся мои мучения. Сегодня. Наконец наступило это СЕГОДНЯ.

Сегодня после уроков я войду в пионерскую комнату.

Положу мою копилку в мешок из-под гуталина.

Принесу её домой, соскоблю с неё пластилин, вымою в ванной, буду тереть мочалкой целый час, чтобы она снова стала такая, как была, чтобы всё стало как было.

Потом я поставлю её на окошко, чтобы солнце светило в её блестящие белые бока, чтобы никто не приставал ко мне больше, не поздравлял и не восхищался.

Чтобы никто не говорил, какая я талантливая.

Чтобы мама обрадовалась и сказала:

«Вот молодец, что взяла её у Люси, ведь сегодня приедет тётя Рая!»

И приедет тётя Рая, и скажет:

«Ну, как там наша свинка? Не разбила ты её?»

И я скажу:

«Нет, не разбила».

И всё будет как раньше.

Как будто никогда и не было этого ужасного конкурса!

Как будто я не занимала первого места!

Как будто меня никто не хвалил и не поздравлял!

Никто!
Никогда!
Никогда!
Не было этого, и всё.
Не было.

В раздевалке ко мне подбежал сияющий Коля:
— Люся, ты ещё не слышала новость?! Тебя рекомендовали на районную выставку!

Я ПЛАЧУ...

Я посмотрела на Колю.
Я ничего не сказала, только посмотрела, и всё.
Портфель сам собой выскользнул из моих пальцев.
Солнце било мне в глаза. Я их закрыла.
— Что с тобой? — сказал Коля. — Ты разве не рада?
— Р... рада...
— Ты чего?! — испугался Коля. — Синицына, ты чего?! Плачешь ты, что ли?
— Я? И не думаю!
Я отвернулась от Коли, уткнулась носом в чьё-то пальто, обхватила его руками... и заревела в полный голос.
— Да что с тобой?! Люсь, перестань! Ну пожалуйста, перестань! Ну что с тобой? Все же смотрят!
Но я не могла остановиться.
Я обнимала чьё-то серое пальто, потом влезла в него с головой и плакала навзрыд в его тёмной серёдке. Как хорошо, что мне не видно было ни Коли, который дёргал меня за рукав, ни двух первоклассников, которые говорили друг другу: «Гляди-ка, в третьем, а ревет!» — ни солнца в окне, ни галош на полу...
— Слушай, немедленно пойдём отсюда! — сказал Коля. — Если ты не можешь идти в класс, пойдём на улицу!
Он схватил меня за руку и силой поволок на крыльцо.
— Пойдём в тот скверик, — сказал Коля. — Пошли скорей, пока нас никто не видит.

...И ПРИЗНАЮСЬ ВО ВСЁМ КОЛЕ

Мы сидели в сквере на лавочке. Я всхлипывала и вытирала лицо Колиным платком. Рядом кружились и гулькали голуби.

— Ну, говори, — сказал Коля. — Рассказывай, почему ты плачешь?

Я набрала в лёгкие побольше воздуха. Глотнула его, как будто шла на дно.

— Коля... я всех обманула... Я не лепила эту свинью.

— Как не лепила?! — испугался Коля. — А кто же её лепил?

— Она была готовая. Я её пластилином обмазала.

— Как... обмазала?

— Вот так. Взяла и обмазала. Мне хотелось первое место занять.

Коля смотрел на меня во все глаза. Он был белый как мел.

— Синицына, ты не шутишь? — тихо сказал он.

— Не шучу.

— Что же теперь делать?

— Не знаю.

Коля вскочил.

— Что же мы тут сидим? Ведь её могут сейчас увезти на районную выставку! Синицына, что же мы сидим?! Надо её немедленно оттуда взять! Понимаешь, немедленно!.. А ну, вставай! Бежим в школу!

И мы бросились в школу.

В ШКОЛЕ

В школе было тихо.

В пустых коридорах слышно было, как за дверьми классов что-то гулко и неразборчиво говорили учителя, сверкали навощённые полы, портреты отличников учёбы провожали нас строгими взглядами.

Задыхаясь, мы добежали до пионерской комнаты.

Пионерская комната была закрыта.

Коля изо всех сил затряс дверь.

— Эх, закрыто!.. Что же делать?

— Может, в окно влезть?

— В окно? Что же, получится, что мы воры?

— А в дверь? Тоже ведь воры.

— Эх! — сказал Коля отчаянно. — Воры так воры! В окно так в окно!

И мы помчались на улицу, в школьный двор, куда выходило окно пионерской комнаты. А выходило оно в школьный сад, рядом росли деревья, и не было, к счастью, никого, кто бы мог нас увидеть.

Окно пионерской комнаты тоже оказалось закрыто, зато форточка была распахнута настежь.

Не знаю, как это вышло, до сих пор я ни разу в жизни не лазила в форточку и не знала, как это делается, но только через несколько минут мы с Колей уже стояли посреди пионерской комнаты. Я держала в руках свинью, а Коля дрожащими руками пытался развязать мешок для обуви, который, как назло, не развязывался.

— Ладно, плевать! — сказал Коля. — Понесём так.

И вдруг в этот самый момент — мы окаменели — в дверях кто-то звязкал ключом и голос старшей пионервожатой Тамары сердито сказал:

— Опять заело, ну что ты будешь делать!

Мы с Колей поглядели друг на друга, потом оба уставились на дверь, потом на форточку, но с места не сдвинулись. Похоже было, что мы оба приросли к полу.

— Ну вот, наконец...

Дверь распахнулась, и вошла Тамара.

Вошла и тоже окаменела.

Теперь в пионерской комнате стояло три каменных изваяния. Можно было подумать, что мы все трое тоже художественные произведения, но только большие, в человеческий рост. На лицах двух произведений был изображён ужас. Лицо третьего, с открытым ртом и вытаращенными глазами, выражало крайнюю степень изумления.

— Гм, — наконец сказала Тамара, закрыв рот. — Синицына, Лыков, как вы сюда попали?

— Да вот... зашли, — сказал Коля.

— Каким образом?

— В окно, — беспечно сказал Коля, только уши его пылали, как два фонаря. — Дверь-то закрыта была...

— Интересно, — с подозрительным и хмурым видом сказала Тамара. — В окно, значит, зашли?.. Ну, Лыков, от тебя я этого не ожидала!.. А что вы, собственно говоря, здесь делаете?

— Мы?.. Смотрим вот это художественное произведение... Вот она смотрит... Она по нему соскучилась.

Я принялась вертеть в руках пластилиновую свинью, делать вид, что ужасно по ней соскучилась. Я даже, кажется, стала гладить её по спине.

— Синицына, положи экспонат на место, испортишь! Сегодня мы отправляем его на районную выставку.

Я подняла голову.

— Тамарочка! — сказала я умоляюще. — Знаешь что, можно я её

заберу? Я не хочу, чтобы её отправляли!

— То есть как это заберёшь?!

— Она плохая, понимаешь?

— Как это плохая?! Она же у нас первое место заняла!

— Ну и что? — сказал Коля. — Это ошибка была. Ты погляди только, какая она плохая! Просто смотреть тошно! Нет, надо её забрать! Суй её, Синицына, в мешок!

— Как так «суй в мешок»? — возмутилась Тамара. — Синицына, а ну, отдай свинью, а то я сейчас тётю Марусю позову!.. Тётя Маруся! Тётя Маруся!

Она стала одновременно звать тётю Марусю и вырывать мешок у меня из рук. Она была длинная, и пальцы у неё были цепкие, как клещи. Она вцепилась в мою свинью, но я рванула копилку к себе и кинулась к дверям.

— Беги! — крикнул Коля и преградил Тамаре путь.

— Отдай! — завопила Тамара. — Я директору пожалуюсь! Николай Васильевич! Николай Васильевич! Тётя Маруся!

— Иду-у! — В дверях, перед самым моим носом, выросла дородная фигура тёти Маруси в синем халате.

Тётя Маруся растопырила руки, и я уткнулась носом прямо в её большой нагрудный карман.

— Попалась! — крикнула тётя Маруся. — А ну, говори, чего хулиганила?!

И тут затрещал звонок.

КОНЕЦ ЗЕЛЁНОЙ СВИНЬИ

Нечего и говорить, что через две минуты в пионерской комнате было уже полно народу.

— Они хотели экспонат похитить, а я не дала! — объясняла всем Тамара. — Представляете, они в форточку влезли, они хотели наше лучшее художественное произведение украсть!

— А на вид такие смирные! — качала головой тётя Маруся. — Эх, пороть вас некому!

— Да мы вовсе не украсть! — волновался Коля. — Это ведь её свинья, собственная. Что хочет, то и может с ней делать!

— Её? Как бы не так! Этот экспонат первое место занял! Он уже всей школе принадлежит! Мы его на районную выставку отправляем!

Мне вдруг всё надоело, и эта бестолковая Тамара, и этот шум в

пионерской комнате, и эта проклятая зелёная моя мучительница...

— Никуда вы её не отправите, — тихо сказала я. — Дай-ка, Тамара, мне её на минутку. Не бойся, честное слово, всего на минутку!

— А ты не убежишь?

— Не убегу. Если хочешь, можешь меня держать.

— Тогда на, — сказала Тамара. — Но только на одну минутку!

Я взяла в руки мою зелёную свинку.

— Я сейчас покажу вам один маленький фокус, — сказала я. — Вот, смотрите... — И я размахнулась и изо всей силы бухнула зелёную свинью об пол.

КОНЕЦ ВСЕЙ ИСТОРИИ

Мы с Колей шли из школы.

Светило солнце. Прыгали в лужах воробьи. Была весна, конец последней четверти. В одной руке я тащила портфель, в другой — мешок из-под гуталина, в котором лежали два белых фарфоровых черепка, обмазанных сверху зелёным пластилином.

— Завтра вся школа узнает, — говорил Коля.

— Ну и пусть узнает!

— Тебя дразнить будут.

— Ну и пусть дразнят! Так мне и надо!

— Слушай, а может быть, зря ты это сделала? Ведь никто бы не узнал ничего, а?

— Нет, не зря. Сам знаешь, я сделала это не зря.

— Да, — сказал Коля и повторил задумчиво: — Да, ты сделала это не зря.

Я шла, размахивая мешком.

Завтра вся школа будет говорить, какая я обманщица. Все, все, все, от первоклассников до директора школы, узнают об этом. Ну и пусть! Так мне и надо!

А сейчас у меня на душе было легко и весело. Как будто тяжёлый груз свалился с моей души, и груз этот лежал сейчас в мешке из-под гуталина.

Никогда! Никогда в жизни я не буду больше обманывать!

БАРЫШНИ ЛЮСИ

«ЧТО ЖЕ ВЫ СИДИТЕ?»

— Дети, слушайте меня внимательно! — сказала Валентина Ивановна, начальник нашего жэка. — Сегодня к шести приходите в красный уголок. У меня к вам дело есть.

В шесть часов мы в полном составе явились в красный уголок.

За столом, покрытым зелёной бархатной скатертью, сидела Валентина Ивановна.

— Присаживайтесь, — сказала она. — Разговор будет.

Мы сели на клеёнчатый диван.

— Ну? — сказала Валентина Ивановна, строго на нас глядя. — Так как? Долго ещё в бирюльки играть будем, в мячики там всякие, в попрыгунчики? Вон какие дети большие стали, а толку от вас никакого!

— Мы в озеленении двора участвовали, — храбро сказала Люська. — Два дерева во дворе посадили и пять кустов смородины.

— И шашечный кружок организовали, — сказал Петька. — Мы теперь круглые дни в шашки играем.

— То-то и оно, что играете, — сказала Валентина Ивановна. — Одни игры у вас на уме. Что двор озеленяли, это хорошо, но этого мало. Больше надо взрослым помогать! Вы уже сознательные!

— Да мы с удовольствием! Скажите нам, что сделать, мы и сделаем.

— Всё им говори! — воскликнула Валентина Ивановна. — Как маленькие всё равно! Никакой самостоятельности! Вы, например, задумывались, сколько в нашем дворе проживает пенсионеров?

— Задумывались, — сказала Люська.

— И к какому выводу пришли?

— Ни к какому, — сдалась Люська.

— То-то и оно, что ни к какому. А между прочим, среди этих пенсионеров есть одинокие и инвалиды. Понятно, к чему клоню?

— Понятно, — сказала Люська, хотя ей, как и всем, ничего не было понятно.

— Так что же вы сидите сложа руки? Люди одинокие, больные живут, помочь им некому, а вы прохлаждаетесь, баклуши бьёте, в классики скачете!

Она вынула из стола какую-то бумагу:

— Вот список наших пенсионеров. Возьмите над ними шефство. Помогать по хозяйству им будете, в аптеку бегать и так далее. Этим вы окажете большую помощь нашему обществу, ясно?

— Ясно.

Все стали по очереди подходить к столу и прикрепляться к пенсионерам. Мы с Люськой подошли последние, и тут обнаружилось, что в списке остался всего один пенсионер — Каблуков Владимир Иванович.

— Вот и ладно, помогайте ему вдвоём, — сказала Валентина Ивановна. — И не откладывайте. Идите сегодня же.

«ВРЕДНЫЙ ПЕНСИОНЕР»

И мы отправились к пенсионеру Каблукову.

— И так времени нету, — ворчала по дороге Люська. — То уроки, то школа, то бабушке картошку чисть, а тут ещё пенсионеры всякие!.. Когда же, спрашивается, гулять?

— Интересно, что он нас заставит делать? А вдруг пол мыть?

— Пол — ещё ничего. Как бы бельё стирать не заставил!

Мы поднялись на третий этаж и позвонили в дверь.

— Дома нету, — обрадовалась Люська.

Но тут за дверью послышались шаркающие шаги, и дверь открылась.

Перед нами стоял высокий худой старик в домашней вельветовой куртке, в шарфе, замотанном вокруг шеи.

— Здравствуйте. Вы товарищ Каблуков?

— Да... Я Каблуков, — улыбнулся старик. — А вы кто такие, барышни?

— Мы из нашего двора. Нас к вам в жэке прикрепили.

— В жэке прикрепили? — весело поднял брови старик. — Зачем, позвольте спросить?

— Велели вам по хозяйству помогать.

Густые брови старика вдруг сразу опустились, вид у него стал насупленный, даже сердитый.

— Хм... — сказал старик. — Велели!.. Что значит «велели»?

— Да, велели... Сказали, всем одиноким и инвалидам...

Старик не дал нам договорить:

— Вот что? Но я, между прочим, никого ни о чём не просил. Так и передайте в жэк. Желая здравствовать!

И не успели мы опомниться, как дверь захлопнулась перед самым

НАШИМ НОСОМ.

Минуты две мы стояли с открытыми ртами, потом Люська скорчила рожу и покрутила пальцем возле лба:

— Того! С приветом!

— Правда что! Не хочет, и не надо! — сказала я. — Ему же хуже!

И мы пошли к Валентине Ивановне.

— Валентина Ивановна, а пенсионер Каблуков нас выгнал! Он такой вредный!

Мы думали, Валентина Ивановна рассердится на пенсионера Каблукова, а она рассердилась на нас.

— Неужели выгнал?! — закричала она и даже всплеснула руками. — Что же вы такое сказали старику? Чем обидели? Нет, так дело не пойдёт! Завтра же отправляйтесь к нему снова и извинитесь. Да разговаривайте

повежливей, пообходительней. Старики народ обидчивый. К ним подход нужен!

БУМАЖНЫЕ ЛЯГУШКИ

— Интересное кино! — сказала Люська, когда мы вышли из жэка. — Нас выгнали, и мы же ещё извиняться должны! За что извиняться-то, ты поняла?

— Не-а...

— А вдруг мы извиняться станем, а он нас опять выгонит?

Но делать было нечего. На следующий день мы снова потащились к пенсионеру Каблукову.

В этот раз мы ещё дольше ждали за дверью. Открыла нам женщина в белом халате и, ничего не говоря, повернулась и пошла в комнату.

— Владимир Иванович, к вам дети какие-то, — услышали мы.

— Эй, кто там? Входите!

Мы робко вступили в комнату.

Пенсионер Каблуков с закатанным по плечо рукавом сидел на кушетке. Врач мерил ему давление.

— Опять пришли? — сказал пенсионер Каблуков. — Ну, коли так, подождите...

Вид у него на этот раз был не такой сердитый, и мы приободрились и стали ждать, когда врач напишет рецепты и уйдёт.

Наконец дверь за врачом захлопнулась. Пенсионер Каблуков вернулся в комнату.

— Ну, упорные барышни, всё-таки решили мне помогать?.. С чего же начнём? Обои будем клеить? Полы мыть? Сапоги тачать?

— Мы сапоги не умеем! — испугались мы. — Давайте лучше пол вымоем!

— А чего его мыть? Он чистый, я его подметал сегодня.

Мы испугались, что сейчас Каблуков опять нас выгонит, и встали.

— Извините нас, пожалуйста, — сказала Люська.

— За что?!

— За то, что вы нас в тот раз выгнали. Нас Валентина Ивановна ругала. Велела, чтобы мы у вас прощения попросили.

Пенсионер Каблуков снова поднял брови. Целую минуту он разглядывал нас, а потом сказал:

— А ну, идите-ка, барышни, сюда! Садитесь, садитесь на кровать, не

бойтесь!

Мы осторожно присели на краешек. Брови у Каблукова были лохматые, сердитые, а глаза, наоборот, светлые-светлые, прозрачные, как вода!

— А у вас давление? Вы заболели, да? — пробормотала Люська, съёживаясь под его пристальным взглядом.

— Пустяки! — махнул рукой Каблуков.

— А давайте мы в аптеку сбегаете?

— Пустяки, — снова сказал пенсионер Каблуков. — Вы мне лучше скажите, как вас зовут?

— Люси.

— Вот это здорово! А ну-ка, барышни Люси, подайте-ка мне эти бумажки!

Мы протянули ему рецепты. Он взял их и принялся как-то чудно складывать. Руки у него были бледные, с коричневыми пятнышками и немножечко дрожали. Мне вдруг ужасно захотелось их погладить! У моего дедушки Серёжи были такие руки.

— Раз, два, три, — сказал пенсионер Каблуков, сделал ещё одно движение... и вдруг рецепты на наших глазах превратились в маленьких белых лягушек! — Квак! — улыбнулся Каблуков, и одна лягушка прыгнула на меня, а другая — на Люську!

— Ой! — засмеялись мы с Люськой.

— Это ваши, — сказал пенсионер Каблуков. — А теперь, милые барышни, идите домой, вас там мамы ждут не дождутся. А товарищам в жэке передайте спасибо и скажите, что старику Каблукову ничего не надо, он всем доволен.

ГВОЗДЬ С ПОЛОТЕНЦЕМ

Во дворе мы встретили братьев Кармановых. Они тащили полную авоську картошки. Рядом шагала Петька.

— Куда вам столько картошки? — удивились мы.

— Это не нам, — сказали братья. — Это нашей подшефной, бабушке Митрофановой. Она из картошки оладьи печёт. Эх и вкусные!

— Подумаешь! — сказал Петька. — Мы с Николаевой Зоей Кузьминичной вместе суп ели! Я у неё кухню подмёл и гвоздь в ванной заколотил. Мы на гвоздь полотенце вешали.

— Дело какое — гвоздь! — закричали братья. — Мы у бабушки

Митрофановой ковёр с балкона вытрясли. Вот такой, огромный!.. А вы, Сеница с Косицей, чего у вашего дядьки сделали?

— Чего сделали, то и сделали, — нахмурилась Люська.

— Много будете знать, скоро состаритесь, — сказала я. — Пошли, Люсь, некогда нам на разговоры время тратить!

И мы пошли, держа в ладонях маленьких бумажных лягушек, и нам казалось, что снег под нашими ногами тихонько поквакивает.

— Нет, я так не согласна, — вдруг сказала Люська. — Все помогают, а мы что, рыжие, что ли?

— Да ведь он говорит, ему не надо ничего.

— Как так не надо? Всем надо, а ему не надо? Чудной какой-то!

— Он не чудной, — сказала я. — Не понимаешь ты. Он гордый, просить никого не любит.

— Тогда надо придумать что-то, на хитрость пойти. Ведь он нам даже лекарство не разрешил купить!

И тут я остановилась и хлопнула себя по лбу варежкой:

— Люська, а мы и без разрешения купим!

— Не дадут без рецептов...

— Да вот же наши рецепты! — замахала я в воздухе лягушкой, и мы помчались в аптеку.

ДВЕРЬ НЕ ОТКРЫВАЕТСЯ

В аптеке нам сказали, что лекарство будет готово через день, в три часа.

Через день, ровно в три, мы были в аптеке, а ещё через двадцать минут стояли возле двери пенсионера Каблукова.

— Звони ты, — сказала Люська. — Я боюсь.

— Трусиха!

Я храбро нажала на кнопку звонка. Честно говоря, я и сама немного трусила.

— Не открывает. Наверно, догадался, что это мы. А вдруг он снова рассердится? Может, убежать, пока не поздно?

— А мы лекарство ему отдадим и убежим.

Дзынь! — ещё раз звякнул звонок.

За дверью была тишина.

Может, он ушёл? Вдруг в аптеку?

Мы позвонили ещё и ещё, но дверь не открывалась. За нею слышалось

тихое бормотание радио.

— Он радио слушает. Надо кулаком постучать.

Мы принялись колотить в дверь кулаками.

— Чего стучите? — открыла дверь соседка из другой квартиры. — Владимира Иваныча в больницу увезли. Мы ему ночью «неотложку» вызывали.

Лекарство выпало из Люськиных рук.

— А вы кто ему будете? — сказала соседка.

— Мы?.. Никто.

— Жалко. Я думала, родственники. В больницу надо съездить к старику, навестить.

— Мы съездим! — затрясла головой Люська. — Мы навестим!

— Обязательно съездим! А как же! Только скажите, пожалуйста, где эта больница?

— Не догадалась я спросить, — сказала соседка. — Вы уж разыщите как-нибудь...

МЫ ПЕЧЁМ ПИРОГ

— Бедный Владимир Иваныч! — сказала Люська. — Если бы мы сразу лекарство принесли, он бы, может, и в больницу не попал. Э-эх!

— И где мы эту больницу найдём? В Москве их знаешь сколько!

— Да его, наверно, на Малую Семёновскую повезли, там больница большая, пойдём туда?

— Поздно сегодня, нам уроки ещё делать. Давай завтра его навестим? И потом, в больницу обязательно надо передачу нести. Что-нибудь вкусненькое, кисель какой-нибудь, апельсины...

— Где же мы их возьмём? Давай лучше Владимиру Ивановичу пирог испечём!

— А ты умеешь?

— Я видела, как бабушка пекла.

...Через десять минут мы месили на кухне тесто.

— Дрожжи есть у вас? — спросила Люська.

— Нету.

— Тогда надо в пирог соду положить.

Я принесла из ванной коробку соды.

— Дурочка, это стиральная!

— А надо какую?

— Питьевую.

Я полезла в кухонный шкаф, вытащила оттуда небольшую розовую коробочку и высыпала её содержимое в тесто. Потом мы насыпали в тесто целый пакет сахарного песка, чтобы пирог вышел послаще, набухали туда побольше изюму и поставили пирог в духовку.

Через полчаса пирог был готов. Он был круглый, как колесо, и румяный, как солнце. Из него во все стороны торчали изюминки.

— Наверно, Владимиру Иванычу понравится, — сказала Люська.

— Ещё бы! — сказала я. — Он, как наш пирог попробует, сразу поправится!

МЫ ИДЁМ В БОЛЬНИЦУ

На следующий день после школы мы отправились в больницу.

Кроме пирога, мы несли банку клюквенного киселя, который сварила Люськина бабушка.

А ещё мы взяли Урана. Владимир Иваныч сразу развеселится, когда увидит, как наш Уран служит на задних лапах!

Втроём мы вошли в приёмное отделение.

У окошка справочной стояла нарядная дама.

— Молодцы, девочки, какие! — заулыбалась дама. — Мамочку пришли проведать?

— Нет, не мамочку...

— А кого же? Тётю?

— Ну почему тётю? Мы дядю пришли проведать. Вернее, дедушку.

— Кого?!

Дама подняла брови и вдруг звонко расхохоталась:

— Ну и шутницы! Ох и насмешили!.. А ну, скажите честно, кого вы хотите — братика или сестрёнку?

Мы переглянулись. Должно быть, у этой дамы в голове не всё в порядке.

Потом мы сунули головы в справочную:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Каблуков в какой палате лежит?

— Сейчас посмотрим... Как инициалы?

— В. И.

— Та-а-ак... — Медсестра быстро проглядела длинный список.

— Когда поступила?

— Вчера... поступил.

— Каблукова... Каблукова... Такой нет. А вы не спутали? Может, Каплунова Валентина Ивановна? Вот. Девочка. Здоровенькая. Пятьдесят один сантиметр. Поздравляю! Всё в порядке!

Что они, сговорились, что ли?!

— Да нам не девочка, нам дедушка нужен! Нормального роста! Каблуков Владимир Иванович!

Медсестра на минуту застыла со списком в руках, а потом заулыбалась:

— Милые вы мои! Да где же вы своего дедушку ищете? У нас роддом, тут деток рожают!

— А где же нам дедушку найти? Его на «скорой помощи» вчера в больницу увезли.

— Это надо в пункт неотложной помощи звонить, там скажут. Погодите, я сама позвоню... — Вот, — сказала она, когда кончила говорить по телефону. — Я тут вам всё записала. Третья Зелёная, дом сто. Отсюда на автобусе остановки три.

— Большое спасибо, — сказали мы с Люськой.

У БОЛЬНИЧНЫХ ВОРОТ

Доехать до больницы оказалось делом пустячным.

Через двадцать минут мы были у больничных ворот, а ещё через десять знали, что Владимир Иванович лежит во втором корпусе, на первом этаже, в пятой палате.

Но вот беда, в проходной нас остановили:

— Куда с собакой?!

— К больному, Каблукову.

— Шутите?! Кто в больницу с собакой пропустит? А ну, уходите, не стойте на пути! — И сторож повернулся и загородил нам вход своей широкой ватной спиной.

— А вот и пропустят! Спорим?

Люська показала язык ватной спине сторожа, и мы побежали вдоль забора к другому входу.

— Давай завернём Урана в пальто! Скажем, апельсины несём дедушке! Я сняла пальто, мы завернули в него Урана и понесли.

— Чего это вы несёте? — подозрительно спросила сторожиха.

— Апельсины.

— Куда так много?

— А наш дедушка, кроме апельсинов, ничего не ест, — сказали мы, пятясь задом, потому что Уран вытащил из-под пальто хвост и махал им в воздухе.

Но тут мы нечаянно зацепили Ураном за дверь. Уран громко взвизгнул... и мы снова оказались на улице.

ЛЕЗЕМ ЧЕРЕЗ ЗАБОР

— Не огорчайся, Люська, — сказала я. — Ещё не всё потеряно. Можно и через забор перемахнуть.

Вдоль каменного больничного забора росли густые ветвистые деревья. Запросто перелезем! Нас и не увидит никто!

Но Уран не хотел лезть через забор.

— Тогда перепрыгни, — уговаривала его Люська. — Разбегись посильнее и р-раз!

Но вредный Уран и перепрыгивать не хотел! Пятился от забора и поджимал хвост.

Пришлось мне подставлять спину. Люська влезла мне на плечи и, кряхтя, втащила на забор Урана. Потом поставила наверх банку с киселём, влезла сама и протянула мне руку.

— Давай...

Я схватила Люську за руку и стала вскарабкиваться на забор.

— Ой, сейчас упаду! — запищала Люська, взмахнула рукой и толкнула Урана.

Бедный Уран не удержался и вместе с банкой киселя рухнул по ту сторону забора.

— Что я наделала! — испугалась Люська. — Уран, Уранчик, где ты?

Кусты под забором не ответили.

— Разбился! — прошептала Люська.

Оцепенев от ужаса, мы поглядели друг на друга. И вдруг какие-то странные звуки донеслись до нас из кустов. Как будто кто-то шлёпал босыми ногами по луже!

Мы быстро спустились на землю.

В кустах лежал Уран и, чавкая, лизал из лужи розовый кисель.

Второй корпус был направо от входа.

Мы узнали у прогуливающихся рядом больных, куда выходит окно пятой палаты, и привязали Урана к рябине, которая росла под окном. Очень удобно! Владимир Иванович выглянет и сразу увидит Урана. Мы крикнем в

форточку: «Уран, служи!», и Уран будет служить.

— Сиди тихо, — сказала Люська.

Мы вошли в больничный коридор.

— Нам налево, — сказала Люська. — Иди ты первая. Я что-то волнуюсь.

— И я волнуюсь. У меня даже шея вспотела.

— Вам, дочки, в какую палату? — спросила нянечка в белом халате.

— В пятую, к больному Каблукову...

— Владимиру Иванычу? Пойду скажу ему.

Нянечка вошла в белую дверь и громко сказала:

— Владимир Иваныч, к тебе внучки пришли!

— Это ошибка, Фёкла Матвеевна, — услышали мы тихий голос. — Это не ко мне.

Тогда мы открыли дверь и вошли.

В ПЯТОЙ ПАЛАТЕ

У окна, вытянув руки поверх жёлтого одеяла, лежал Владимир Иванович. Он был бледный. Густые косматые брови сильно выделялись на его лице, глаза смотрели как будто издалека.

— Здравствуйте, Владимир Иванович, — сказали мы.

Владимир Иванович не пошевелился, только посмотрел на нас, как бы с трудом что-то припоминая. Потом одна бровь у него слегка дрогнула и поползла вверх.

— А-а... барышни Люси... вот не ожидал, — сказал он тихо. — Опять вас из жэка прислали?

— Нет, Владимир Иванович, мы сами пришли. Пирог вам принесли. Знаете, какой вкусный!

Мы вытащили из сумки пирог и положили на тумбочку.

— Ох и красавец! — восхитился больной в халате, который сидел на соседней койке. — Прямо герой! Мамка пекла или сами?

— Сами...

Владимир Иванович поднял брови и доглядел на пирог:

— Неужели сами?!

— Пойду чаю принесу, — сказала нянечка. — Ты, Владимир Иваныч, чаю с пирогом попьёшь. Заботливые у тебя внучки, хорошие. А говорил — не к тебе!

Владимир Иванович поглядел на нас светлыми прозрачными глазами.

— Не ожидал, — сказал он. — Спасибо вам, барышни Люси.

И тут вернулась нянечка и налила всем чаю. Она вынула из кармана перочинный ножик и хотела нарезать пирог, но пирог почему-то не резался.

— Возьми мой нож, Фёкла Матвеевна, — сказал больной в халате. — У тебя, видно, затупился.

Нянечка попыталась нарезать пирог другим ножом, и опять у неё не вышло. Что-то случилось с пирогом. Он был твёрдый, как доска!

— Упорный пирог, — сказал Владимир Иванович. — Весь в хозяйек!

Он оживился. Щёки у него слегка порозовели.

— Владимир Иванович, честное слово, он вчера мягкий был! Мы его трогали!

— Может, замёрз по дороге? — улыбнулся Владимир Иванович. — Пустяки, не огорчайтесь, мы его живо в чае разогреем!

Нянечка с трудом наломала пирог на куски и окунула один кусок в чай.

— Милые мои, да куда же вы столько соды набухали! — сморщилась она.

— Пустяки! — сказал Владимир Иванович. — Сода не соль. Да что вы, Фёкла Матвеевна, замечательный пирог! Давно я таких вкусных пирогов не едал!

— А вот мы ещё и вареньицем побалуемся, — сказал больной в халате. — Вишнёвое варенье... Ешьте на здоровье!

За окном жалобно завыл Уран. Бедный, мы совсем про него забыли!

— Откуда собака взялась? — переполошилась нянечка. — Кыш! Кыш! Больных перепугаешь!

— Фёкла Матвеевна, не прогоняйте его! Это наш Уран! Мы его привели, чтобы он Владимиру Ивановичу служил!

Я взяла с тарелки кусок пирога и крикнула в форточку:

— Уран, служи! Служи!

Уран вскочил на задние лапы и высунул язык. Потом схватил лапами пирог и стал грызть его, как кость.

Владимир Иванович, приподнявшись на локте, глядел в окно и тихо смеялся.

— Владимир Иваныч, нельзя тебе подыматься! — испугалась нянечка. — Доктор Евгений Борисыч заругается!

— Не волнуйтесь, Фёкла Матвеевна, — сказал Владимир Иванович. — Мне сегодня лучше.

— Как же, «лучше»? Вспомни, что вчера было!

— А сегодня лучше! Вот честное пионерское! — сказал Владимир Иваныч и подмигнул нам с Люськой.

— Ещё бы! — сказал больной в халате. — С такими внуками не поболеешь! Не дадут!

— Не дадут! — сказал Владимир Иванович и хитро засмеялся.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА ТАЛАНТА1

1

Уже двадцать лет стоит на моём столе узкогорлая бутылочка прозрачного стекла величиной с мизинец. Внутри её поместился белобородый гномик в круглых проволочных очках и островерхом красном колпачке. Как он туда попал? Сквозь узкое горлышко ни войти, ни выйти невозможно даже крохотному гномику. Смотрит на меня сквозь стеклянную стенку бутылочки гном и, кажется, хитро подмигивает.

— Забыл, — будто бы говорит он, — что мы, гномы, волшебники? Если мы умеем приходить к вам из сказки и возвращаться обратно, то что нам какая-то бутылочка?

Но я-то живу не в сказке, а в обычном мире, и меня просто терзает вопрос: как ухитрился гном забраться в бутылочку?

Эту забавную игрушку подарила мне Ирина Пивоварова, писательница удивительного, волшебного таланта. Читая её книжки, я всё время спрашиваю себя: как удаётся превратить нашу повседневную жизнь в увлекательную сказку? Талант Ирины Пивоваровой сродни волшебству и, наподобие того гномика в бутылочке, остаётся загадкой.

2

Книжка «Рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса» складывается так же естественно, как наполненные событиями дни маленькой девочки. Текут они и текут, и, кажется, каждая минутка, любая самая незначительная встреча может превратиться в увлекательную историю. Фантазия девочки неиссякаема. Люся Синицына человек живой, непоседливый. Но все истории, которые с ней случаются, происходят с каждым из нас чуть ли не всякий день. Мы их или вовсе не замечаем, или же не обращаем внимания, а у неё всё превращается в необыкновенное приключение. Да, если смотришь на мир открытыми глазами и всё-всё тебе интересно, то и жизнь становится нескудной, расцвеченной яркими красками.

Повезло маленькой Люсе Синицыной и её подружке. Их жизнь взялась

рассказать чудесная писательница Ирина Пивоварова. Она, как волшебница, не просто писала книжки, а словно бы сотворяла свои стихи и рассказы из воздуха, солнечного света, летней зелени, невесомых зимних снежинок и мерцания ночных звёзд. Вот как сама она рассказала об этом в одном стихотворении:

Я палочкой волшебной
Тихонько проведу
По белому и чистому
Бумажному листу.

И на листе распустятся
Волшебные цветы.
Нигде-нигде на свете
Таких не встретишь ты.

Беру я снова палочку
Волшебную, и вот
Волшебный город с башнями
Лиловыми встаёт,

А в нём живут волшебники
В плащах и сапогах.
Тихонько колокольчики
Звенят на колпаках.

Сначала я прочитал всю книжку залпом, не отрываясь. Смеялся. Печалился. Удивлялся. Беспokoился. Радовался. Хмурился. Расстраивался. И чувствовал себя счастливым, будто познакомился со многими интересными мне людьми. Потом стал книгу перечитывать, медленно листая её от рассказа к рассказу, от повести к повести. И всё размышлял, как это Ирине Пивоваровой удалось увлечь меня, взрослого, даже седого дяденьку, жизнью и приключениями маленьких девочек? Они превратились в моих близких и дорогих знакомых, будто мы давно уже проживаем в одном доме, встречаемся во дворе, сидим на скамеечке и толкуем о том о

сём. Я стал даже смотреть на каждого встречного глазами Люси Синецкой и видеть то, чего раньше не замечал. Теперь я мог бы тоже рассказать множество историй о тех моих соседях, которые раньше казались мне вполне обычными людьми.

И стал я вглядываться в строки и слова книжки Ирины Пивоваровой. Вглядывался, вчитывался и понял, что и про волшебное умение писательницы тоже могу кое-что порассказать. Мне стала видна волшебная палочка её искусства.

Какими бы я представлял двух девочек-подружек, если бы не было в книжке рисунков? А вы послушайте их разговор. Одно-два слова, фраза за фразой — и вдруг чудесным образом возникают не только характеры, но и внешность. Торчащие косички или встрёпанная гривка волос, задиристый носик, строптиво сведённые короткие бровки и чистые, широко открытые глаза наивно-искреннего человека. Вот обе Люси, одна из которых учится играть на скрипке, а другая — на пианино, спорят, какой инструмент лучше. Спорят горячо, по-детски и в то же время лукаво:

«— Скрипка маленькая, её на стенку повесить можно. А попробуй пианино на стенку повесь!

— А зато на пианино можно уроки делать.

— А зато на скрипке можно за струны дёргать!

— А зато на пианино можно в дочки-матери играть!

— А зато скрипкой можно размахивать!

— А зато на пианино можно орехи колоть!

— А зато скрипкой можно мух разгонять!..»

Писательница не просто знает и чувствует своих маленьких героинь, а живёт их жизнью. Каждое слово, любой поступок или движение души абсолютно достоверны. Начинаешь думать, что это не выдуманные рассказы и маленькие повести, а подлинная биография самой Ирины Пивоваровой. Автобиографические записки или, точнее, странички дневника десятилетней девочки, вынутые из дальнего, тайного ящика детства.

Сама Пивоварова в рассказе «Секретники» открывает секрет своего творчества. Она творит искусство из всего, что окружает каждого из нас, из самых простых вещей и событий. Можно взять:

«...камень,
осколок тарелки,
бусину,
птичье пёрышко,
шарик (можно стеклянный, можно металлический).
Можно жёлудь или шапочку от жёлудя.
Можно цветок, листик, а можно даже просто траву.
Можно настоящую конфету.
Можно бузину,
сухого жука.
Можно даже ластик, если он красивый.
Да, можно ещё пуговицу, если она блестящая».

Просто, правда? Кажется, что слова в рассказах Ирины Пивоваровой складываются сами собой. На самом деле — это виртуозное писательское мастерство, умноженное на талант и чувство слова, чуткий слух, обострённое зрение художника. Вот только несколько жемчужин, разбросанных по всей книге, встречающихся почти на каждой странице. При этом Ирина Пивоварова не щеголяет своим умением создавать поэтические метафоры. Она смотрит на мир глазами ребёнка:

«...в ярких солнечных лучах плясала пыль... А надо всем этим висело небо... Страшно большое. Огромное».

Так видят только дети.

«Воробьи трещали на ветках»

и почти рядом:

«...орут на деревьях воробьи».

«...макушка у меня стала горячая, как печка»,

а вот почти та же метафора, но на другой лад:

«С моими ушами творилось что-то страшное. От них всей моей голове было горячо...»

«Слёзы падали у меня из глаз и тихо стукались о чёрную

крышку парты».

Так и видишь несчастную, плачущую горько, но молча Люську. И так её жалко в этот момент!

А вот та же Люся вылила полфлакона маминых духов на подушку:

«Подушка пахла оглушающе».

И как точно, одним словом, передано прикосновение к фарфоровой игрушечной свинке:

«...поцеловала в холодные цветочки».

Трудно остановиться. Так и хочется выхватывать искрящиеся, будто цветные стёклышки в детских «секретиках», обрывки фраз и созвездия, соцветия слов. Ну, вот напоследок: собака

«так хорошо пахла собакой»!

5

Ирина Пивоварова писала чудесные стихи. Она настоящий поэт, а поэт очень точен и в прозе. Скуп на слова.

Девочки говорят по телефону. Всего несколько слов, а завязывается интрига маленького эпизода, до предела сжимается пружина действия, напряжённого, почти детективного. Умело, непринуждённо подогревает девочка интерес подружки:

- «— Люсь, привет! Ты чего делаешь?
- Привет, Люсь, ничего не делаю. А ты чего?
- Да я тут одну вещь придумала.
- Какую?
- Не скажу, а то разболтаешь.
- Ну скажи, Люсь! Честное слово, не разболтаю!
- Честное-пречестное?
- Честное-пречестное!
- Поклянись.
- Клянусь!
- Ну ладно, завтра скажу.

- А сейчас?
- Сейчас не могу. Родители подслушают.
- А ты шёпотом...»

Так и подмывает перевернуть несколько страниц и узнать, что затеяла маленькая выдумщица. Даже представить трудно, как дождалась утра бедная Люська Косицына.

Жизнь двух девочек наполнена, разнообразна, насыщена событиями. Каждый день приносит горести, радости, удивление, открытия. Весёлые, но иногда очень грустные, ведь бытие десятилетнего человека так же трудно, наполнено раздумьями, потерями, горькой обидой неразделённой любви, как и взрослого.

Вырастет Люся Сеницына и наверняка останется интересным, равнодушным к жизни человеком.

6

Люська впервые, неожиданно для себя сочинила стихи:

Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.

И лёд сверкал под нами,
Смеялись мы — хи-хи,
И мы по льду бежали,
Проворны и легки.

Я читаю эти непритязательные, неумелые строки и представляю себе, как через много лет, может быть, именно эта девочка сочинит такие строки:

Волшебный город с башнями
Лиловыми встаёт,
А в нём живут волшебники
В плащах и сапогах.
Тихонько колокольчики

Звенят на колпаках.
А в небе сразу светят
И звёзды, и закат...

Леонид Яхнин

